

МНОГОСЛОЙНЫЙ СТРАТИФИЦИРОВАННЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ЮТАШ-САЙ

Т.Т. Чаргынов*

*Южный Кыргызстан / Ферганская долина / памятник эпохи палеолита
Southern Kyrgyzstan / Fergana valley / Paleolithic site*

Территория Кыргызской Республики традиционно подразделяется на два региона – северный и южный, которые отличаются географическими и климатическими условиями, а следовательно, и хозяйственно-культурными характеристиками. Север включает районы Внутреннего Тянь-Шаня, Чуйскую и Таласскую долины, Иссык-Кульскую котловину; юг охватывает Кетмень-Тюбинскую, Чаткальскую, значительную часть Ферганской долины, а также высокогорные долины Алая и Каракульджи.

Естественно-географические условия определили в каждой из этих зон направление развития хозяйства и способствовали сложению его многоукладности, что соответствующим образом отразилось на формировании материальной и духовной культуры скотоводческих и земледельческих племен, населявших территорию Кыргызстана в различные исторические эпохи. Их сосуществование и взаимовлияние во многом стало характерной чертой исторического развития.

Но задолго до того времени, когда намечалась эта специализация, территория Кыргызстана уже была обитаема. Самые ранние следы человеческой деятельности датируются здесь нижним палеолитом и обнаружены как на севере, так и на юге.

Изучение первобытной истории Южного Кыргызстана началось в 1953 г., с организации первого в истории республики палеолитического отряда под руководством А.П. Окладникова при Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Намеченные разведочные работы позволили впервые выявить ряд памятников каменного века на территории Кыргызстана. До

этого времени о них имелась лишь обрывочная информация.

Первые сведения о памятниках каменного века на территории Кыргызстана известны с конца XIX в. А.Э. Шмидт в 1892 г. около с. Койсары Иссык-Кульской области собрал несколько кремневых орудий позднепалеолитического времени. Интересные сборы были сделаны Я.С. Бергом в той же области. В 1930 г. при раскопках средневековых курганов около Аламединской ГЭС в Чуйской долине М.В. Воеводским в насыпи одного из них было обнаружено несколько каменных пластин со следами обработки [Юнусалиев 1970: 5-7]. Позже, в 1941–1947 гг. Тяньшано-Алайской археологической экспедицией, организованной Киргизским филиалом АН СССР и Ленинградским государственным университетом под руководством А.Н. Бернштама, регистрировались места, наиболее вероятные для заселения первобытным человеком. В ходе работ экспедиции была отмечена перспективность изучения древнейшей истории республики [Бернштам 1997: 233].

Большая заслуга в открытии палеолитических местонахождений на территории Южного Кыргызстана принадлежат А.П. Окладникову, В.А. Ранову и краеведу П.Т. Конопле.

Так, в 1953 г. П.Т. Коноплей вблизи селения Охна Кадамжайского района Баткенской области было обнаружено шесть палеолитических местонахождений. Найденное каменное изделие – кремневый дисковидный нуклеус – датирован А.П. Окладниковым мустьерским временем [Конопля 1959: 41-44; Окладников, Леонов 1961: 36-42; История ... 1984].

В том же году на местонахождении Пальман, расположенном между кишлаками Пальман и Уч-Курган, на десятиметровой голодностепской террасе р. Исфайрам-Сай были найдены: чоппер с широким выпуклым лез-

* Чаргынов Тамерлан Таиштанбекович – канд. ист. наук. КГПУ им. И. Арабаева, ГИМ КР. Кыргызстан, г. Бишкек, tima_chargynov@mail.ru

вием, образованным несколькими узкими сколами, аналогичным он-арчинской находке, и чоппинг из кремнистого известняка с выпукло-овальным и извилисто-угловатым лезвием, образованным двусторонними негативами сколов на широкой части орудия [Ранов и др. 1967: 21-24].

В 1954 г. в ущелье Ходжа-Бакырган-Сай у кишлака Кайрагач (отсюда и второе название – Кайрагач) А.П. Окладниковым был обнаружен чоппер в виде массивной гальки овальной формы, грубо оббитый вдоль одного края несколькими ударами, в результате которых образовалось дугообразное выпуклое, как у сечки, лезвие [Окладников 2003: 156-157].

В те же годы было обнаружено местонахождение Ходжа-Гаир, расположенное в 1,5 км выше святого мазара Ходжа-Гаир у р. Исфайрам-Сай в зоне адыров южной части Ферганской долины. П.Т. Коноплей на поверхности склона 20-метровой террасы было найдено изделие, представляющее собой массивное клиновидное орудие с характерной «пяткой» и выпуклым поперечным лезвием. Обе стороны орудия, охарактеризованного А.П. Окладниковым как чоппер, оформлены сколами, лезвие несет следы дополнительной подправки из черного кремня [Окладников 2003: 157]. Артефакт условно отнесен В.А. Рановым к концу нижнего – началу среднего плейстоцена. Также не исключена более ранняя дата [Ранов 1965: 397-398].

Местонахождение Уч-Курган расположено к юго-востоку от кишлака Уч-Курган у топографического знака на правом борту р. Исфайрам-Сай, ниже выхода его из горного массива Арпалык. П.Т. Коноплей выше имеющегося местами аккумулятивного чехла в виде галечника, перекрытого лессом, над широкой голодностепской террасой был найден чоппинг грубой подтреугольной формы, с одной – плоской, а с другой – выпуклой стороной и с двусторонним лезвием. Изделие, отнесенное к нижнему палеолиту, не опубликовано. Характерно, что непосредственно на поверхности останца позднеташкентской террасы, в районе кладбища, были подобраны несколько отщепов, один из которых был явно леваллуазского происхождения [Ранов, Несмеянов 1973: 47-48; Ранов и др. 1967: 24].

Местонахождение Аирбаз представляет собой серию из пяти палеолитических местонахождений, расположенных в районе селения Марказ, близ ущелья Ходжа-Гаир в Кадамжайском районе Баткенской области. На

поверхности террасы р. Халкомайн П.Т. Коноплей был обнаружен незначительный каменный инвентарь, отнесенный А.П. Окладниковым к среднему палеолиту [Конопля 1959: 43-46; Ранов и др. 1967: 24-25].

В 1954 и 1955 гг. А.П. Окладниковым обследовалась стоянка Ходжа-Гор, расположенная на правом берегу р. Исфара у южного борта впадин сороковой параллели южнее поселка Чорку. Собранные материалы А.П. Окладников типологически связывает с переднеазиатскими культурами и датирует самым концом позднего палеолита [Окладников 1959]. Геологические условия залегания обработанного кремня изучались С.А. Несмеяновым и В.А. Рановым, выводы которых совпадают с данными археологии [Ранов 1965: 399; Ранов, Несмеянов 1973: 43-44].

Мастерская на выходах сырья Капчыгай, открытая в 1956 г. П.Т. Коноплей, расположена в Баткенской области в горах Арпалык северного мегасклона Алайского хребта в ущелье Данги (Дангирендере), образованном ручьем Халкомайн, правым притоком р. Кожо-Кайыр, возле зимника Юташ-Сай. Координаты памятника: 40°07'06,9" с. ш., 71°56'58,9" в. д., высота над уровнем моря около 1400 м [Окладников и др. 1964: 5-11; Деревянко и др. 2001: 98-99]. В следующем году при повторном исследовании данного объекта П.Т. Коноплей и В.А. Рановым была собрана небольшая коллекция каменных изделий [Касымов 1972: 6]. На склонах возвышенности Капчыгай в изобилии имеются естественные выходы кремнистой породы, плитчатые желваки которой древнее население использовало в качестве исходного сырья для изготовления каменных орудий.

В 1958 и 1959 гг. Институт истории и археологии АН УзССР организовал палеолитическую экспедицию под руководством А.П. Окладникова для более тщательного изучения мастерской. В результате работ была собрана представительная археологическая коллекция, насчитывающая 2641 каменных артефактов [Окладников и др. 1964: 6-7; Касымов 1972: 18-19]. Мастерская Капчыгай традиционно рассматривается как мустьерский памятник с ярко выраженной леваллуазской традицией обработки камня. Наличие же в коллекции небольшой серии подпризматических, конических ядрищ и выразительных скребков не является, на наш взгляд, достаточным основанием для строгого разделения материала на изделия верхнего и среднего палеолита [Касымов 1972: 18-36]. Скорее это

свидетельствует о незначительной примеси в коллекции материала верхнего палеолита или о переходном характере всей каменной индустрии Капчыгая, укладываемой в рамки финального среднего и начала верхнего палеолита [Чаргынов 2003: 232-236].

Наряду с местонахождениями открытого типа на территории Южного Кыргызстана исследовались и пещерные комплексы и местонахождения.

В 1955 г. палеолитический отряд АН Киргизской ССР исследует пещеру Сель-Ункур, которая расположена в 30–40 м над уровнем долины на западной окраине с. Хайдаркан и обращена к востоку широким округлым сводом, достигавшим в высоту примерно 25 м, в ширину у входа – 20 м, а в глубину – около 50 м. Пещера сырая, потолок закопчен, по мере углубления пол повышается, в глубине видны огромные блоки отвалов.

Первый шурф был заложен в пещере А.И. Пошком, затем А.П. Окладниковым и П.Т. Коноплей. В 1964 г. ее обследованием занимался Ферганский археологический отряд АН УзССР. Шурфы выявили на глубине 1,1 м несколько отщепов. Материал для изготовления орудий принесен откуда-то издалека, так как не только в пещере, но и во всей долине подобный материал не найден [Конопля 1959: 42; Юнусалиев 1975: 189-190]. С 1980 г. регулярные раскопные работы ведутся под руководством У.И. Исламова [Исламов 1984; 1988; Исламов, Оманжулов 1984; Исламов и др. 1988; Батыров, Батиров 1988; Величко и др. 1988; 1990; Исламов, Крахмаль 1990; 1992]. По мнению У.И. Исламова, находки, обнаруженные в рыхлых отложениях пещеры, характеризуются ашельским обликом (бифасы, кливер, лимасы и т.д.) и должны датироваться в пределах нижнего плейстоцена [Исламов, Крахмаль 1995: 165-166]. Л.Б. Вишняцкий рассматривает индустрию памятника как нижнепалеолитическую, не относя ее при этом к ашелю, но включая в круг галечных культур [Вишняцкий 1996: 102-107]. В.А. Ранов также рассматривает данную индустрию в рамках нижнего плейстоцена, но, сопоставляя с материалами лессового палеолита Таджикистана, относит к заключительному этапу каратауской галечной культуры [Ранов 2000]. Ряд же исследователей на основании геохронологических, фаунистических и палинологических данных считают Сельунгур среднеплейстоценовым местонахождением [Величко и др. 1990: 79]. По всей вероятности, материалы

этой пещеры отражают сочетание хорошо выраженной, наиболее ярко представленной в первичной обработке камня галечной традиции и ашельской.

П.Т. Конопля упоминает еще несколько пещер, в которых, судя по размерам, а также близости источников воды и другим благоприятным условиям, могли обитать люди каменного века.

Пещера Катта-Ункур расположена в 8 км к западу от поселка Кадамджай, в ущелье, находящемся в 1,5 км к северу от дороги. Вход в нее возвышается над дном долины на 300 м. Перед входом – удобная площадка, в 300 м находится родник. В полости – два зала. Первый представляет собой прямоугольное помещение, занимающее около 300 м² удобной площади. От второго он отделен нависшей аркой, под которой, не сгибаясь, можно пройти во второе помещение площадью 400 м². На стенах кое-где просматриваются рисунки. Свободный доступ воздуха в оба помещения, отсутствие сырости, а также близость воды и арчовых зарослей делают пещеру перспективной для исследования.

Пещера Ункур-Камар расположена в 9 км к востоку от Кадамджая, в ущелье протянувшимся в меридиональном направлении. Пещера имеет в плане грушевидную форму. Высота ее – около 3 м. Внутри камеры следы древней копоты. Пол покрыт известковыми натечками.

В 5 км к югу от с. Аирбаз в районе урочища Ходжа-Гаир в нескольких десятках метрах от правого борта сая расположена небольшая пещера со следами обитания в древности. Найденные там два кремневых отщепов датированы А.П. Окладниковым поздним палеолитом.

В 1 км на север от восточной окраины с. Охна на высоте около 300 м над уровнем долины расположена карстовая пещера, которая была обитаема в древности, о чем свидетельствовал заложенный там шурф.

На северной окраине с. Уч-Кун (восточнее Охны) у слияния Охнинской речки с водами Шахримардан-Сая расположена карстовая пещера, входом ориентированная на юго-запад. Обнаруженная пластина из кремнистого известняка темно-серого цвета в небольшом шурфе, заложенном здесь, датирована поздним палеолитом [Конопля 1959: 41-47].

В 1967 г. с образованием палеолитического отряда Института истории АН Киргизской ССР под руководством В.А. Ранова возобновились исследования по древнейшей истории.

В 1968 г. палеолитический отряд заложил шурф в довольно большой пещере Сасык-Ункур, расположенной в 2 км к юго-западу от с. Араван. Обнаруженные в шурфе обгорелая кость и пять каменных орудий датированы мустьерским временем [Юнусалиев 1970: 14].

К настоящему времени на территории Южного Кыргызстана обнаружено около двух десятков местонахождений, относящихся к различным этапам палеолита (Ходжа-Бакырган-Сай, Пальман, Уч-Коргон, Коджо-Кайыр и др.) (рис. 1). Археологические материалы большинства из них, относимых исследователями к раннему и среднему этапам палеолита, представлены единичными галечными изделиями (чопперы, чоппинги, галечные скребла и т.д.) без четкой стратиграфической привязки [Конопля 1959: 41-47; Ранов 1968: 23-25]. Исключение составляют пещерный комплекс Сельунгур и мастерская на выходах сырья – Капчыгай. Вопрос о хронологической интерпретации материалов пещеры Сель-Ункур остается открытым.

Рис. 1. Местонахождение Юташ-Сай.
Вид с северо-востока

Уникальные данные по палеолиту Южного Кыргызстана после долгого перерыва были получены в ходе исследований, проводимых с 2000 г. Российско-Кыргызской международной археологической экспедицией (Институт археологии и этнографии СО РАН и Институт истории АН КР) в рамках решения проблемы заселения древним человеком территории Центральной Азии в плейстоцене [Деревянко и др. 2003-а: 87-91]¹.

Одной из задач, стоявших перед экспедицией, было проведение археологических исследований, направленных на поиски и изучение стратифицированных памятников каменного века на территории Южного Кыргызстана.

Наиболее перспективными для исследования являются окрестности мастерской Капчыгай. Предварительное обследование территорий, прилегающих к району мастерской, проведенное в 2001 г. [Деревянко и др. 2001: 98-99], позволило предположить возможность проведения здесь стационарных раскопочных исследований. В ходе обследования данной территории в 2002 г. было установлено, что выходы кремнистых пород, пригодных для изготовления каменных артефактов, имеются только на возвышенности, на юго-западном склоне которой и была обнаружена мастерская Капчыгай. В ходе детального обследования северного склона в районе развалин зимника Юташ-Сай была обнаружена относительно ровная площадка, слабо наклоненная в северном направлении.

Стоянка находится в Кадамжайском районе Баткенской области, в 15 км к югу от с. Марказ. Географически этот район относится к отрогам Алайского хребта, южному горному обрамлению Ферганской долины. Памятник расположен в одном из боковых ответвлений – саев длинной межгорной долины ущелья, сложной сетью проходов пересекающей горный хребет. Ширина основной долины и его ответвлений варьирует: на некоторых участках они простираются до 1 км, кое-где сужаясь до каньона шириной в несколько метров с высокими обрывистыми стенами. Стоянка располагается на террасовидном уступе, возвышающемся над дном сая на 18–20 м (координаты: 40°07'25,9" с.ш., 71°57'43,5" в.д., высота над уровнем моря – 1394 м). На склонах уступа были обнаружены крупные куски кремнистой породы и многочисленные артефакты, при этом основная концентрация каменных изделий наблюдается в верхней части склона. В ходе разведочных работ было установлено, что выходы черных и темно-серых кремнистых пород, хотя и довольно плохого качества (сильная трещиноватость), но пригодных для изготовления каменных артефактов, имеются только на одной горе, на юго-западном склоне которой располагается мастерская Капчыгай, а на северном склоне – местонахождение Юташ-Сай. Вершина горы (максимальная высота составляет 1720 м) представляет собой вытянутую в направлении восток – запад узкую каменистую площадку, почти лишенную рыхлых отложений, на поверхности которой имеются выходы сырья.

С целью выявления возможности залегания каменных артефактов в рыхлых отложениях и

определения стратиграфической ситуации на площадке уступа был заложен шурф, размером $1 \times 1,5$ м. После прохождения шурфа до глубины 1,4 м было установлено, что на данном местонахождении артефакты залегают на разных уровнях, при этом отмечается высокая концентрация находок. Для более детального анализа стратиграфии, проведения планиграфических наблюдений и определения характера залегания находок было решено расширить площадь раскопа до 16 м^2 (4×4 м). В результате работ на этой площади рыхлые отложения были вскрыты до глубины 1,3 м, а шурф – до глубины 2,2 м.

Предварительное обследование, проведенное в 2002 г., позволило предположить, что данный объект представляет собой многослойный палеолитический памятник, археологические материалы которого залегают в непо потревоженном состоянии. Практически вся поверхность площадки покрыта каменными артефактами, при этом сохранность поверхности изделий различна: от среднедефлированных до недефлированных. В основном археологические материалы представлены продуктами первичного расщепления камня, но нередко встречаются и хорошо оформленные разнообразные орудия. Вне всякого сомнения, археологические материалы осыпались с вершины горы к ее основанию. При этом перемещение материала происходило в двух основных направлениях: южном и юго-западном – с одной стороны, и северном – с другой. На северо-западном и восточном склонах горы археологического материала не обнаружено. Осмотр каменных осипей подтвердил предположение, что среди обломков кремнистой породы могут встречаться артефакты.

В 2003 г. археологические исследования памятника были продолжены. При этом было принято решение увеличить площадь раскопа на 30 м^2 , в результате чего общая площадь раскопа составила 50 м^2 . В результате проведенных работ была вскрыта толща рыхлых отложений мощностью 3,55 м, состоящая из 18 литологических подразделений. Было выделено 23 горизонта залегания каменных артефактов, разделенных стерильными прослойками. Общая численность каменных артефактов составила более 34 тыс. экземпляров.

В 2004 г. в ходе продолжения исследований на местонахождении площадью 50 м^2 была вскрыта толща 5,3 м. В результате в толще рыхлых отложений, состоящей из 24 литологических подразделений, обнаруженные археологические материалы залегают в строгом

соответствии с литологическими подразделениями и относятся к четко выраженным горизонтам залегания артефактов. В настоящее время выявлено 30 горизонтов залегания археологического материала, разделенных стерильными прослойками. Общая численность каменных артефактов составила более 36 тыс. экземпляров (рис. I).

Стратиграфия

В результате исследований 2002–2004 гг. на площади 50 м^2 была вскрыта толща рыхлых отложений мощностью 5,3 м, состоящая из 24 литологических подразделений (рис. II, III). Обнаруженные археологические материалы залегают в строгом соответствии с литологическими подразделениями и относятся к четко выраженным горизонтам залегания находок. В настоящее время выделено 30 разделенных стерильными прослойками горизонтов залегания каменных артефактов. Анализ характера залегания археологических материалов позволяет сделать заключение, что мы имеем дело с горизонтами обитания. Горизонт залегания каменных артефактов 7Г, выделенный в седьмом литологическом слое, прослеживается всего в трех квадратах: А1, В1 и В1. Планиграфические наблюдения, проведенные в процессе раскопок, позволяют сделать заключение, что археологические материалы большинства горизонтов находятся в непо потревоженном состоянии. Об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве горизонтов присутствуют изделия, являющиеся составными элементами единого блока, т.е. сколотыми с одного ядрища. Наиболее яркие апплицированные цепочки получены в материалах горизонтов 2, 6 и 10. Наблюдения за расположением фрагментов единого блока в

Рис. II. Местонахождение Юташ-Сай. Раскоп 2002–2004 гг.

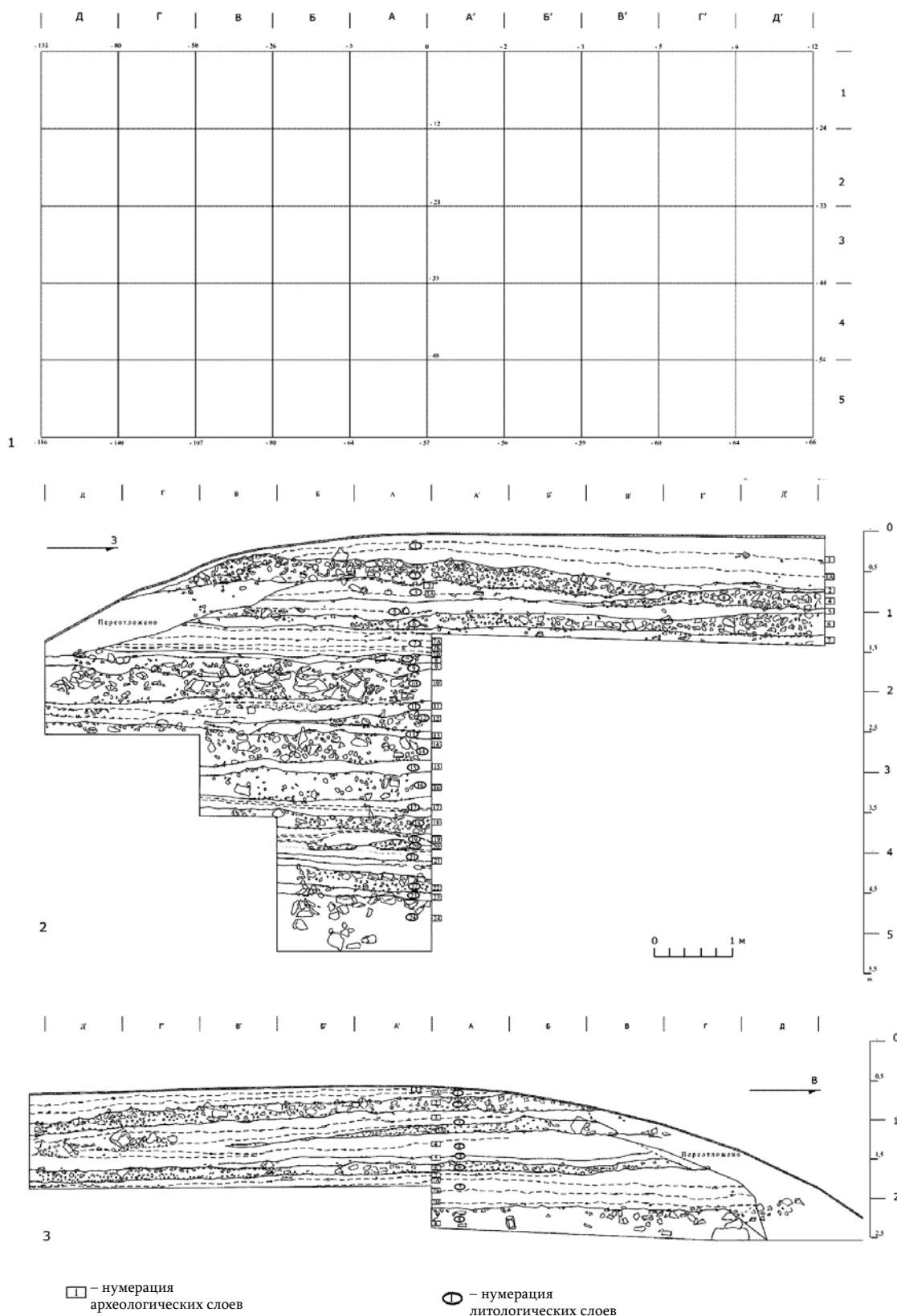

Рис. III. Местонахождение Юташ-Сай. План и разрезы раскопа.
 1 – плана раскопа 2002-2004 гг.; 2 – южный профиль разреза по линии 1;
 3 – северный профиль разреза по линии 6.

плане показывают, что они находились в непосредственной близости друг от друга. Другим свидетельством является сохранность самих артефактов. Основная часть каменных изделий, обнаруженных в раскопе, отличается превосходной сохранностью, при этом многие сколы имеют очень тонкие и острые края без следов механических повреждений. Несомненно, что любое перемещение слоя, особенно щебнисто-глыбового, привело бы к повреждению тонких кромок артефактов.

Выделяются десять литологических горизонтов (слои 2, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 22, 24), с разной степенью интенсивности насыщенные глыбами и щебнем кремнистой породы, снеженными с господствующих высот. Наиболее крупными размерами глыб и насыщенностью щебня характеризуются горизонты 2, 10, 14 и 24. Примером могут служить горизонты 2 и 10, давшие наиболее многочисленную коллекцию артефактов. Это слои мощностью от

20–25 до 46 см, состоящие из крупных блоков кремнистой породы, щебня, дресвы и лесса в качестве заполнителя. Многие куски породы покрыты карбонатной коркой. Образование щебнисто-глыбовых горизонтов, по всей вероятности, связано с тектоническими процессами, вызвавшими перемещение обломочных масс с более высоких уровней. При этом слои формировались отсортированной щебнистой массой без заполнения рыхлыми отложениями, о чем свидетельствует положение археологических материалов по всей толще слоя, а не по горизонтам залегания. Кроме того, в составе щебнисто-глыбовых горизонтов присутствуют каменные артефакты со средней степенью дефляции поверхности. Таким образом, каждый щебнисто-глыбовый горизонт содержит в себе два разнородных археологических комплекса: дефлированный (переотложенный, перемещенный с высоких уровней) и недефлированный. Последний находится в непо потревоженном состоянии, так как образовался после формирования щебнисто-глыбовых горизонтов. Глыбовые горизонты разделены чистыми лессовыми прослойками (рис. III).

1. *Современная почва.* Мощность варьирует в пределах 12 см. Верхняя часть представлена дерном (2–4 см), нижняя – лессово-гумусовым горизонтом, пронизанным корневой системой. Нижняя граница слоя нечеткая, извилистая. На контакте дерна и лессово-гумусового горизонта встречаются единичные каменные артефакты (горизонт 1).

2. *Слой 1.* Лесс мощностью 14–26 см, комковатый, пронизан корневой системой. В первой половине толщи слоя четко фиксируется горизонт, содержащий мелкие обломки камня и артефакты (горизонт 1а). Мощность горизонта составляет около 3 см. Нижняя граница слоя четкая.

3. *Слой 2.* Глыбово-щебнистый горизонт мощностью 20–25 см, состоящий из крупных блоков кремнистой породы, щебня, дресвы и лесса в качестве заполнителя. Многие куски породы покрыты карбонатной коркой. В подошве слоя фиксируется концентрация кристаллов соли. Слой включает значительное количество каменных артефактов (горизонт 2), залегающих по всей его толще. Артефакты имеют разную степень дефляции, от недефлированных до среднедефлированных. По всей вероятности, слой сформировался в результате перемещения с более высоких уровней и находится в переотложенном состоянии.

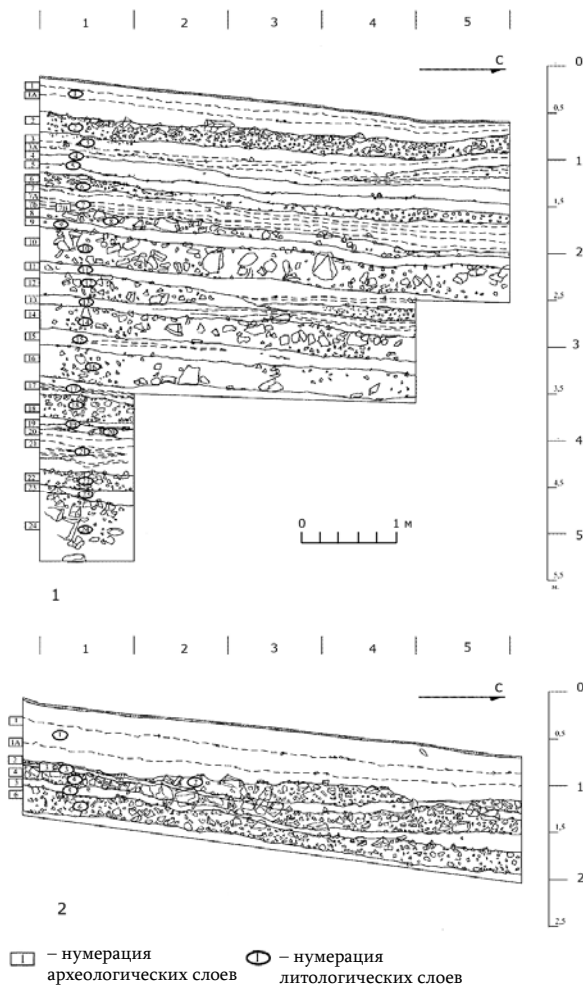

Рис. IV. Местонахождение Юташ-Сай.
Разрезы раскопа.
1 – западный профиль разреза по линии А;
2 – западный профиль разреза по линии Д.

4. *Слой 3.* Мелкокомковатый лесс более темного оттенка, чем слой 1, мощностью 15–20 см. В кровле слоя присутствует примесь дресвы. Слой вмещает в себя два горизонта залегания находок: первый приурочен к кровле слоя (горизонт 3), второй – к подошве (горизонт 3а). Граница с нижележащим слоем четкая.

5. *Слой 4.* Тонкоструктурный лесс единичными включениями мелких камней, более светлый, чем вышележащий слой. В верхней части слоя, примерно на 5–7 см ниже кровли, располагается горизонт залегания находок (горизонт 4); слой прослеживается на всей площади раскопа.

6. *Слой 5.* Тонкоструктурный лесс, мощность которого варьирует в пределах 10–14 см. Отличается от вышележащего слоя коричневатым оттенком и более обильным включением щебня. Археологические материалы залегают в кровле слоя (горизонт 5). Границы слоя четкие.

7. *Слой 6.* Лессово-щебнистый горизонт мощностью 16–18 см. Основу слоя составляет лессовая пачка; включение щебня на разных участках раскопа неравномерно – от обильного до редких кусков породы. В подошве слоя прослеживается увеличение содержания соли в виде отдельных крупинок и корочек. Основная концентрация археологических находок (горизонт 6) приурочена к нижней части слоя, хотя встречаются артефакты и в кровле.

8. *Слой 7.* Лессовая пачка, мощностью до 36 см, однородная, плотная, тонкоструктурная. Встречаются вкрапления мелкого обломочного материала, покрытого карбонатной коркой. В слое прослежено четыре уровня залегания археологического материала, разделенного стерильными прослойками (горизонты 7–7в).

9. *Слой 8.* Щебнисто-глыбовый горизонт, цементированный лессом светло-коричневого оттенка; мощность варьирует в пределах 15 см. От слоя 2 отличается большим содержанием крупных обломков. В кровле слоя встречаются единичные артефакты (горизонт 8).

10. *Слой 9.* Лессовая пачка мощностью до 15 см, однородная, тонкоструктурная, более темного оттенка, чем заполнитель вышележащего слоя. Встречаются единичные включения обломочного материала. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 9).

11. *Слой 10.* Щебнисто-глыбовый горизонт, цементированный темным коричневатосерым лессом, мощность слоя точно не ус-

тановлена (пройден на глубину 35 см). В слое обнаружены каменные артефакты, располагающиеся на разных высотных уровнях. Возможно, при вскрытии большей площади удастся выделить горизонты залегания находок.

12. *Слой 11.* Лессовая пачка мощностью до 17 см светло-коричневого оттенка с линзами дресвы и включением обломочного материала разных размеров. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 11).

13. *Слой 12.* Лессово-щебнистый горизонт мощностью 20–25 см. Основу слоя составляет лессовая пачка с обломочным материалом разных размеров; включение щебня и дресвы на разных участках раскопа неравномерно – от обильного до редких кусков породы. Основная концентрация археологических находок (горизонт 12) приурочена к нижней части слоя, хотя встречаются артефакты и в кровле.

14. *Слой 13.* Лессовая пачка мощностью до 15 см желто-коричневого оттенка с включением прослоек из дресвы. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 13).

15. *Слой 14.* Глыбово-щебнистый горизонт мощностью до 46 см с лессовым заполнителем светло-коричневого оттенка. В подошве слоя на разных участках раскопа неравномерно прослеживается увеличение щебня. Концентрация археологических находок (горизонт 14) приурочена к нижней части слоя, хотя артефакты встречаются и в кровле.

16. *Слой 15.* Лессовый тонкоструктурный горизонт с прослойками дресвы светло-желто-коричневого оттенка с мощностью до 20 см, встречаются единичные включения мелких камней. Слой содержит археологический материал (горизонт 15).

17. *Слой 16.* Щебнисто-глыбовый горизонт мощностью 30–40 см, менее насыщенный обломочным материалом, чем вышележащий глыбово-щебнистый слой, коричнево-желтоватым оттенком лессового заполнителя. Археологический материал приурочен к нижней части слоя, хотя встречаются и в кровле (горизонт 16).

18. *Слой 17.* Лессовый горизонт, мощность которого достигает 20 см, с прослойками дресвы и включением единичного мелкообломочного материала имеет палево-желтый оттенок. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 17).

19. *Слой 18.* Щебнисто-глыбовый горизонт мощностью 16–28 см, чуть более темного оттенка лесса, чем вышележащий слой. Содержит каменные артефакты (горизонт 18).

20. *Слой 19.* Лессовый горизонт, мощность которого достигает 10 см, с прослойками дресвы и включением единичного мелкообломочного материала имеет светло-красновато-коричневый оттенок. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 19).

21. *Слой 20.* Лессовый горизонт слабокрасноватого оттенка мощностью до 20 см с прослойками дресвы и включением незначительного мелкообломочного материала. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 20).

22. *Слой 21.* Лессовый горизонт светло-красновато-коричневого оттенка мощностью до 30 см с более насыщенными прослойками дресвы и включением единичного мелкообломочного материала. Слой содержит каменные артефакты (горизонт 21).

23. *Слой 22.* Глыбово-щебнистый горизонт мощностью до 21 см с лессовым заполнителем светло-желтовато-коричневого оттенка. Слой содержит археологический материал (горизонт 22).

24. *Слой 23.* Лессовый горизонт светло-красновато-коричневого оттенка мощностью до 16 см с включением незначительного обломочного материала. Слой содержит археологический материал (горизонт 23).

25. *Слой 24.* Глыбово-щебнистый горизонт с лессовым заполнителем светло-желтовато-коричневого оттенка вскрыт на глубину 60 см. Слой также содержит каменные артефакты (горизонт 24).

Следует отметить, что площадь раскопа была разная. Так, горизонты 1–6 были вскрыты на площади 50 м², а горизонты 7–10 – на площади 30 м². На площади 20 м² была вскрыта толща 11, 12, 13-го и кровля 14-го горизонтов. Горизонты 14–16 были вскрыты на площади 12 м². Далее, в целях установления содержания археологического материала, в нижних слоях был заложен шурф, размерами 1 × 2 м на глубину 5,3 м, что дало возможность выделить восемь горизонтов с содержанием каменных артефактов. В данную работу не включены археологические материалы горизонтов 17–24, ввиду малочисленности каменных артефактов, что, в свою очередь, не дает возможности полноценно провести технико-типологический анализ.

Таким образом, на представленном разрезе местонахождения Юташ-Сай прослеживается 24 литологических подразделения, иллюстрирующих различные этапы процесса осадконакопления в данном районе. Образование щебнисто-глыбовых горизонтов (слои 2, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 22, 24), по всей вероятности, свя-

зано с тектоническими процессами, вызвавшими перемещение обломочных масс с более высоких уровней. Не исключено, что археологические материалы этих слоев находятся в перетолженном состоянии. Тем не менее, на данном объекте четко фиксируются разные уровни залегания каменных артефактов, относящиеся к разным временным отрезкам. Материалы большинства горизонтов находятся в непотревоженном состоянии, что подтверждается планиграфическими наблюдениями.

На территории Южного Кыргызстана памятники ашельского и мустьевого времени характеризуются поверхностным сбором каменных артефактов на местонахождениях. Нижнепалеолитические местонахождения характеризуются единичными находками перетолженных архаичных каменных артефактов на поверхности нанайского комплекса, в связи с чем их следует отнести к ашельскому времени и связывать с началом ташкентского и нанайским этапом, что согласуется с выводами А.П. Окладникова и В.А. Ранова [Окладников 1966; Ранов, Несмеянов 1973].

Каменные артефакты местонахождений Аирбаз 1–5, видимо, были снесены водостоком р. Кожо-Кайыр с мастерской Капчыгай, которая расположена выше по ее руслу. Об этом свидетельствуют расположение артефактов на аллювиальных надпойменных террасах, единая сырьевая база и схожесть по технико-типологическому облику.

В результате произведенного нами анализа была выявлена несомненная преемственность типологического облика орудий в технокомплексах стоянки Юташ-Сай, начиная с нижних и до верхних горизонтов, общие черты в системе обработки этих орудий.

Одной из задач нашего исследования было определение степени влияния функциональных особенностей объекта и доступа к сырью на характер оформления и утилизации орудий. Причина периодически совершавшихся посещений территории памятника кроется не только в наличии пригодного материала, доступности породы, подходящей для изготовления артефактов. По всей видимости, свою роль сыграло и довольно удачное расположение памятника на местности – расположенная в одной из боковых ответвлений главной долины стоянка занимала возвышенность, позволяющая осуществлять обзор и контроль довольно значительного участка местности. Именно сочетание доступа к сырью (которое, так или иначе, находилось в пределах 1 км) и

стратегическое положение удобной, относительно ровной площадки определило привязанность древнего населения к этому участку. Скорее всего, территория памятника на всем протяжении использования древним человеком функционировала как мастерская, привлекавшая его внимание близостью к сырью и выгодным стратегическим положением.

Археологические материалы, обнаруженные в данной толще рыхлых отложений, залегают в строгом соответствии с литологическими подразделениями и относятся к четко выраженным горизонтам залегания находок. Планиграфические наблюдения, проведенные в процессе раскопок, позволяют сделать заключение, что археологические материалы большинства горизонтов находятся в непотревоженном состоянии, о чем свидетельствует тот факт, что в большинстве горизонтов присутствуют изделия, являющиеся составными элементами единого блока, т.е. сколотыми с одного ядрища. Другим свидетельством является сохранность самих артефактов, при которой многие изделия имеют очень тонкие и острые края без следов механических повреждений. Анализ каменной индустрии данного местонахождения позволяет рассматривать ее в рамках среднего палеолита с незначительным присутствием леваллуазской традиции обработки камня. При утилизации нуклеидных изделий во всех культурных комплексах памятника, от нижних к верхним, господствовал предельно простой и по-своему эффективный ситуационный подход. В целом, характеризуя индустрию рассматриваемых горизонтов, необходимо отметить однообразный облик орудийного набора во всех слоях стоянки. В общем, это довольно узкоспециализированная, не слишком разнообразная комбинация пяти основных компонентов – скребел, скребков, выемчатых, шиповидных орудий и сколов с ретушью.

Ближайшие и естественные параллели прослеживаются в материалах мастерской Капчыгай [Окладников и др. 1964; Касымов 1972], расположенной в непосредственной близости. Используя тот же самый источник сырья, носители культурной традиции Капчыгай оставили типологический набор, состоящий из тех же компонентов. Близким является также комплекс пещеры Сель-Унгур, расположенной в пределах 50 км от стоянки Юташ-Сай. Судя по опубликованным материалам [Исламов, Крахмаль 1992; 1995], единственным различием между ними являются несколько более ярко

выраженные элементы леваллуа в материалах последней и большее количество рубящих орудий в материалах первой.

Среди палеолитических памятников Узбекистана некоторые параллели можно провести с Кульбулаком и Тешик-Ташем. Помимо орудий с зубчатым краем, для Кульбулака характерны те же черты, что и для Юташ-Сая: укороченность, массивность сколов, частое использование в качестве заготовок орудий обломков и осколков камня. Сколы пластинчатых пропорций встречаются редко, и собственно пластин почти нет. Отличительной чертой индустрии, на фоне других среднепалеолитических комплексов Средней Азии, является наличие в коллекции двусторонне обработанных изделий [Касымов 1972; 1990; Вишняцкий 1996: 119-120]. Тешик-Таш характеризуется значительным распространением скребел и скребков, которые занимают доминирующее место среди всех орудий [Ранов, Несмеянов 1973: 15]. По мнению некоторых авторов, скребков в индустрии Тешик-Таша нет [Вишняцкий 1996: 57]. Вероятно, скребки, выделенные А.П. Окладниковым, представляют своеобразную группу, которая впервые выявлена на массовом материале местонахождения Юташ-Сай.

На территории Казахстана ближайшие аналогии прослеживаются в среднедефлированных изделиях памятника Кызылтау [Алпысбаев 1979; Деревянко и др.: 1996; 1998; Деревянко и др. 1997; Деревянко и др. 2002; Цыбанков 2004]. Среди нуклеидных изделий, как и на Юташ-Сая, доминируют одноплощадочные монофронтальные продольные и поперечные нуклеусы. Индустрия сколов так же, как и на Юташ-Сая, представлена преимущественно обломками. Достаточно предствительно выглядит группа орудий с рабочим элементом в виде выемки или «шипа». Комбинированные орудия малочисленны. Присутствуют сколы с леваллуазской морфологией, которые также находят аналогии в индустрии местонахождения Юташ-Сай.

Среди палеолитических памятников Северо-Западного Алтая некоторые аналогии прослеживаются в группе денисовского варианта алтайского мустье. Мустьерские материалы по техническим параметрам определяются как нелеваллуазские, непластинчатые и нефасетированные. Типологический облик инвентаря определяется собственно мустьерскими и зубчато-выемчатыми элементами, присутствием достаточно разнообразных верхнепалеолити-

ческих форм, относительно небольшим количеством типично леваллуазских изделий и единичными экземплярами орудий с бифасиальной обработкой [Окладников, Оводов 1978; Деревянко и др. 1985; Маркин 1987; Шуньков 2001; Деревянко и др. 2003-б: 110]. В пещере им. Окладникова каменная индустрия характеризуется приемами радиального, параллельного и леваллуазского расщепления, высокий показатель среди сколов заготовок укороченных пропорций, преобладание скребел в типологическом списке орудий, в котором доминирует мустьерская группа орудий. Двусторонне обработанные изделия также представлены единичными образцами бифасов.

Таким образом, анализ каменной индустрии местонахождения Юташ-Сай позволяет рассматривать ее в рамках среднего палеолита с незначительным присутствием леваллуазской традиции обработки камня. По всей вероятности, здесь прослеживается развитие индустрии разных этапов внутри мустьерского времени.

Имеющиеся на сегодня данные позволяют предполагать, что процесс первоначального заселения древним человеком территории Южного Кыргызстана происходил в эпоху

раннего палеолита и связан с носителями галечных традиций в первичной и вторичной обработке камня. На следующем этапе произошло наложение привнесенной ашельской традиции на более древние местные галечные, что наблюдается в материалах пещеры Сельунгур. Формирование и развитие среднепалеолитических индустрий, по всей вероятности, происходило на основе дальнейшего развития леваллуазской техники при значительном влиянии автохтонной традиции обработки камня, в первую очередь, позднеашельской.

Не вызывает сомнения необходимость дальнейшего продолжения археологических исследований в данном регионе. Несомненно, потребуются выявление и тщательное исследование новых стратифицированных объектов с привлечением широкого круга специалистов естественнонаучных дисциплин, что позволит на качественно ином уровне решать вопросы, связанные с проблемой заселения южных районов Кыргызстана в древности.

Примечания

1. Публикацию отдельных материалов 2002 г. см.: [Султанов 2005] – ред.

Abstract

MULTI-LAYER STRATIFICATED PALEOLITHIC SITE UTASH-SAY

T.T. Chargynov

The territory of Central Asia takes a special place in modern Paleolithic Studies. It was a transit zone of migration waves from Africa into Eurasia. Until our days the Paleolithic sites in the territory of Kyrgyzstan were studied sporadically. The lack of data on this period we had, did not allow to understand the full picture of it. Systematical studies took place in the beginning of XXI century due to collaboration of scholars of Kyrgyzstan and the Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian department of the Academy of Sciences of Russia under the guidance of A.P. Derevyanko. As result some new Paleolithic sites were found.

One of them is the stratified polystratum site Utash-Say in Southern Kyrgyzstan, that was found 2002. In the paper are presented stratigraphical and planigraphical data to show that the most part of artifacts is bedded *in situ* here. The correlation with sites of neighboring regions on the base of technical-typological analysis of stone artifacts from the site Utash-Say is given. The main methods of stone splitting, predominate types of storages and specificity of tools are defined. The scheme describes the development of South Kyrgyzstan in the Paleolithic epoch.

Литература

- Алпысбаев 1979 – *Алпысбаев Х.А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). – Алма-Ата, 1979.
- Батыров, Батиров 1988 – *Батыров Б.Х., Батиров А.Р.* Ископаемые млекопитающие пещеры Сель-Унгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. – Ташкент, 1988.
- Бернштам 1997 – *Бернштам А.Н.* Из истории Восточной Ферганы и Алая (Краткий отчет археологической экспедиции 1946 г.) // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 1. – Бишкек, 1997.
- Величко и др. 1988 – *Величко А.А., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Ударцев В.П.* Палеоэкология ашельской стоянки Сель-Унгур (предварительное сообщение) // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. – Ташкент, 1988.

- Величко и др. 1990 – *Величко А.А., Арсланов Х.А., Герасимова С.А., Исламов У.И., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Ударцев В.П., Чиколини Н.И.* Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур (Советская Средняя Азия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990.
- Вишняцкий 1996 – *Вишняцкий Л.Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб., 1996.
- Деревянко и др. 1985 – *Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В.* Исследование Денисовой пещеры. Описание плейстоценовых осадков. Слои 9–22. – Новосибирск, 1985.
- Деревянко и др. 1996 – *Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Маркин С.В., Ефремов С.А.* Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. – Новосибирск, 1996.
- Деревянко и др. 1997 – *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Гладышев С.А., Рыбин Е.П.* Изучение памятников открытого типа эпохи камня на северо-восточном склоне хребта Каратау (Кызылтау-1) в 1997 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 3. – Новосибирск, 1997.
- Деревянко и др. 1998 – *Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Бексеитов Г., Петрин В.Т., Зенин А.Н.* Исследование памятников каменного века с поверхностным залеганием артефактов на территории Южного Казахстана в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 4. – Новосибирск, 1998.
- Деревянко и др. 2001 – *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Чаргынов Т.Т.* Новые исследования мастерской Капчыгай в Кыргызстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 7. – Новосибирск, 2001.
- Деревянко и др. 2002 – *Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Цэрэндагва Я.* Раннепалеолитический комплекс Кызылтау-1 в Южном Казахстане // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002.
- Деревянко и др. 2003-а – *Деревянко А.П., Зенин А.Н., Табалдиев К.Ш., Рыбин Е.П., Чаргынов Т.Т., Цыбанков А.А.* Результаты исследований местонахождения Юташ-Сай в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 9. Ч. 1. – Новосибирск, 2003.
- Деревянко и др. 2003-б – *Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А.* Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск, 2003.
- Исламов 1984 – *Исламов У.И.* Первая нижнепалеолитическая пещерная стоянка в Ферганской долине // ОНУз. – 1984. – № 8.
- Исламов 1988 – *Исламов У.И.* Итоги и перспективы изучения пещерной стоянки Сель-Унгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии. – Ташкент, 1988.
- Исламов и др. 1988 – *Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М.* Палеолитическая стоянка Сель-Унгур // Вопросы антропологии. Вып. 80. – 1988.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. 1990 – *Исламов У.И., Крахмаль К.А.* Некоторые проблемы палеоэкологической реконструкции ашельской стоянки Сель-Унгур // ОНУз. – 1990. – № 12.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. 1992-б – *Исламов У.И., Крахмаль К.А.* Окружающая среда древнепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1992.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А. 1995 – *Исламов У.И., Крахмаль К.А.* Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. – Ташкент, 1995.
- Исламов, Крахмаль 1992-а – *Исламов У.И., Крахмаль К.А.* Комплексные исследования древнепалеолитической стоянки Сель-Унгур // Раннепалеолитические комплексы Евразии. – Новосибирск, 1992.
- Исламов, Оманжулов 1984 – *Исламов У.И., Оманжулов Т.* Пещерная стоянка Сель-Унгур // ИМКУ. Вып. 19. – Ташкент, 1984.
- История ... 1984 – История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в.: В 5 т. Т. 1. – Фрунзе, 1984.
- Касымов 1972 – *Касымов М.Р.* Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. – Ташкент, 1972.
- Конопля 1959 – *Конопля П.Т.* Следы людей каменного века на территории Южной Киргизии // ИАН КиргССР. Сер. обществ. наук. Т. 1. Вып. 1. – Фрунзе, 1959.
- Маркин 1987 – *Маркин С.В.* Многослойный археологический разрез Денисовой пещеры // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987.
- Окладников 1959 – *Окладников А.П.* Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы: Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.: Л., 1959.
- Окладников 2003 – *Окладников А.П.* Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. – Новосибирск, 2003.
- Окладников и др. 1964 – *Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т.* Капчыгайская палеолитическая мастерская // ИМКУ. Вып. 5. – Ташкент, 1964.

- Окладников, Леонов 1961 – *Окладников А.П., Леонов Н.И.* Первые находки каменного века в Фергане // КСИА, Вып. 86. – М., 1961.
- Окладников, Оводов 1978 – *Окладников А.П., Оводов Н.Д.* Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае // АО 1977 года. – М., 1978.
- Ранов 1965 – *Ранов В.А.* Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии // Основные проблемы изучения четвертичного периода. – М., 1965.
- Ранов 1968 – *Ранов В.А.* Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945–1965) // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. – Душанбе, 1968.
- Ранов и др. 1967 – *Ранов В.А., Несмеянов С.А., Конопля П.Т.* Палеолитические местонахождения в Южной Фергане // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967.
- Ранов, Несмеянов 1967 – *Ранов В.А., Несмеянов С.А.* Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе, 1973.
- Султанов 2005 – *Султанов Э.* Палеолитическое местонахождение Капчигай-II (результаты исследований 2002 г.) // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Цыбанков 2004 – *Цыбанков А.А.* Палеолитические комплексы Кызылтау (Южный Казахстан). АКД. – Новосибирск, 2004.
- Чаргынов 2003 – *Чаргынов Т.Т.* Новый взгляд на материалы мастерской Капчыгай (коллекции 1958–59 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 9. Ч. 1. – Новосибирск, 2003.
- Шуныков 2001 – *Шуныков М.В.* Археология и палеография палеолита Северо-Западного Алтая. АДД. – Новосибирск, 2001.
- Юнусалиев 1970 – *Юнусалиев М.Б.* В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. – Фрунзе, 1970.
- Юнусалиев 1975 – *Юнусалиев М.Б.* К заселению пещер Киргизии человеком каменного века // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана (досоветский период). – Фрунзе, 1975.

АВАРИЙНЫЕ РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КАРООЛ-ДЁБЁ В 2001–2002 гг.

А.И. Торгоев*

*Иссык-Кульская котловина / погребения / Эпоха великого переселения народов
Issyk-Kul hollow / burials / the epoch of Great migration of nations*

В 2001 г. одна из групп Иссык-Кульской археологической экспедиции Кыргызско-Российского Славянского университета (далее КРСУ, начальник экспедиции – академик НАН КР В.М. Плоских) проводила разведочное обследование археологических памятников в районе с. Кароол-Дёбё (бывш. Йгилик, Иссык-Кульский район, Иссык-Кульская область). В 1 км к северо-западу от с. Кароол-Дёбё, в местности, называемой Тёш, местные жители указали нам на современный глиняный карьер, действующий уже около трех лет. В нем при выборке глины постоянно встречались древние захоронения. Кости и инвентарь из разрушенных захоронений обычно перезахоранивали недалеко от карьера.

При осмотре карьера в его срезях были отчетливо видны следы погребений, обозначенные открытыми катакомбами. Обнаруженный могильник получил название Каро-

ол-Дёбё. Внешне на поверхности склонов никаких признаков могильника не имеется. Этот факт объясняется тем, что могильник находится на южном склоне холма и уровень древней дневной поверхности погребен под оплывами лесса с его поверхности.

В 2001 г. в срезе карьера, на высоте 1,35 м от современной дневной поверхности склона холма, было зафиксировано полуразрушенное экскаватором погребение коня. Примерно в 7 м к западу от него, на глубине 4 м от современной дневной поверхности прослеживалась открытая катакомба. Эти два захоронения, поскольку им угрожало полное уничтожение, были нами исследованы.

Погребение 1. На глубине 1,35 м от современной дневной поверхности выявлена погребенная под толщей однородной глины оплыва древняя дневная поверхность. На ее уровне расчищено зольное пятно с кусками прокаленной глины, образовавшимися в результате достаточно долгого горения. В длину

* Торгоев Асан Исакбекович – Государственный Эрмитаж, Россия, г. Санкт-Петербург, toras@kunstkamera.ru

пятно прослежено на расстояние около 1 м. Никаких кальцинированных остатков в зольнике не было. Скорее всего, зольное пятно относится к какой-то заупокойной тризне, совершенной по умершему.

Погребение было совершено в овальной в плане грунтовой яме, частично уничтоженной при заборе глины. Ее сохранившаяся часть сужается ко дну. Дно ямы, на котором был уложен конь, находится на глубине 1,3 м от уровня поверхности зольника. Сохранившаяся длина ямы – 1,7 м.

Заполнение состояло из чистого лесса. Так как погребение достаточно долго стояло в открытом виде, то лесс ссохся и выемка его представляла значительную трудность.

Конь лежал в вытянутом положении. Шея его была изогнута почти петлей. Концы ребер, ноги и часть черепа срезаны ковшом экскаватора.

На дне могильной ямы сохранились следы органики в виде зеленого пятна; выше него

находилась древесная труха. Других находок не зафиксировано.

Погребение 2 (рис. 1). До начала расчистки это погребение представляло собой частично разрушенную катакомбу, вырытую в лессовом грунте с частичным заходом в материковый слой из крупнозернистого гранитного песка. Дно катакомбы находилось на 4,5 м ниже современной дневной поверхности. Как уже отмечалось, в древности уровень дневной поверхности находился на 1,2–1,3 м ниже современного, следовательно, дно катакомбы первоначально находилось на глубине около 3 м.

В плане катакомба имеет восьмерковидную форму и состоит из двух сообщающихся камер. Общая длина по линии север – юг – 4,2 м. Дромос не сохранился; вероятнее всего, он подходил к большей камере с юга, со стороны склона.

Меньшая камера, по-видимому, первоначально имела овальную форму. Сохранилась она на длину 1,35 м при наибольшей ширине 1,4 м. Имела сводчатый потолок. Наибольшая сохранившаяся высота камеры – 0,75 м.

Большая камера округлых очертаний, по-видимому, имела куполообразный потолок. Длина по оси запад–восток – 2,6 м. Наибольшая сохранившаяся высота – 0,5 м; в среднем она сохранилась на высоту около 0,3 м.

В восточном секторе катакомбы находился череп, рядом с которым лежало три обломка жердей от погребальных носилок. На них лежал деревянный столик и деревянный обруч от наборного ведерка, рядом – дно ведерка. В середине камеры – три вытянутых цепочкой камня, рядом с которыми в беспорядке – отдельные человеческие кости.

В западном секторе – планки ведерка, фрагмент деревянной кружки и керамический сосуд. Здесь же, рядом со стенкой катакомбы, находились два человеческих черепа, один из которых лежал в деревянной чаше.

В южном секторе малой камеры обнаружен деформированный череп и немногочисленные, хаотично лежащие кости скелета. Среди костей найдены обломки сильно корродированного железного кольца с сохранившимися на нем остатками ткани и заостренный прямоугольный в сечении деревянный штырь. У западной стенки лежала лопатка коня (?).

Скелет с деформированным черепом, скорее всего, относился к нижнему ярусу погребений, так как находился несколько глубже остальных и в срезе ямки, в которой лежал череп, было хорошо видно, как уровень дна большей камеры, на котором находились ос-

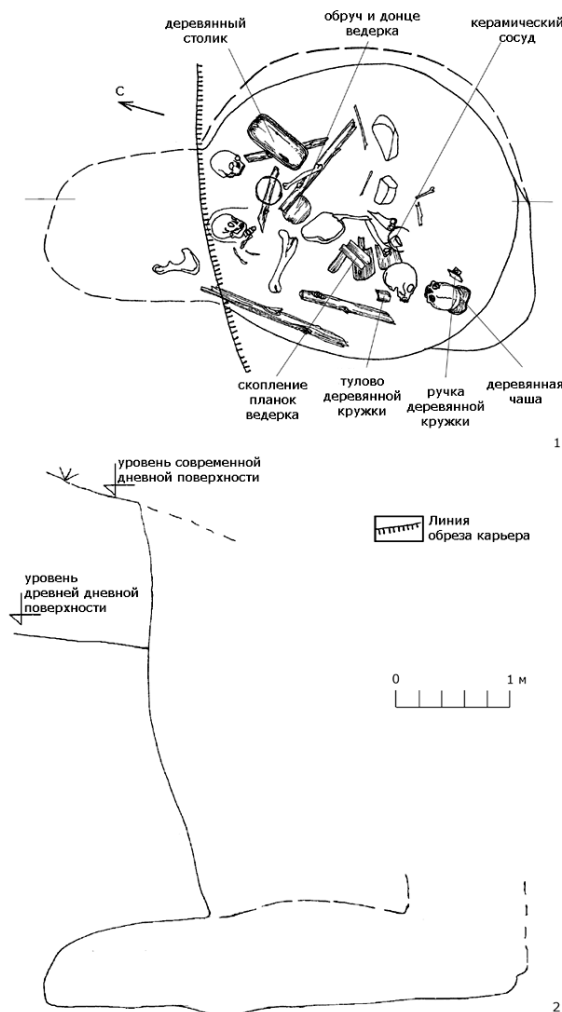

Рис. 1. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 2. План и разрез

тальные погребения и инвентарь, перекрывает это погребение. Видимо, первоначально существовала только малая камера, которая была позже расширена, и в образовавшейся большей по размерам камере было захоронено не менее трех человек. В момент ограбления кости всех скелетов были перемешаны и большей частью выброшены за пределы катакомбы – в погребении было найдено крайне небольшое количество костей.

Краткое описание найденного в катакомбе инвентаря:

Деревянный ковш с полусферическим корпусом и ручкой. Размеры ковша: глубина ковша 8,5 см, диаметр корпуса 11,4 см, длина ручки 26,5 см (рис. II. 2).

Деревянный блюдо-столик четырехугольной формы с четырьмя массивными, короткими, усеченно-коническими ножками, одна из которых сломана в древности. Вырезан из цельного куска дерева. Размеры: высота 10,5 см, ширина 25,5 см, длина 63 см (рис. II. 6).

Фрагменты деревянной, почти цилиндрической кружки с прямоугольной ручкой. Размеры кружки: высота 13,3 см, диаметр 12,5–12,6 см (рис. II. 3).

Деревянная, полусферическая чаша, выточенная на токарном станке. Поверхность чаши немного обожжена, на внешней поверхности сохранились немногочисленные следы красной краски или лака. Высота чаши 9,8 см, максимальный диаметр 26 см (рис. II. 1).

Ведерко. Дерево. Корпус состоит из восьми планок, имеющих некоторую выпуклость; три из них шириной 20–20,5 см, одна – 14,4 см, четыре – 4–6 см; максимальная толщина – 1,3–1,4 см. На одной из четырех широких планок имеется единственная прямоугольная в сечении ручка, расположенная вертикально. Планки ведерка скреплялись тремя деревянными обручами. Обручи сделаны из рассеченных надвое веток мягкого, легко гнущегося дерева (ивы?), доработанных ножом; концы связаны кожаными ремешками. По сохранившимся на планках следам обручей удалось восстановить их расположение: два находились непосредственно под венчиком и у дна, третий располагался под ручкой. Размеры ведерка: высота – 24–26 см, диаметр дна – 25,5 см, реконструируемый максимальный диаметр – 26–27 см. (рис. II. 5);

Археологически целый керамический горшочек банкообразной формы. Тесто горшочка сильно запесоченное, обжиг слабый, скорее всего, костровой. Черепок в изломе

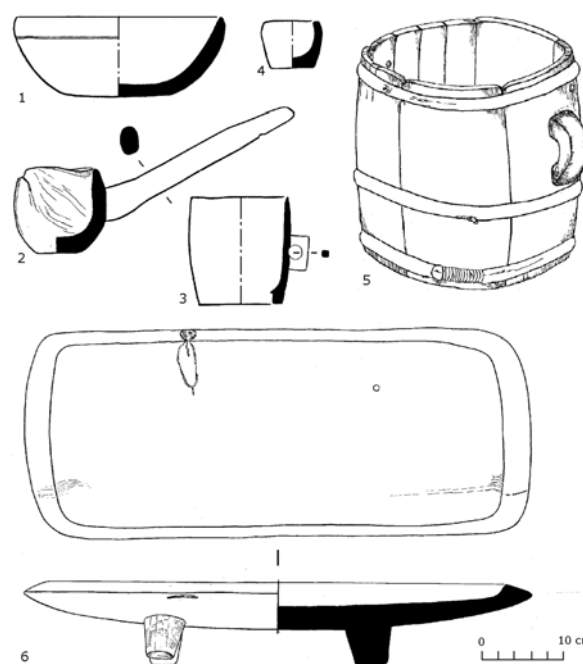

Рис. II. Могильник Кароол-Дёбе. Погребение 2.
Сопроводительный инвентарь:
1–3, 5–6 – дерево, 4 – керамика

черного цвета. Размеры горшочка: высота 6 см, максимальный диаметр 7,6 см (рис. II. 4).

Два сильно корродированных железных кольца, на одном из которых сохранились мелкие кусочки ткани.

Плоский деревянный штырь, прямоугольный в сечении, с приостренным концом длиной 25 см. Одна из его сторон покрыта слабо заметными царапинами в виде сеточки из пересекающихся ромбов. Назначение неясно.

В 2002 г. в рамках археологической практики студентов КРСУ было расчищено еще одно погребение².

Погребение 3 (рис. III) было совершено в катакомбе, восточная часть которой уничтожена при работе экскаватора. На уровне современной дневной поверхности сохранилась едва заметная насыпь высотой до 0,2 м.

Дромос колодцеобразной формы, диаметром 0,8–1 м, со ступенькой в 0,3 м у входа в катакомбу. Вход перекрыт камнем. Дно катакомбы на 2,2 м ниже уровня современной дневной поверхности.

Катакомба овальной в плане формы, со сводчатым потолком, ориентирована по линии север – юг. Длина – 2,7 м, сохранившаяся ширина – 2,2 м, сохранившаяся высота – 0,7 м.

Погребение ограблено в древности. По обнаружении этого захоронения в процессе работы экскаватора местные жители, видимо, выбрали хорошо сохранившиеся вещи, при

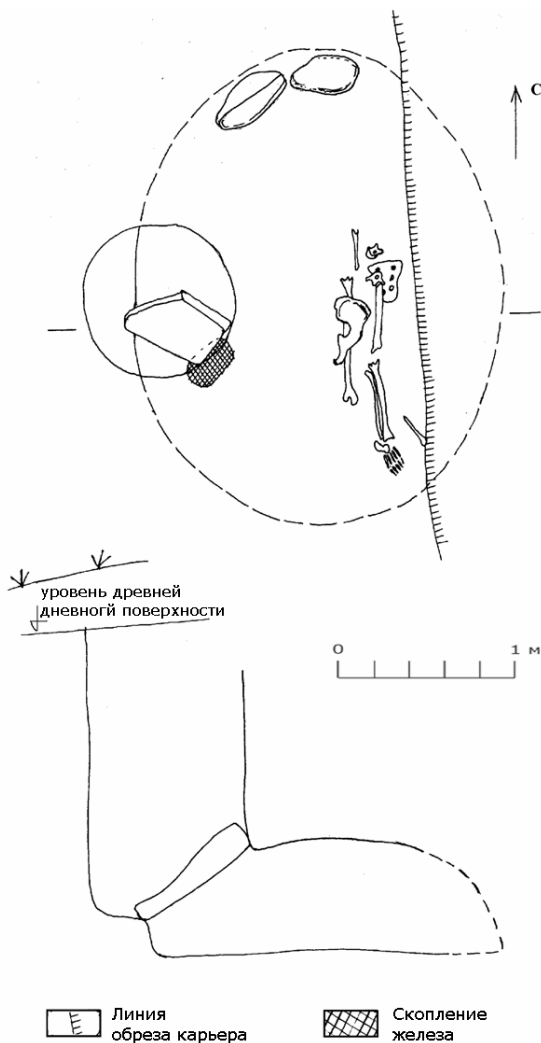

Рис. III. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 3.
План и разрез.

этом сильно сместив кости погребенных в катакомбе людей.

В катакомбе встречены кости двух скелетов. Анатомический порядок сохранили только кости ноги одного из скелетов. Судя по ним, погребенный был уложен вытянуто, на спине головой на север.

Дно катакомбы покрывала древесная труха. У входа в катакомбу концентрировались остатки инвентаря: бесформенные сильно коррозированные фрагменты железа, вероятно, от котла и сильно окисленная бронзовая прямоугольная накладка с заклепками по углам (заплата на сосуд?).

Деревянные предметы, аналогичные найденным в погребении 2, характерны для захоронений кенкольской культуры [Бернштам 1940: рис. XVI, рис. XVIII; Кожомбердиев 1963: рис. 9]. Деревянные столики на четырех коротких ножках, вырезанные из одного куска

дерева, появляются в обиходе кочевников уже в позднескифское время². Такой столик найден в одном из склепов могильника Суглуг-Хем I в Центральной Туве [Семенов 2003: 28, рис. 41. 13]. Очень похожие столики встречены в Фергане [Латынин, Оболдуева 1959: рис. 7. 1-2, рис. 8. 5; Anarbaev, Matbabaev 1993/94: fig. 24]. Известны они и в погребениях кокельской и таштыкской культур [Вадецкая 1999: рис. 54]. Ковши, напоминающие, но не аналогичные нашему, есть среди материалов уже упомянутых культур Южной Сибири. Очень близкий ковшик найден на горе Муг в Верхнем Зеравшане [Бентович 1966: 364, рис. 2.2]. Подобной формы ковши кыргызы использовали до нач. XX в. Кружки и чаши, подобные обнаруженным, хорошо известны в кенкольской культуре. Кроме того, они представлены в погребениях джетысарской культуры [Левина 1996: рис. 123]. Как видно из краткого перечня приведенных аналогий, деревянные изделия были распространены в родственных кенкольской культурах Средней Азии и Южной Сибири.

Исключительный интерес представляет деревянное наборное ведро³, прямых аналогий которому в культурах кочевников Центральной Азии найти не удалось. Но нашлись некоторые аналогии на весьма отдаленных от Прииссыккуля территориях. Фрагменты очень близкого наборного ведерка найдены в храме Хоруджи, в Японии [Archaeological collections ... 2002: Ph. 72/014-015], где они датированы периодом Асука (VII в.). У аваров зафиксированы ведерки, набранные из планок, скрепленных железными обручами и имеющие железные ручки [Rosner 1998: Taf. 68]. Деревянный обруч от какого-то крупного сосуда так же, как и обручи нашего ведерка, стянутый ремешками, найден среди вещей начала VIII в. на горе Муг [Бентович 1958: 364]. Форма мугского сосуда не восстановима, но вполне возможно, что он также был набран из отдельных планок.

Удалось найти аналогии и в традиционных культурах тюрко-монгольских кочевников Центральной Азии, которые проливают свет на функциональное назначение нашего ведерка.

Деревянные ведерки, аналогичные по форме и размерам, использовались алтайцами и тувинцами как подойники [Дьяконова 1976: 207-209, рис. 5; Тоцакова 1976: 194]. У монголов и бурят доение скота осуществлялось только в деревянные подойники, использовать

которые в других целях было запрещено [Вяткина 1969: 89-90]. Деревянную посуду для доения и хранения молочных продуктов использовали киргизы (кыргызы), казахи и другие тюркоязычные кочевники [Фиельструп 1930: 271]. А.Н. Самойлович отмечает, что у казахов, в отличие от бурят, не делалось различия между ведерками для доения скота и для воды [Самойлович 1930: 314].

У кочевников Центральной Азии известно несколько вариантов ведерок-подойников. Наиболее распространенными являются ведерки-подойники, выдолбленные из цельного куска дерева со вставным дном, часто сделанным из бересты. Кроме того, подойники такого типа должны были иметь слив и веревочную или кожаную дужку. Традиция изготовления таких подойников восходит к гунно-сарматскому времени. Модели такого типа подойников зафиксированы в могильнике Кокэль [Дьяконова 1976: рис. 5]. В одном из хорошо сохранившихся грунтовых погребений таштыкской культуры на горе Оглахты вместе с бочонком был найден полноразмерный долбленный сосуд с открытым сливом и вставным дном [Кызласов 1960: 105]. В Карабулакском могильнике в Фергане также известны цилиндрические, долбленные ведерки со вставным дном без сливов, высота которых не превышает 20 см [Баруздин 1956: 64, рис. 7; Баруздин 1957: 29-30, рис. 6. 2].

Гораздо реже использовался другой тип ведерок-подойников. В.П. Дьяконова, изучавшая деревянную посуду кочевников Саяно-Алтая, отмечает, что алтайцы и некоторые группы монголов иногда использовали подойники, набранные из планок [Дьяконова 1988: 61]. Алтайский сосуд, на который ссылается В.П. Дьяконова (МАЭ 3974-19), представляет собой ведерко усеченно-конической формы, высотой 27 см и диаметром дна 20 см. Скреплен он так же, как и бочонок из Кароол-Дёбё, деревянными обручами.

В коллекции МАЭ хранится небольшая коллекция бурятских ведерок-подойников, набранных из планок. Бурятские подойники представлены двумя вариантами. К первому варианту относится сосуд усеченно-конической формы с закрытым сливом (МАЭ 2033-9). Второй вариант представляют сосуды с цилиндрическим корпусом, в высоту они не превышают 22 см при максимальном диаметре тулова 26 см (МАЭ 2098-51, 2098-52).

Помимо подойников, в бурятской коллекции посуды, набранной из планок, имеет-

ся сосуд с усеченно-коническим туловом и с овальным в сечении корпусом. У этого сосуда имеются две небольшие вертикальные ручки и крышка. Он, скорее всего, использовался в иных целях, вероятнее всего, для хранения готовых молочных продуктов.

Приведенные аналогии свидетельствуют о том, что наборное ведерко из Кароол-Дёбё должно быть интерпретировано как подойник.

Единственная ручка слишком мала для того, чтобы за нее возможно было поднять наполненный сосуд. В.П. Мыльников отмечает специальные прямоугольные прорезы по краям деревянных блюд пазырыкской культуры, которые предназначались для приторачивания их к вьюку или седлу при транспортировке [Мыльников 1999: 35]. Возможно, что ручка подойника имела аналогичное применение.

Сосуд из Кароол-Дебе является древнейшим образцом деревянного наборного ведерка-подойника в Центральной Азии и еще раз доказывает то, что деревянная посуда кочевников Центральной Азии мало подвержена временным изменениям.

Краткие выводы

Наиболее близкие по конструкции погребального сооружения и инвентарю погребения исследованы в Центральном Тянь-Шане [Бернштам 1952: 60-67; Кожомбердиева 1997: 29].

Дата раскопанных погребений, судя по аналогиям деревянным изделиям в культурах предтюркского времени Средней Азии и Южной Сибири, должна рассматриваться в рамках III-VII вв., более точная датировка невозможна из-за отсутствия твердо датированных вещей с коротким временем бытования.

Добавим, что датировка кенкольских памятников, к кругу которых относятся и вышеописанные, до сих пор остается дискуссионной и есть основания считать, что наиболее поздние памятники культуры должны датироваться вплоть до VII в. [Амброз 1981: 21; Торгоев 2005: 90].

Надо заметить, что ранее к памятникам эпохи великого переселения народов на Иссык-Куле относили только два раскопанных А.Н. Бернштамом подбойных захоронения в могильнике Кырчин (курганы 65 и 68) [Бернштам 1952: 67-68]. Э.И. Кожомбердиева, вслед за А.Н. Бернштамом, также отнесла их к этой эпохе [Кожомбердиева 1997: 30]. Однако отнесение этих двух погребений к памятникам эпохи переселения народов бесосновательно по двум причинам. Во-первых, оба погребения

ния были безынвентарными, притом что они не были ограблены. Для погребального обряда племен кенкольской культуры отсутствие инвентаря совершенно не характерно. Во-вторых, захоронения были совершены в подбоях, устроенных в северной стенке. Такого типа подбоя хорошо известны в Средневековье.

А.Н. Бернштам предполагал, однако, наличие памятников кенкольского типа на Иссык-Куле, и подтверждением этой его догадки являются погребения могильника Кароол-Дёбё. На сегодня этот могильник является первым и единственным безусловным памятником кенкольской культуры на оз. Иссык-Куль.

Примечания

1. Следов погребения 2 найти уже не удалось, так как карьер продолжал использоваться.

2. Столики пазырыкской культуры, чуть более ранние и синхронные находке из Суглуг-хема, обычно имеют дополнительные съемные ножки, увеличивающие высоту столика [см: Мыльников 1999: 35; аналогии столикам скифского времени см: Полосьмак 2001: 199].

3. Наборному ведерку-подойнику был посвящен доклад автора на Среднеазиатско-Кавказских (Лавровских) чтениях МАЭ РАН в 2003 г. При публикации краткого содержания доклада [Торгоев 2003] по вине редакции был упущен рисунок самого подойника, а опубликованы рисунки только его аналогий. Считаю не лишним привести здесь еще раз часть текста этого доклада.

Abstract

THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATION ON THE BURIAL MOUND KAROOL-DĚBĚ IN 2001–2002

A.I. Torgoev

This article deals with materials originating from the ruining Karool-Děbě burial ground on the Issyk-Kul lake. The burials in question were made in catacombs. A vast amount of wooden wares was found in one of the catacombs, including a unique milk-pail bucket made of wooden planks. Catacomb burials can be dated into the III–VII AD and belong to the population of the Kenkol culture.

Литература

- Амброз 1981 – Амброз А.К. Степи азиатской части СССР в древнетюркское время // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – (Археология СССР).
- Баруздин 1956 – Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник (раскопки 1954 года) // ТИИ АН КирССР. Вып. 2. – Фрунзе, 1956.
- Баруздин 1957 – Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник (раскопки 1955 года) // ТИИ АН КирССР. Вып. 3. – Фрунзе, 1957.
- Бентович 1958 – Бентович И.Б. Находки на горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа) // Труды ТАЭ. Т. 3. 1951–1953 гг. – М.; Л., 1958. – (МИА № 66).
- Бернштам 1940 – Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. – Л., 1940.
- Бернштам 1952 – Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – (МИА № 26).
- Вадецкая 1999 – Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб., 1999.
- Вяткина 1969 – Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. – Л., 1969.
- Дьяконова 1988 – Дьяконова В.П. Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. МАЭ. № 42. – Л., 1988.
- Дьяконова 1976 – Дьяконова В.П. Некоторые палеоэтнографические черты в традиционной культуре тувинцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976.
- Кожомбердиев 1963 – Кожомбердиев И.К. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
- Кожомбердиева 1997 – Кожомбердиева Э.И. Географическое расположение катакомбно-подбойных могильников Киргизии и учет их особенностей // Древности Евразии. – М., 1997.
- Латынин, Оболдуева 1959 – Латынин Б.А., Оболдуева Т.Г. Исфаринские курганы // КСИИМК. Вып. 76. – М., 1959.
- Левина 1996 – Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М., 1996.
- Мыльников 1999 – Мыльников В.П. Обработка дерева носителями Пазырыкской культуры. – Новосибирск, 1999.
- Полосьмак 2001 – Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001.

- Семенов 2003 – Семенов В.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. – СПб., 2003.
- Самойлович 1930 – Самойлович А.Н. Казаки Кошагачского аймака Ойратской автономной области // Казаки. Вып. 15. – Л., 1930.
- Торгоев 2003 – Торгоев А.И. Об одном редком типе деревянной посуды в Центральной Азии // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских (Лавровских) чтений МАЭ РАН 2002–2003 гг. – СПб., 2003.
- Торгоев 2005 – Торгоев А.И. Геральдический пояс с верхнего Таласа // Археологические вести. Вып. 12. – СПб., 2005.
- Тоцакова 1976 – Тоцакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976.
- Фиельструп 1930 – Фиельструп Ф.А. Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. Вып. 15. – Л., 1930.
- Anarbaev, Matbabaev 1993/94 – Anarbaev A., Matbabaev B. An early medieval urban necropolis in Fergana // SRAA. Vol. 3 – Kamakura, 1993/94.
- Archaeological collections... 2002 – Archaeological collections from Horyugi temple. Publications on Historical Materials. Vol. 56. – Nara, 2002 (на яп. языке).
- Rosner 1998 – Rosner G. Das awarenzeitliche Gräberfeld in Szekszard-Bogysloi // Monumenta avarorum archaeologia. Vol. 3. – Budapest, 1999.

АВАРИЙНЫЕ РАБОТЫ НА МОГИЛЬНИКЕ КАРООЛ-ДЁБЁ В 2003 г.

В.А. Кольченко, Ф.Г. Ротт*

*Иссык-Кульская котловина / погребения / эпоха Великого переселения народов
Issyk-Kul hollow / burials / the Epoch of Great migration of nations*

В 2003 г. раскопчной группой Иссык-Кульской историко-археологической экспедиции КРСУ¹ были продолжены спасательные работы на могильнике Кароол-Дёбё. Было доследовано пять погребений, обнаруженных в результате забора глины в карьере и/или размыва ручьями склонов.

Могильник расположен на северо-западной окраине с. Кароол-Дёбё, к западу от входа в ущелье Чет-Байсоорун. Он занимает почти всю площадь небольшого безымянного урочища, обращенного входом на юг. В нижней его части протекает небольшая речка Орто-Байсоорун, являющаяся, вероятно, естественной границей могильника на юге. Впервые могильник был обнаружен в 2001 г., когда и были начаты аварийные работы, продолжившиеся в следующем году. В общей сложности в 2001–2002 гг. было доследовано три разрушенных погребения (см. статью А.И. Торгоева в настоящем сборнике, а также: [Торгоев 2003: 122–124]).

Карьер разбирается на глину для строительных нужд местными жителями. В настоящее время он занимает нижнюю часть

урочища. При этом глина забирается в двух местах: у окончания западного и восточного обрамляющих урочище небольших гребней.

Территория могильника также значительно повреждена оползнями.

Погребения устроены в мощном лессовом пласте, покрывающем нижнюю, пологую часть урочища. В срезях карьера над разрушенными погребениями каких-либо курганных конструкций не прослеживается. Это же, в целом, справедливо и для всей площади могильника. В отдельных случаях по характеру растительности и выходам камней закладов дромосов и/или грабительских лазов возможно определение местонахождения погребений.

В настоящей статье публикуются материалы, полученные в результате работ 2003 г. При этом нами продолжается нумерация погребений, начатая в 2001 г. Osteологический материал не обработан. Как и весь вещественный, он хранится в музее КРСУ.

Погребение 4 (рис. 1) находится в средней части могильника, на склоне верхней части западного обрамляющего гребня. Подбойного типа.

Юго-восточная часть погребения разрушена оползнем. Зафиксировано по выступав-

* Кольченко Валерий Анатольевич – Институт истории НАН КР. Кыргызстан, г. Бишкек, archak@mail.ru
Ротт Филипп Георгиевич – Боннский университет. Германия, гт. Бонн-Берлин, philipp.rott@mail.ru

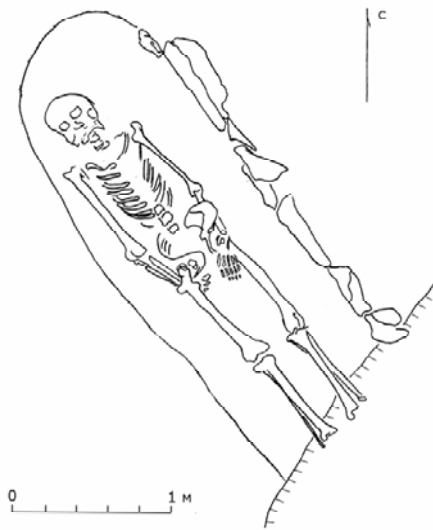

Рис. I. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 4.
План

шим из обрыва голенным костям и закладу подбоя из крупных камней. Входная яма прослежена в вертикальном срезе обрыва, ее ширина – 0,6 м, глубина – 1,3–1,6 м от современной поверхности. Подбой устроен в юго-западной стенке входной ямы. Его сохранившаяся длина – 1,9 м, ширина – 0,7 м, высота, зафиксированная у северо-западной торцевой стенки – 0,8 м.

В подбое – скелет человека в анатомическом порядке, отсутствуют лишь ушедшие в обрыв кости ступней. Погребенный уложен на спине, в вытянутом положении, кисти рук – на тазовых костях. Ориентирован по линии северо-запад – юго-восток, головой на северо-запад, лицом вверх. Сопроводительного инвентаря не зафиксировано.

Погребение 5 (рис. II) находится в нижней части могильника на западном обрамляющем гребне. На момент исследования его восточная часть была частично разрушена размывом/оползнем. Катакомбного типа.

Катакомба овальная в плане со сводчатым перекрытием, ориентирована по линии запад – восток. Ее максимальные размеры, зафиксированные на уровне 0,3 м от пола: 2 м (по линии север – юг) × 2,3 м (по линии запад – восток); по полу: 1,4 и 1,85 м соответственно, высота – 1,32 м. В южной стенке катакомбы зафиксировано несколько крупных камней заклада входа, т.е. дромос примыкал к катакомбе с юга. Он был прослежен лишь частично, но установлено, что имел уклон к катакомбе. Заполнение катакомбы: верхний слой – рыхлый лессовый грунт, в средней части – гли-

няные натеки, надпольный слой – рыхлый, надувной лессовый грунт; в восточной части надпольный слой составляли глинистые натеки, образовавшиеся, вероятно, в недавнее время в результате разрушения этой части катакомбы.

В катакомбе – два скелета человека. Их положение указывает на ограбление погребения в древности.

Первый скелет зафиксирован несколько выше пола, на спине, в вытянутом положении. Он ориентирован по линии север – юг с некоторым отклонением, ногами обращен ко входу в катакомбу. При этом кости ног находились значительно выше костей позвоночника. Скелет сохранился не полностью: отсутствуют кости ступней, левой и частично правой рук; череп – в 0,3 м от шейных позвонков. Исходя из положения скелета, можно предположить, что ограбление было совершено вскоре после погребения: тело подтащили к грабительскому лазу за ноги, голова же отделилась после распада связок и сместилась.

В области черепа, слева от него, обнаружена комбинированная серьга, представляющая собой бронзовое проволочное незамкнутое кольцо, округлое в сечении, диаметром около 2 см с надетой на него дисковидной бирюзовой подвеской, диаметром 2,1 см, толщиной 0,2 см (рис. III. 7).

Скелет второго погребенного зафиксирован на полу в северо-восточной части камеры грудной клеткой вниз. Он неполный – отсутствуют левая голенная кость, кости ступней и рук. Отдельные кости скелета, в частности

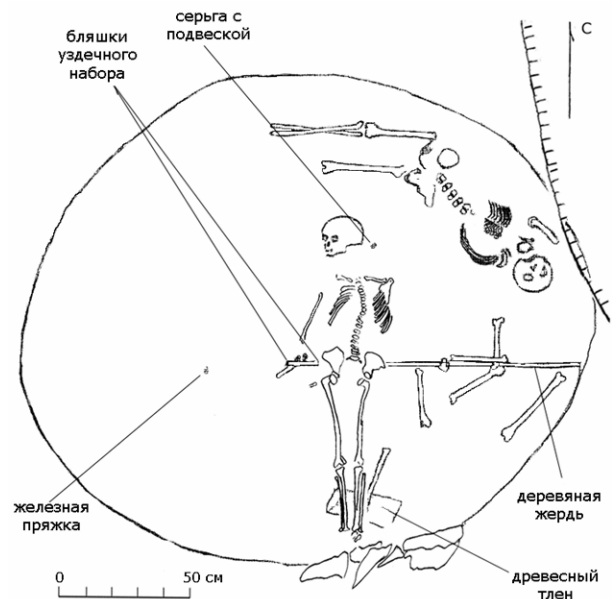

Рис. II. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 5.
План

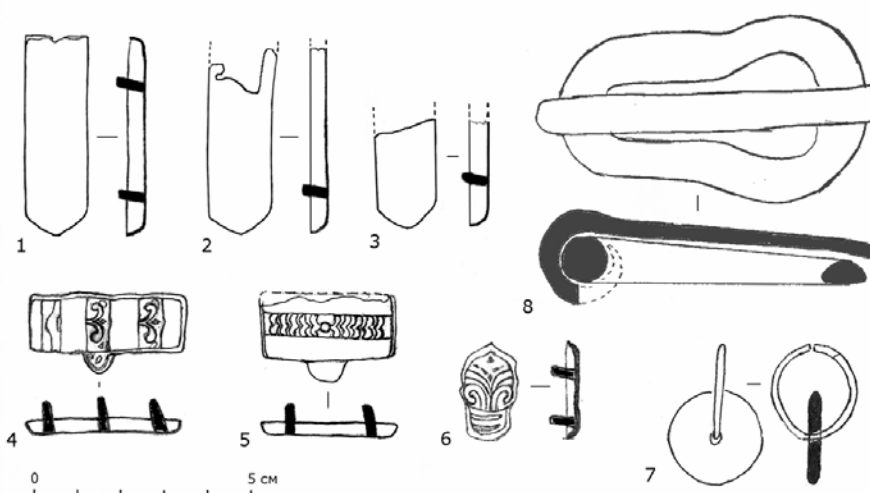

Рис. III. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 5.
Сопроводительный инвентарь

кости рук, фиксировались также в других частях катакомбы. Неестественность положения скелета указывает на перемещение усопшего вскоре после погребения, т.е. он был отброшен к северо-восточной стенке катакомбы во время ограбления.

В центральной части в надпольном слое практически на всю длину катакомбы по линии запад-восток были прослежены остатки тонкой деревянной жерди, а также незначительные следы древесного тлена.

В западной части катакомбы, над и под жердью обнаружены бронзовые предметы уздечного набора трех типов. Это три идентичных наконечника, два из которых фрагментированы. Лицевая поверхность гладкая. На оборотной стороне имеются шпеньки крепления: два на первом экземпляре и по одному сохранившемуся на втором и третьем. Размеры первого – $4,4 \times 1,4$ см, второго – $4 \times 1,4$ см, третьего – $2,4 \times 1,4$ см (рис. III. 1-3). Две бляшки прямоугольной формы с петлей или выступом в нижней части. Первый экземпляр – на лицевой поверхности три пояска растительного орнамента, расположенные вертикально, один из которых не вышел при отливке, петля имеет незначительное рваное отверстие, не имевшее функционального назначения. На оборотной стороне – три шпенька. Размеры: $3,4 \times 1,3$ см (рис. III. 4). Второй экземпляр фрагментирован. На лицевой поверхности имеется расположенный горизонтально пояс орнамента в виде вертикальных рядков «галочек» по сторонам от кружка. На оборотной стороне сохранился один шпенок. Размеры: $2,9 \times 1,4$ см (рис. III. 5). Еще одна бляшка неправильной формы; на лицевой стороне –

растительный орнамент, на оборотной – два шпенька. Размеры: $2,1 \times 1,2$ см (рис. II. 6).

Здесь же обнаружены: крупная железная пряжка с восьмерковидной рамкой и подвижным язычком размерами $7,8 \times 4,6$ см и небольшой кусок кожи ремня (рис. II. 8).

Погребение 6 (рис. IV) находится в средней части могильника, у подножья западного обрамляющего гребня. К моменту исследования было практически полностью уничтожено оползнем/размывом. Катакомбного типа.

Удалось зафиксировать лишь западную часть катакомбы, а также часть камней закла-

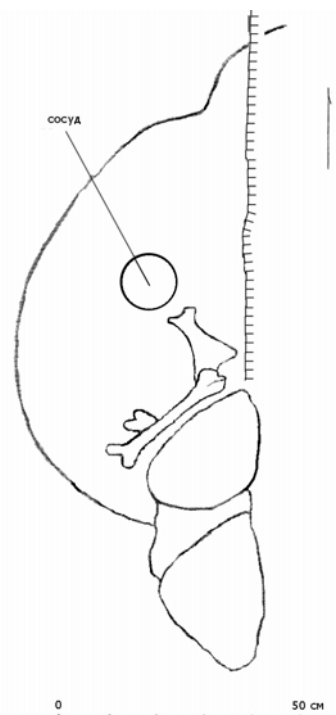

Рис. IV. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 6.
План

да входа в южной стенке, т.е. практически полностью разрушенный дромос примыкал к катакомбе с юга. Сохранившиеся размеры катакомбы: по линии север – юг (от камней заклада входа до северной стенки) – 0,58 м, по линии запад – восток (от западной стенки до линии среза) – до 0,5 м.

В зафиксированной части катакомбы, у входа в нее, – остатки сопроводительной пищи: лопатка и длинная кость кеонечности овцы.

Здесь же стоял лепной керамический горшковидный сосуд с утраченной в древности петлеvidной ручкой. Закраина (с древними утратами) подпрямоугольная в сечении, слегка обращена внутрь. Дно уплощено. Черепок в изломе черный, тесто с обильной примесью мелкозернистого песка. Сосуд покрыт отслаивающейся обмазкой, также содержащей примесь мелкозернистого песка. Имеются следы закопчения по внешней и частично по внутренней поверхности. Диаметр закраины – 12,5 см, диаметр дна – 10 см, максимальная высота – 14,4 см (рис. V).

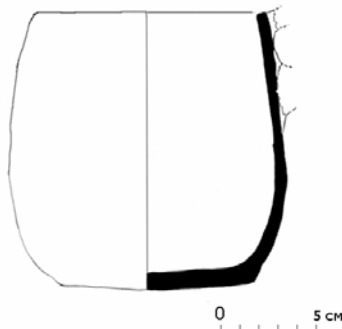

Рис. V. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 6. Сопроводительный инвентарь

Погребение 7 (рис. VI) находится в нижней части могильника у восточного обрамляющего гребня. Катакомбного типа. К моменту исследования центральная часть свода катакомбы была разрушена экскаватором при заборе глины.

Катакомба овальная в плане со сводчатым перекрытием. Ориентирована по линии север – юг с незначительным отклонением. Размеры: 2,9 × 1,6 м, максимально сохранившаяся высота – около 1,4 м. Свод катакомбы в этой точке – на отметке 2,2 м от современной дневной поверхности. Дно катакомбы ниже дна дромоса на 20–30 см. Размеры и заполнение дромоса установить не удалось, так как восточная часть катакомбы также сильно разрушена экскаватором. Можно лишь констатировать, что он примыкал к катакомбе с востока – часть разрушенного входа в катакомбу зафиксирована в восточной стенке. Ограбление ката-

комбы, вероятнее всего, также осуществлялось через дромос.

В 20 см от восточной стенки катакомбы обнаружен *in situ* небольшой фрагмент бревнышка диаметром 8–10 см, вероятно, от конструкции загородки входа в катакомбу, состоящей из таких бревнышек. Подобные фрагменты фиксировались и в других частях катакомбы.

Вдоль западной стенки катакомбы зафиксированы остатки погребального ложа. Его основу составляют два бревна длиной – 80 и 120 см, диаметр – 10–12 см. Бревна находились перпендикулярно западной стене, вплотную примыкая к ней. Расстояние между ними – 95 см. На бревнах зафиксирован тлен камышового мата, который первоначально перекрывал бревна и на который был уложен погребенный. Камышовый тлен зафиксирован также над костями скелета.

Часть костей скелета перемещена при ограблении. Непотронуемыми зафиксированы длинные кости рук, бедренная кость правой ноги, кости левой ступни, часть костей верхнего отдела позвоночника и часть ребер. Это позволяет утверждать, что погребенный

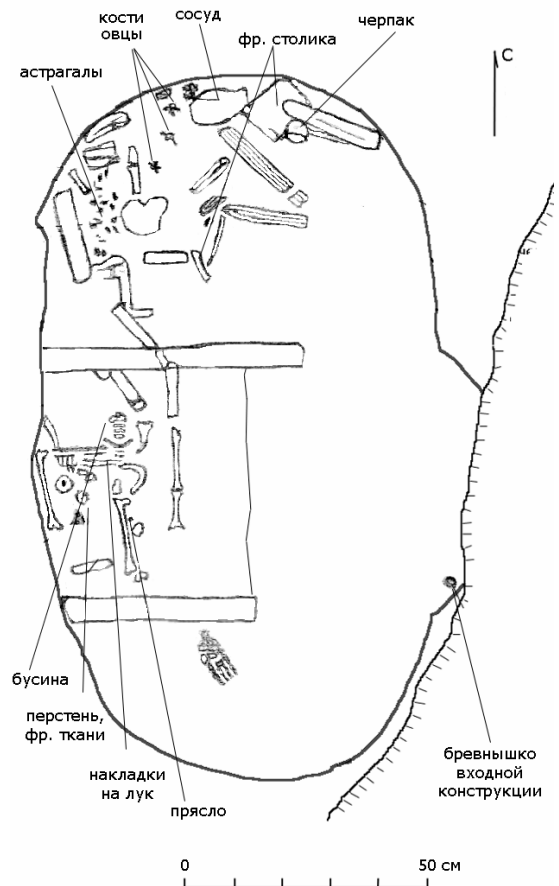

Рис. VI. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 7. План

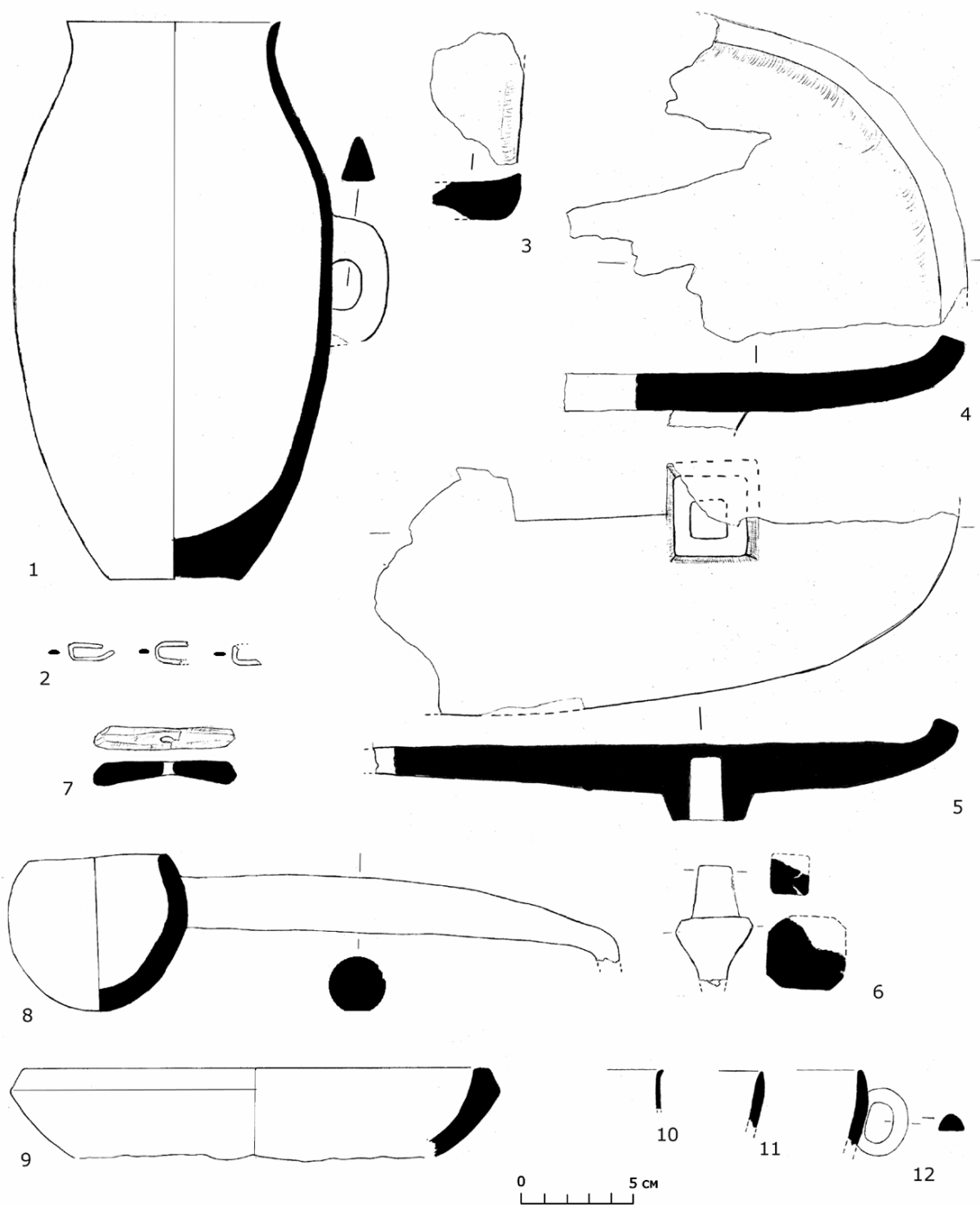

Рис. VII. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 7.
Сопроводительный инвентарь. Изделия из дерева

был уложен на спине, в вытянутом положении, руки вдоль тела. Ориентирован он по линии север–юг, головой на север, также с незначительным отклонением, соответственно ориентации катакомбы. Другие перемещенные кости скелета отмечены между бревнами – основаниями погребального ложа. Череп находился между северным бревном ложа и северной стенкой катакомбы.

Сопроводительный инвентарь, частично перемещенный во время забора глины, зафиксирован в основном в северной части катакомбы. Здесь был сосредоточен набор деревянной посуды, представленный преимущественно во фрагментированном или деформированном состоянии:

Деревянный столик подпрямоугольной формы, со скругленными углами. По краю – бортик, высотой до 1 см, толщиной 1 см. На нижней стороне – четырехугольный выступ размерами 4 × 4,5 см, высотой до 1,5 см с пазом для ножки (рис. VII. 3-5). Ввиду фрагментированности столика размеры не устанавливаются. Ножка столика в виде четырехгранной пирамиды с основанием 3 см, высотой 3 см, с шипом, подквадратным в сечении, размерами 1,5 × 2 см, высотой 2,5 см. Вырезана из цельного куска дерева (рис. VII. 6).

Черпак. Резервуар полусферической формы, закраина заострена. Максимальный диа-

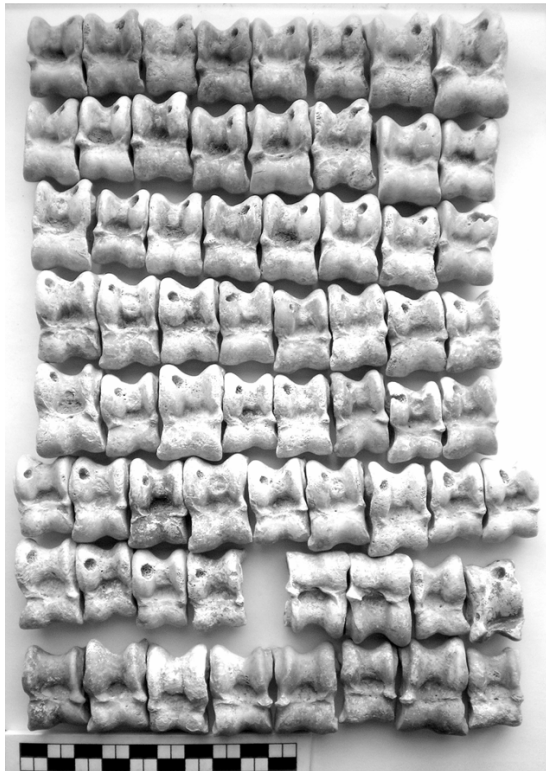

Рис. VIII. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 7. Сопроводительный инвентарь. Астрагалы

метр резервуара – 8 см, диаметр закраины – 6,5 см, высота – 6,5 см. Ручка примыкает к резервуару несколько ниже закраины. Она округлая в сечении, слегка выгнута, заостряющаяся к концу; на конце ручки в нижней части – утраченный выступ. Длина ручки – 20,5 см, диаметр – 2,5 см. Черпак вырезан из цельного куска дерева (рис. VII. 8).

Сосуд баночной формы. Закраина заострена. Горловина короткая, слегка отогнута наружу. Плечики покатые. В широкой части тулова имеется вертикальная, подтреугольная в сечении ручка. Дно с наружной стороны слегка выгнутое. У закраины сохранились две ремонтные скобы, сделанные из бронзовой полоски шириной 0,3 см. Вырезан из цельного куска дерева. Размеры сосуда (по реконструкции): диаметр закраины – 9,5 см, максимальный диаметр тулова – 14,5 см, диаметр дна – 6 см, высота – 25 см, толщина стенок – 0,5 см, дна – 1,5 см (рис. VII. 1).

Чаша. Закраина подпрямоугольная в сечении, по внешней стороне имеется ребро. Диаметр закраины – 20 см, максимально сохранившаяся высота – 3,5 см (рис. VII. 9).

Кружка. Закраина заострена. На 1 см ниже закраины – подтреугольно-скругленная в сечении вертикальная ручка, размерами 3,3 × 2 см (рис. VII. 12). Имеется еще один фрагмент заостренной закраины, вероятно, также принадлежавший кружке (рис. VII. 11).

Деревянная палочка. Округлая в сечении со сквозным удлиненным отверстием в центре. Длина – 6,4 см, толщина – 1 см (рис. VII. 7).

Кроме того, обнаружено несколько отдельных витков из тонких расплюснутых прутьев, вероятно, от плетеного предмета или оплетки. Витки имеют прямоугольные очертания. Размеры наиболее сохранившегося экземпляра – 1,5 × 1 см (рис. VII. 2).

Здесь же, у северной стенки, лежали остатки мясной сопроводительной пищи – пять позвонков овцы, два из которых – в анатомическом порядке, и длинная кость конечности овцы.

В области черепа обнаружено 65 бараньих астрагалов (альчиков), которые были сосредоточены в одном месте. Из них 23 экземпляра с просверленным в одном углу отверстием (в том числе, один с двумя отверстиями в противоположных углах одной стороны, одно из которых не досверлено), 28 – в другом, три – в средней части, сбоку, один с двумя отверстиями в противоположных углах одной стороны относительно продольной линии ас-

трагала, один с двумя отверстиями на одной стороне, одно из которых в углу, второе в средней части, еще один с недосверленным отверстием в углу. Восемь астрагалов не имели отверстий. Диаметр отверстий – до 0,5 см. На некоторых экземплярах прослеживаются следы красной краски (рис. VIII).

В области ключичных костей обнаружена биконическая многоцветная пастовая бусина, один конец которой утрачен. Сохранившаяся длина – 2,1 см, диаметр – 0,9 см, диаметр отверстия – 0,25 см (рис. IX. 7). Бусина была спаяна с сильно коррозированным аморфной формы железным предметом или его фрагментом.

Здесь же обнаружено тонкое бронзовое, округлое в сечении колечко, диаметром около 1,3 см (рис. IX. 6). Оно находилось в кусочке кожи, вероятно, в естественно мумифицированной мочке уха. Таким образом, речь идет о сереге.

В области костей позвоночника обнаружено плоское алебастровое прясло – диаметром 3,5 см, толщиной – 0,8 см, диаметром отверстия – 0,8 см (рис. IX. 1).

Здесь же обнаружен сильно коррозированный фрагмент лезвия железного ножа, подтреугольного в сечении. Сохранившаяся длина фрагмента – 6,5 см, максимальная ширина лезвия – 1,6 см (рис. IX. 3).

Также в районе костей позвоночника найдено значительное количество плоских расслаивающихся фрагментов железной чаши (фрагменты фиксировались и в других частях катакомбы), в том числе фрагмент венчика. Диаметр чаши – около 16 см, толщина стенки – до 0,4 см (рис. IX. 4).

Среди костей правой кисти обнаружен фрагмент шелкового одеяния². Между фаланг пальцев – фрагмент бронзового кольца, диаметром около 2 см, из плоского в сечении дрота шириной – 0,3 см с щитком поподольной формы в виде уплощения дрота, максимальной шириной 0,5 см (рис. IX. 5).

Здесь же обнаружены костяные накладки на лук во фрагментированном состоянии, среди которых две концевые боковые и две (?) срединные боковые. Первая концевая боковая накладка имеет изогнутый абрис. Внутренний конец заострен, частично утрачен. Внешний конец также частично утрачен. На обеих поверхностях имеются диагональные насечки, на лицевой поверхности – следы плотного темно-красного покрытия (краска или лак). Сохранившаяся длина – 26 см, максимальная ширина – 1,3 см, толщина – до 0,3 см (рис. IX. 8). Вторая накладка в целом аналогична первой. Оба ее конца утрачены. На сломе внешнего, слегка расширяющегося конца – след пропила

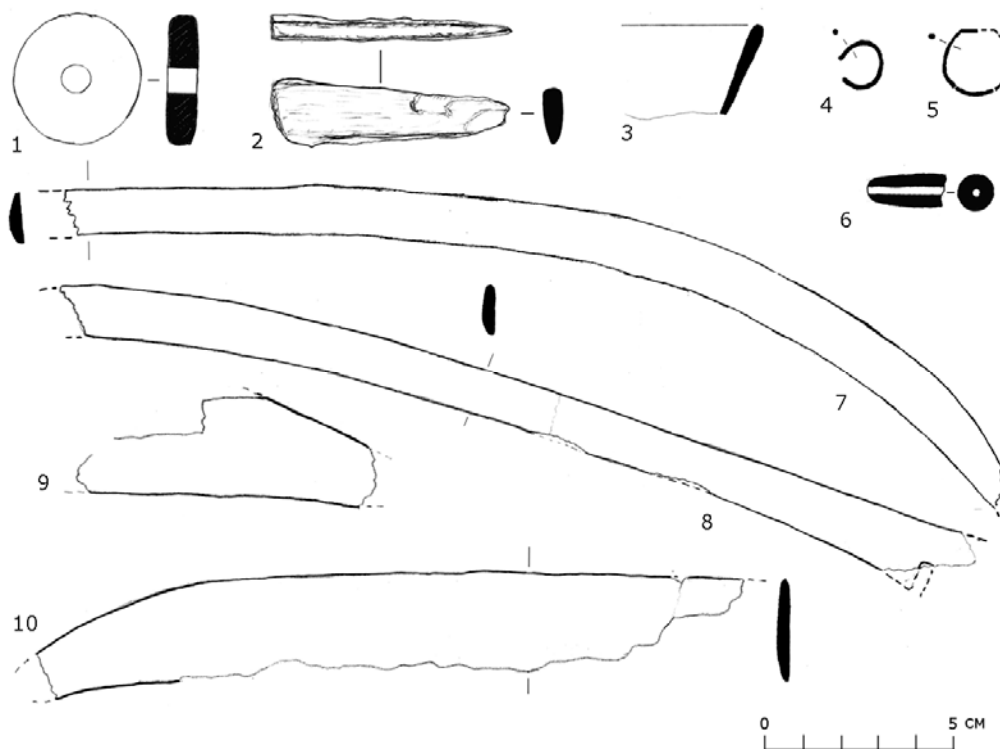

Рис. IX. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 7.
Сопроводительный инвентарь

округлых очертаний для тетивы. Сохранившаяся длина – 24,5 см, максимальная ширина – 1,5 см, толщина – до 0,35 см (рис. IX. 9). Фрагмент срединной боковой накладки, трапецевидной в плане. Конец частично утрачен; второй конец утрачен полностью. На лицевой поверхности местами имеются насечки и следы темно-красного покрытия (краска или лак). Сохранившаяся длина – 18 см, максимальная ширина – 2,3 см, толщина – до 0,2 см (рис. IX. 10). Фрагмент накладки, аналогичный предыдущей и, возможно, составляющий ее вторую часть. Сохранившаяся длина – 7,5 см, ширина – 2,3 см, толщина – до 0,2 см (рис. IX. 11).

Необходимо также упомянуть найденную в погребении в крайне фрагментированном состоянии небольшую (2 x 2,5 см) железную пряжку без щитка с язычком. Сделана она была из полой трубки диаметром до 7 мм (с окислами). Ввиду фрагментированности абрис неуставливается.

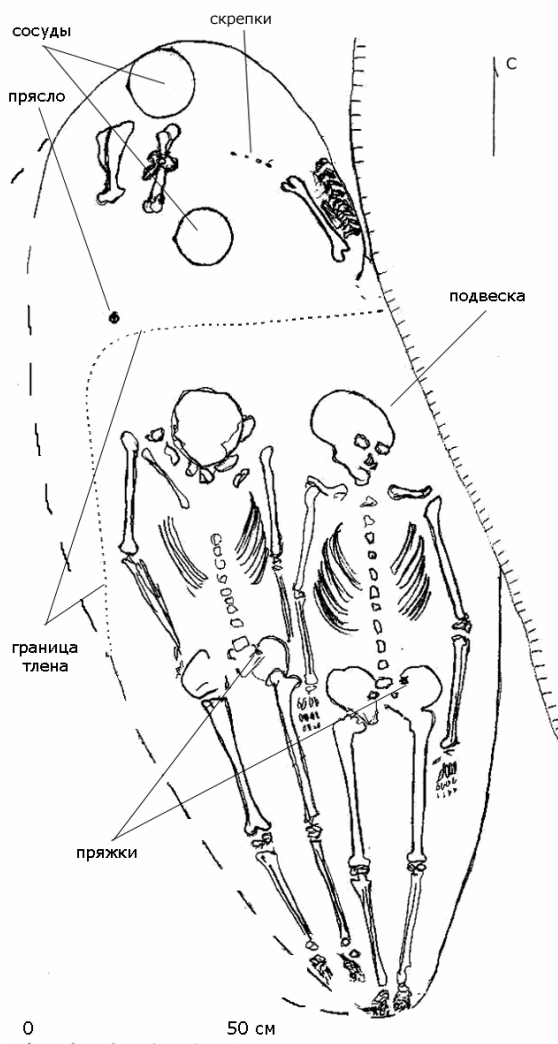

Рис. X. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 8.
План

В разных частях катакомбы, но преимущественно в северной и у входа, зафиксировано большое количество кусков деревянных жердей и бревнышек, диаметром 5–7 см. Среди них встречаются как необработанные, так и обработанные с одной, двух противоположных или четырех сторон. В последнем случае бревнышки были подквадратными в сечении. Некоторые из жердей заострены. Хаотичное расположение и фрагментарность, к сожалению, не позволяют определить их первоначальное функциональное назначение. Возможно, они составляли конструкцию заклада входа в катакомбу.

По-видимому, отдельные части тела погребенного подверглись естественной мумификации. Это, в частности, отдельные пальцы рук, а также отмеченная выше мочка уха.

Погребение 8 (рис. X) находится ближе к восточному обрамляющему гребню. Катакомбного типа. Высшая точка частично обрушившегося свода катакомбы находится на 3 м от современной дневной поверхности.

Катакомба овальная в плане, со сводчатым перекрытием. Ориентирована по линии север – юг. Размеры: 2,3 x 1,8 м. Вход в катакомбу находился в ее восточной стенке, т.е. полностью разрушенный, дромос примыкал к катакомбе с востока и был ориентирован по склону поверхности урочища на этом участке.

В катакомбе – в анатомическом порядке скелеты двух человек, погребенных одновременно. Черепы раздавлены. Погребенные были уложены на спине, в вытянутом положении. Ориентированы по линии север – юг, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Под скелетами и над ними зафиксирован слой камышового тлена, толщиной до 0,5 см. По-видимому, это остатки матов, на которые были уложены погребенные и которыми они были накрыты.

В области головы западного погребенного – алебастровое прясло. Его диаметр – 2,35 см, максимальная толщина – 1,3 см, диаметр отверстия – 0,6 см (рис. XI. 6).

Слева, у височных костей черепа, восточного скелета, обнаружена золотая подвеска. Ее основу составляет тонкий щиток полуовальной формы, размерами 1,4 x 1,1 см. В его центральной части – гнездо, напаянное из узкой полоски, со вставкой из сильно разложившегося зеленого камня (бирюзы?). Вокруг него – два ободка из зерни, первый из которых образован одиночными шариками, второй пирамидками из четырех шариков. В верхней

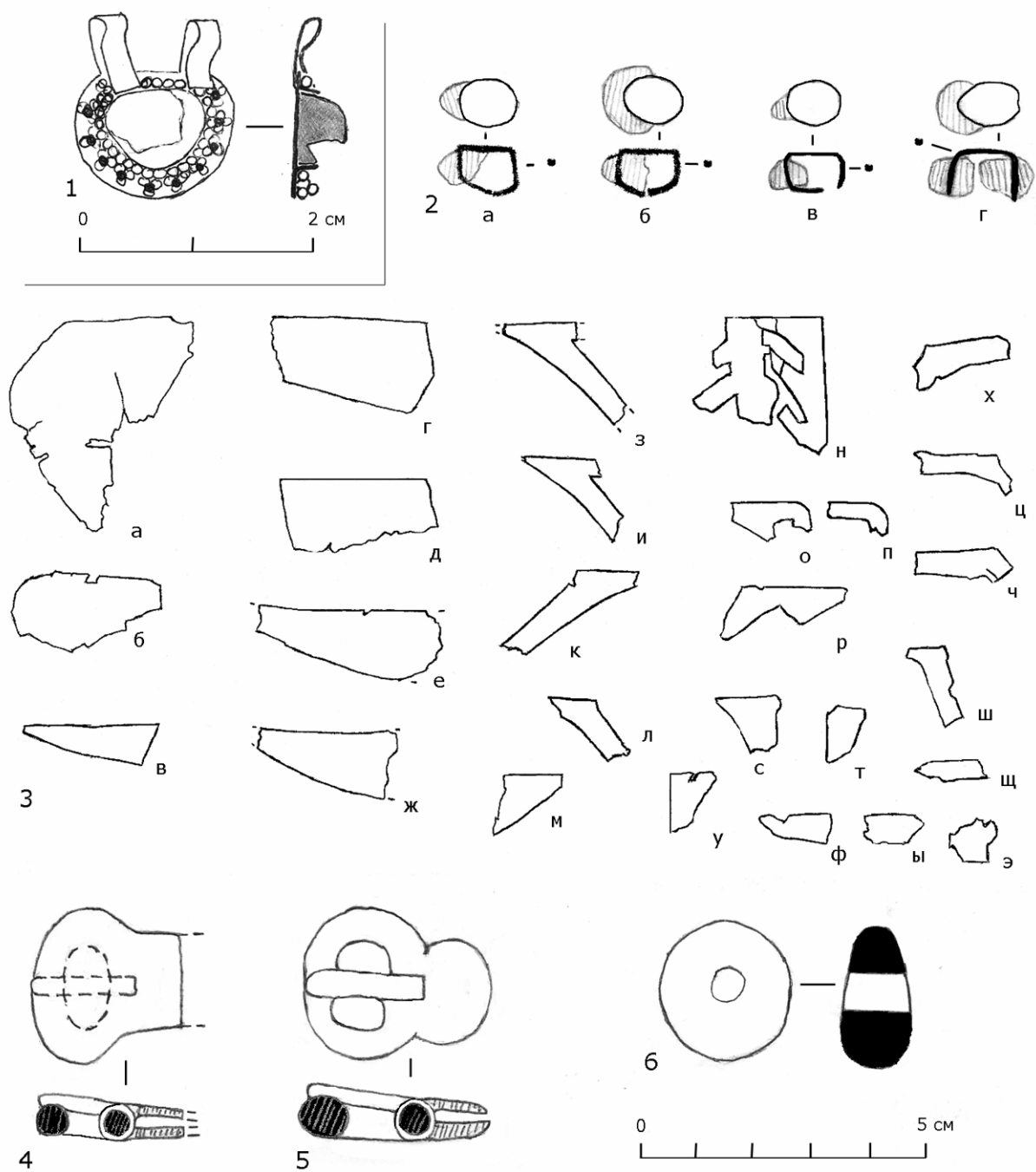

Рис. XI. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 8.
Сопроводительный инвентарь

части щитка к лицевой и оборотной стороне припаяны две петли из узких полосок; в правой петле сохранился корродированный фрагмент бронзовой дужки, при помощи которой подвеска крепилась (рис. XI. 1).

На тазовых костях обоих скелетов находились сильнокорродированные железные пряжки. Одна из них – с овальной рамкой, округлым щитком и подвижным язычком. Её размеры: длина – 3,3 см, ширина рамки – 2,5 см. Вторая – с овальной рамкой, по-видимому, прямоугольным щитком и подвижным язычком. Размеры: длина – 2,7 см, ширина рамки – 2,5 см (рис. XI. 4-5)³.

Среди костей обоих скелетов, в камышовом тлене, а также в других частях катакомбы собраны кусочки (обрывки) очень тонкой золотой фольги. Некоторые из них имеют геометрические очертания, в том числе воспроизводя елочный орнамент. Общее их количество – более 30. Размер – до 3–3,5 см (рис. XI. 3).

В северной части катакомбы, оформленной в виде выделенной ниши, стояло два грубо изготовленных лепных керамических горшковидных сосуда. Первый сосуд (стоявший непосредственно у северной стенки) округлой формы с двумя примазанными миниатюрными ручками, подовальными в сечении, расположенными асимметрично. Закраина (с утратами) подпрямоугольная в сечении, обращена внутрь. Дно уплощено. Следы закопчения

по внутренней и внешней поверхности; дно не закопчено. Тесто с обильной примесью мелкозернистого песка. Пережжен. Покрыт такой же обмазкой, как и сосуд из погребения 6. Размеры: диаметр закраины – 13,6 см, максимальный диаметр тулова – 18 см, диаметр дна – 11,5 см, высота – 13 см (рис. XII. 1).

Второй сосуд горшковидной формы также с двумя примазанными ручками, подовальными в сечении, одна из которых утрачена в древности. Закраина подпрямоугольная в сечении, обращена внутрь. Дно уплощено. Следы закопчения по внутренней и внешней поверхности; дно закопчено частично. Тесто с обильной примесью мелкозернистого песка. Покрыт такой же обмазкой, как и сосуд из погребения 6. Размеры: диаметр закраины – 15 см, максимальный диаметр тулова – 17,5 см, диаметр дна – 12 см, высота – 12,7 см (рис. XII. 2).

Остатки мясной сопроводительной пищи сконцентрированы в двух местах: непосредственно между сосудами – лопатка, часть (половина) тазовой кости и длинная кость конечности; у восточной стенки ниши – большая часть позвоночника с крестцом и длинная кость конечности овцы.

Между ними зафиксировано четыре бронзовых скрепки, лежащие по одной линии на незначительном расстоянии друг от друга. Скрепки представляли собой овальную в плане тонкую пластинку, с двух противоположных сторон которой имеются скобы. На скобах сохранились незначительные куски дерева (рис. XI. 2). Таким образом, речь в данном случае, вероятно, идет о первоначально находившемся здесь деревянном предмете, подвергнутом ремонту при помощи этих скрепок. Его толщина в месте ремонта не превышала 0,5 см. Максимальные размеры пластинок – 0,8 × 1 см.

Погребения, доследованные в могильнике Кароол-Дёбё, сильно разрушены, что исключает возможность всестороннего объективного анализа как конструкции погребального сооружения, так и погребального обряда.

В подбойном погребении 4 сопроводительного инвентаря не зафиксировано, что делает невозможным его однозначную культурно-хронологическую атрибуцию.

Погребения 5, 6, 7, 8, – катакомбы овальной в плане формы, со сводчатым перекрытием (для погребения 6 форма катакомбы достоверно не установлена, однако сохранившаяся ее часть указывает на то, что катакомба также была овальной в плане). Катакомбы ориенти-

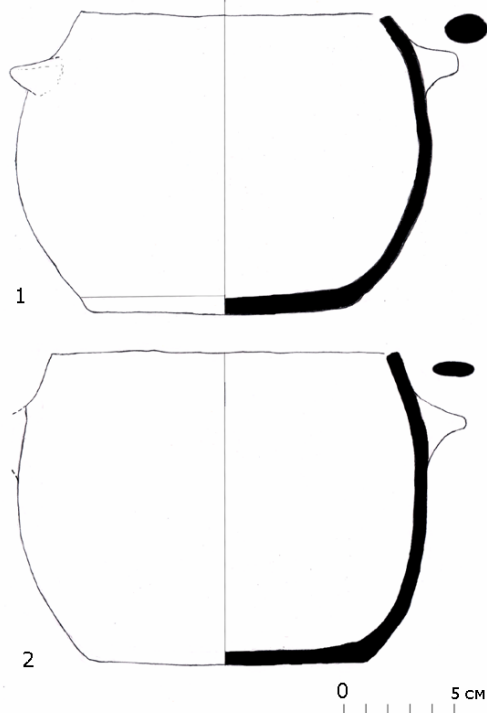

Рис. XII. Могильник Кароол-Дёбё. Погребение 8. Сопроводительный инвентарь

рованы в двух случаях (погребения 5 и 6) по линии запад–восток и в двух случаях (погребения 7 и 8 в первом случае с незначительным отклонением) – по линии север – юг. Вход в катакомбу: с юга (два случая, погребения 5, 6), с востока (два случая, погребения 7 и 8). По всей видимости, расположение входа, как и ориентация катакомбы, детерминировалось наклонным рельефом местности. Конструкция и заполнение дромоса ни для одного из погребений достоверно не установлены. То же справедливо и для заклада входа в катакомбу.

Первоначальная ориентация погребенных устанавливается лишь в двух случаях – для погребения 7 (с незначительным отклонением) и парного погребения 8. В обоих случаях они ориентированы по линии север – юг, головой на север.

В погребальном обряде отмечено использование камышовых матов, при этом погребенные укладывались на них и накрывались ими (погребение 7, 8). В одном случае погребенный был уложен на специальном погребальном устройстве (погребение 7).

Остатки сопроводительной пищи, зафиксированы в трех случаях (погребения 6, 7, 8), в том числе *in situ* (погребения 6, 8). При этом в двух случаях (погребения 7 и 8) сопроводительная пища размещалась в области головы, т.е. за ней. Она была, по-видимому, как жидкая, помещавшаяся как в керамических или деревянных сосудах, так и отдельными кусками туш овцы. Мясная пища – часть позвоночника в погребении 7 – первоначально, вероятно, была уложена на деревянном столике.

Парное погребение 5 сопровождалось уздой (см. ниже).

Необходимо отметить также еще одну важную деталь, выявленную в погребении 8 – кусочки фольги, зафиксированные в различных местах погребения (преимущественно в области камышовых матов). Вероятно, это является следствием исполнения части погребального обряда, т.е. их разбрасывали во время его осуществления. Принимая во внимание геометрически правильные формы части из них, можно предположить, что первоначально они составляли нечто цельное, затем преднамеренно разорвано. Следует отметить, что в погребениях кенкольской и родственных ей культур куски фольги, а также предметы аморфных очертаний встречаются регулярно.

По конструкции погребального сооружения, обряду погребения, а также по отдельным предметам сопроводительного инвента-

ря, некоторые из которых будут рассмотрены ниже, катакомбы могильника Кароол-Дёбё находят соответствия в кенкольской⁴ и родственных ей культурах Центральной Азии.

Значительная часть сопроводительного инвентаря, прежде всего деревянные предметы, находит многочисленные аналогии, приводить которые в контексте настоящей публикации представляется нецелесообразным – они, в частности, не имеют надежных дат. Хотелось бы остановиться лишь на отдельных важных моментах.

В погребении 7 в области головы погребенного обнаружено 65 бараньих астрагалов. При этом, как указывалось в описании, большая их часть имеет просверленные отверстия, лишь отдельные астрагалы не имеют отверстий. Возможно, что экземпляры с отверстиями первоначально составляли связку, положенную погребенному в области головы. Например, в кургане 2 Борижарского могильника, раскопанного в 2002 г., также в области головы одного из двух погребенных был зафиксирован керамический сосуд с 58 астрагалами внутри, при этом пять экземпляров имели «небольшие» отверстия, один – «в срединной части два больших отверстия диаметром 7 и 8 мм». Борижарские астрагалы так же, как кароолдёбинские, имеют следы окраски, при этом один экземпляр целиком окрашен в темно-коричневый цвет, на другом – следы красной краски [Байпаков и др. 2004: 180]. В кургане 106 Шаушукумского могильника 32 бараньих астрагала помещалось в углублении у голеностопа правой ноги (у голеностопа левой ноги – еще один бараний астрагал), часть из которых была просверлена, среди них имеются два сточенных астрагала коровы или лошади [Максимова и др. 1968: 259]. Кроме того, И. Кожомбердиев сообщает о находке 62 астрагалов в одном из погребений Пскентского могильника [Кожомбердиев 1963: 72]. Однако детальные обстоятельства находки не известны.

Во всех этих случаях, вероятно, речь идет о наборах игральные кости, бывших, по-видимому, собственностью погребенных. Надо полагать, что помещение их в погребение имело определенный идеологический смысл. Наличие сквозных отверстий говорит о том, что астрагалы носили в связках. Отдельные экземпляры маркировались специальным образом, соответственно их функции в наборе, например, окрашивались. В шаушукумском

наборе имелась также бита в виде астрагала коровы или лошади⁵.

В целом, находки астрагалов, в том числе просверленных в погребениях кенкольской и родственных ей культур, регулярны.

Подвеска (колт/серьга) из погребения 8. Функциональное назначение аналогичных вещей в ряде случаев до конца не ясно. Так, И.П. Засецкая, специально занимавшаяся этим вопросом, предполагает, что миниатюрная подвеска из могильника Джалпак-Добе могла выполнять функцию серег [Засецкая 1994: 60], в то время как крупные экземпляры определяются как височные подвески – колты. Отметим, что кароолдэбинская подвеска является на сегодня самой миниатюрной из известных нам (размеры щитка – 1,4 × 1,1 см). По форме (полуовальный щиток) и технике изготовления она следует большинству известных аналогов, но отличается от них отсутствием радиальных «лучей». Аналогичные по форме, композиции и способу крепления петель «безлучевые» подвески известны, например, в Поволжье (погребение в кургане F 16 Усатовского могильника) [Синицын 1947: 53, табл. II, 1]. Таким образом, наша представляет собой их несколько более упрощенный вариант. По наличию единственной вставки, отчасти форме щитка, расположению петель и способу крепления кароолдэбинская подвеска наиболее близка, помимо вышеназванного поволжского, образцам из Джалпак-Добе [Памятники ... 34: 111; 41] и Тугозвонovo [Уманский 1978: рис. 23]. И.П. Засецкая, следуя М.К. Кадырбаеву, высказала мысль о том, что в отличие от южнорусских, семиреченские образцы, изготовлены, вероятно, в ином производственном центре [Засецкая 1994: 59]. Действительно, семиреченские подвески значительно отличаются от южнорусских некоторой упрощенностью. В связи с этим можно

говорить, скорее, о среднеазиатских подражаниях южнорусским образцам. Подтверждением этого является следующая технологическая деталь кароолдэбинской подвески – петли в виде согнутых пластинок очень грубо припаяны к щитку.

И.П. Засецкая же указала на сложности датирования среднеазиатских подвесок, так как большая их часть опубликована вне комплексов. Тем не менее, она синхронизировала семиреченские экземпляры с южнорусскими [Засецкая 1994: 61]. При этом И.П. Засецкая считает, что типологически наиболее ранними являются подвески с одной крупной вставкой, заполняющей всю площадь щитка, в чем она видит следование позднеримским медальонам из сарматских погребений III в. [Засецкая 1994: 61]. Учитывая сложности датирования среднеазиатских экземпляров, которые как раз и составляют основу группы подвесок с единственной вставкой, такое заключение представляется небесспорным. И не столько потому, что комплексы не опубликованы полностью, сколько потому, что последние в подавляющем большинстве случаев не содержат надежных хронологических индикаторов.

Оба усопших, помещенных в погребении 8, имели пояса, от которых сохранились железные пряжки. Аналогичные типы пряжек, большая часть которых изготовлена, однако, из бронзы или серебра, довольно широко представлены в евразийских древностях середины I-го тыс. н.э.

Таким образом, погребение 8 должно быть отнесено к IV–V вв., хотя не исключена и несколько более поздняя дата.

Керамические горшковидные сосуды из погребений 8 и 6 объединяют размеры, техника изготовления и функция – они использовались в качестве котлов (рис. XIII). Если

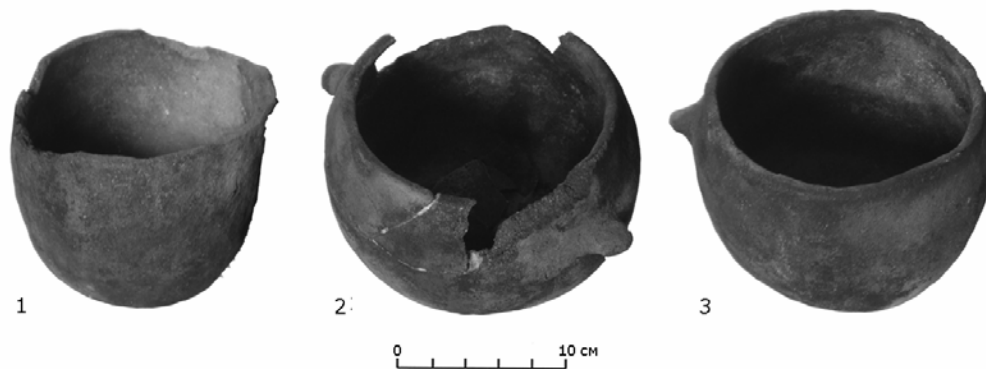

Рис. XIII. Могильник Кароол-Дэбё. Керамические сосуды.
1 – погребение 6, 2–3 – погребение 8

для сосуда из погребения 6, с вертикальной петлевидной ручкой, несколько выступающей над закраиной, круг аналогий достаточно широк, то для сосудов с миниатюрными ручками-выступами из погребения 8 таковых выявлено немного. Так, близкий по форме, технике изготовления и функции сосуд происходит из катакомбного погребения (курган 62) в Сонкульской долине⁶. Сюда же относится и сосуд из погребения в кургане 16 могильника Айгырджал [Кибиров 1959: рис. 22. 4]. Необходимо подчеркнуть в связи с этим, что ручки-выступы крайне не характерны для керамики кенкольской культуры. Здесь нужно усматривать переживание традиций так называемой сако-усуньской керамики.

Для комбинированной серьги из погребения 5 находится ряд аналогий. Такие серьги представлены на Дальнем Востоке, в частности в Троицком могильнике (но все они с нефритовыми дисковидными подвесками, кольца в отдельных случаях также незамкнуты), который, в целом, относят к VII–IX вв. [Деревянко 1977: 122–123, 143 (здесь же ссылки на другие аналогии)], а также в культуре чжурчженей [Воробьев 1983: илл. I. 27]. Из территориально более близких аналогий можно указать, в частности, на серьги из погребения в комплексе Бутақты I в районе г. Алматы, которое отнесено автором к древнетюркскому времени [Горячев 2006: 48–49, рис. 4.3].

В этом же погребении обнаружены бронзовые детали украшения узды, т.е. погребение сопровождалось ею. Речь идет о шести накладных бляшках. Важно отметить, что две прямоугольные бляшки с петлей или выступом в нижней части и поясками орнамента на лицевой поверхности находят аналогии, прежде всего, в сrostкинской культуре. Так, почти абсолютной аналогией бляшке с галочковидным орнаментом является бляшка из бухтарминских курганов в Северном Алтае, раскопанных В.В. Радловым и отнесенная Д.Г. Савиновым к кимакским древностям IX–X вв. [Савинов 1976: табл. 1. 36]. Также очень близка ей бляшка из Сrostкинского могильника (раскопки М.Д. Копытова 1925 г.) [Савинов 1976: табл. 1. 10]. Аналогичными прямоугольными бляшками с петлей или выступом, но не орнаментированными была оформлена узда из погребения 3 объекта №14 могильника Измайловка, раскопанного в зоне затопления Шульбинской ГЭС [Археологические памятники ... 1987: рис. 73, 26–29]. В связи с тем что орнаментированные бляшки представлены в

комплексе с гладкими наконечниками, уздечный набор из погребения 5, вероятнее всего, может быть отнесен ко времени начального этапа сrostкинской культуры, т.е. к IX в.

Таким образом, основываясь на хронологическом определении деталей узды, дата погребения 5 – IX–X вв.

Детали украшения узды из погребения 5 отражают уже отмеченные исследователями связи носителей кенкольской культуры с тюрками⁷. Это меняет представление о времени бытования самой культуры, хронология которая с накоплением подобных фактов безусловно должна быть уточнена.

Таким образом, катакомбный обряд погребения продолжает практиковаться в Иссык-Кульской котловине вплоть до кон. I тыс. н.э., что можно скорее всего объяснить проживанием здесь неассимилированных или слабо ассимилированных групп местного населения. Впрочем не исключена и его связь с пришлым населением.

Могильник Кароол-Дёбё функционировал на протяжении длительного времени. Учитывая же открытое в нем в 2001 г. погребение коня (из-за его разрушенности не удалось установить, было ли это типично тюркское погребение человека с конем), можно полагать, что он, к тому же, был поликультурным, о чем, однако, более обоснованно можно говорить лишь после дальнейшего изучения, и в первую очередь – его антропологии.

Примечания

1. Помимо авторов настоящей статьи, в работе группы принимали участие сотрудники кафедры истории и культурологии КРСУ А.М. Камышев и С.М. Громова.

2. Ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа (РФ) А.А. Иерусалимская в результате ознакомления с фрагментом, сделала следующее заключение: «По-видимому, это – нижняя часть рукава (узкого – около 8 см шириной). Тонкий шелк, но очень плохой сохранности. Тафта (= полотняное переплетение). Вероятно – Китай. Нити все некрученые, тонкие. Приблизительная плотность по утку и по основе – 52–56 нитей/см. Ткань сейчас сильно загрязнена и покрыта пятнами тлена. Вероятно, шелк не был окрашен (коричневый цвет – естественное старение)». Авторы статьи выражают А.А. Иерусалимской глубокую благодарность.

3. Размеры из-за сильной корродированности пряжек даны по реконструкции.

4. Выделение «кенкольской культуры», а также некоторых родственных ей культур Средней Азии обосновано недостаточно, на что в своей книге, посвященной памятникам Эпохи великого

переселения народов на территории Кыргызстана и подготавливаемой в настоящее время к печати, справедливо указывает Б. Анке. В связи с этим понятие «кенкольская культура» в настоящей работе используется также во многом условно.

5. В этой связи можно указать на материалы из Минусинской котловины. В таштыкском погребении у госбанка в г. Абакан А.П. Липским был обнаружен 51 астрагал. При этом астрагалы были маркированы специальными знаками, интерпретация которых неоднозначна [Липский 1956: 16-21].

А.П. Липский приводит также интересные этнографические параллели игре в кости у современных хакасов [Липский 1956: 22-24].

6. Погребение, из которого происходит сосуд, было раскопано в 1997 г. и датируется авторами раскопок III–V вв. [Табалдиев, Бозер 1997].

7. Это, в частности, детали наборного пояса из разрушенной катакомбы (в публикации автора говорится о разрушенном подбое, однако приведенное описание более соответствует катакомбе) на городище Садыр-Курган в Таласской долине, датированного IX–X вв. (см. статью А.И. Торгоева в настоящем сборнике).

Abstract

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF THE KAROOL-DĚBĚ BURIAL MOUND IN 2003

V.A. Kolchenko, Ph. G. Rott

In the article are published and discussed the results of emergency archaeological excavation of the Karool-Děbě burial ground in 2003. It was excavated five partly destroyed graves, four of them are catacombs and one is so-called Podboi. In all catacombs had been found burial inventory, Podboi had no burial inventory at all.

Based on construction, burial rite and inventory catacombs can be related to the so-called Kenkol Culture and dated into the second half of the first millennium AD.

Литература

- Археологические памятники ... 1987 – Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987
- Байпаков и др. 2004 – *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ержигитова А.А., Савельева Т.В., Шарденнова З.Ж., Ахатов Г.А., Шербаев Р.К.* Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы, 2004.
- Воробьев 1983 – *Воробьев М.В.* Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М., 1983.
- Деревянко 1977 – *Деревянко Е.И.* Троицкий могильник. – Новосибирск, 1977.
- Засецкая 1994 – *Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). – СПб., 1994.
- Кибиров 1959 – *Кибиров А.К.* археологические работы в Центральном Тянь-Шане // ТКАЭЭ. Т. 2. – М., 1959.
- Кожомбердиев 1963 – *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.
- Липский 1956 – *Липский А.П.* Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете Сибирской этнографии (II–IV в. до н.э. – IV в. н.э.) // Краеведческий сборник. – Абакан, 1956.
- Максимова и др. 1968 – *Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. – Алма-Ата, 1968.
- Памятники ... 1983 – Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. – Л., 1983.
- Савинов 1976 – *Савинов Д.Г.* Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.
- Синицын 1947 – *Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки. Т. 17. Выпуск исторический. Издание СГУ. – Саратов, 1947.
- Табалдиев, Бозер 1997 – *Табалдиев К.Ш., Бозер Рустем.* Отчет Сонкульского археологического отряда за 1997 г.
- Торгоев 2003 – *Торгоев А.И.* Об одном редком типе деревянной посуды в Центральной Азии // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 2002–2003 гг. ТД. – СПб., 2003.
- Уманский 1978 – *Уманский А.П.* Погребение эпохи «великого переселения народов» на р. Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978.

ДАННЫЕ О ПОМИНАЛЬНЫХ ОГРАДКАХ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ КОЧКОРСКОЙ ДОЛИНЫ

А.Т. Сулайманова*

*Кочкорская долина / поминальные оградки с захоронениями коней / древнетюркское время
Kochkor valley / ritual sites with horse burial / old Turkish period*

Археологические раскопки группы могильников Беш-Таш-Короо¹ (далее БТК), проводившиеся в конце XX в., дали много нового относительно погребально-поминального обряда населения древнетюркского времени Кочкорской долины. Эта группа находится в восточной части долины, у подножия отрогов хребта Кара-Тоо, в 3 км к северу от населенного пункта Кара-Кунгей. Она состоит из трех отдельных групп курганов, получивших названия БТК I, II и III соответственно.

Раскопки могильника БТК I и II производились К.Ш. Табалдиевым в 90-х гг. XX в. Им были вскрыты курганы, содержащие захоронения человека с конем и поминальные сооружения с каменными изваяниями, стелами и без них. Особый интерес представляет одно из поминальных сооружений, содержащее захоронение коня (БТК I, объект № 2), что для территории Кыргызстана было зафиксировано впервые. В яме, внутри оградки подпрямоугольной формы, сооруженной из вертикально установленных плит, помещался скелет коня. Часть костей (лопатка, кость передней ноги, ребра и два шейных позвонка) находились на глубине 0,9 м. На 20 см ниже – в анатомическом порядке остальные кости (часть позвонков и ребер, кости задних и передних конечностей). Череп, а также некоторые кости скелета отсутствовали. Судя по расположению сохранившихся костей, конь был ориентирован головой на запад. В области передних ног лежала берцовая кость барана и железная пряжка. С западной стороны оградки было установлено каменное изваяние, обращенное лицом на запад [Отчет... 1991: 16, рис. 63, 64].

В 1994 г. в могильнике БТК II² было раскопано шесть поминальных оградок, в том числе три с захоронениями коней [Отчет ... 1994]. Информация об этом была опубликована сначала в виде тезисов [Солтобаев и др. 1995: 75], позже – в виде краткого упоминания [Табалдиев 1996: 74].

В данной работе публикуются все выявленные в могильнике БТК II поминальные оградки, содержащие захоронения коней.

Объект №51. Высота насыпи – 0,1 м. На дневной поверхности каменно-земляной насыпи разбросаны обломки камней и плиты (рис. I. 1).

После снятия дерна выявились две оградки – большая и малая, сооруженные из вертикально установленных плит. Они расположены на расстоянии 1,5 м друг от друга по линии юго-запад – северо-восток. Пространство между оградками вымощено речной галькой. Юго-западная (большая) оградка разрушена – от нее сохранилось 12 плит небольшого размера. В северо-восточной (малой) оградке отсутствует только угловая (последняя) плита северо-западной стенки. Оградки ориентированы углами по странам света. Их размеры соответственно: 2,10 × 1,85 м и 1,30 × 1,25 м (рис. I. 2).

В центральной части северо-восточной оградки – узкая яма, заполненная грунтом. В яме, на глубине 0,35 м, обнаружены три плиты, установленные строго вертикально в один ряд, примыкая друг к другу, по линии северо-запад – юго-восток. Высота плит в среднем – 0,4 м, общая длина – 0,8 м, толщина – 2–3,5 см (рис. I. 3–4).

В центральной части юго-западной оградки – яма размерами 2,15 × 1 м, ориентированная по линии северо-запад – юго-восток и забутованная обломками камней. В яме, на глубине 0,35 м, в каменно-земляном заполнении отмечены истлевшие остатки деревянных жердей. Они лежали горизонтально в один ряд и были единообразно ориентированы по линии север – юг. Фрагменты жердей более хорошей сохранности, длиной 7–8 см, имеют следы обработки, в результате чего их сечение близко к подпрямоугольному (размер: 2 × 3 см). Конец одного фрагмента заострен. На этом же уровне зафиксировано незначительное количество древесных углей, кальцинированные фрагменты двух костей и два округлых кожаных изделия, назначение которых неясно. На глубине 0,7 м, в юго-восточной части ямы, со

* Сулайманова Айдай Турдуматовна – Институт истории НАН КР. Кыргызстан, г. Бишкек, aidaysu@mail.ru

Рис. 1. Могильник Беш-Таш-Короо II. Объект № 51: 1 – план объекта на момент обнаружения, 2 – план насыпи после расчистки, 3 – план оградок, 4 – разрез

смещением к южной стенке выявлена плита, установленная строго вертикально. Верхняя часть плиты подтреугольная в плане. Снизу с двух сторон ее подпирают крупные прямоугольные плиты. Длина выступающей части (от уровня подпирающих плит) – 0,38 м, ширина – также 0,38 м, толщина – до 0,25 м (рис. I. 3-4).

Ниже забутовки, на глубине 1,4 м обнаружен скелет коня в анатомическом порядке в полном снаряжении. Конь был уложен на животе, с подогнутыми ногами, выступающими с левой стороны. Голова находилась выше крупа, шея вытянута вверх, а опущенная вниз морда обращена влево. Конь ориентирован грудью на северо-запад (рис. II). На спине находилось плохо сохранившееся деревянное

седло. Под передней лукой – фрагмент деревянного изделия неестественного для дерева красноватого цвета (возможно, первоначально был окрашен), сохранившаяся длина которого до 8 см, диаметр – около 1,5 см. По-видимому, речь в данном случае идет о рукояти нагайки. В области живота – пара корродированных стремян. Между челюстями также сильно корродированные удила. Судя по костям, речь идет о молодой особи.

Кратко остановимся на вещественном материале, который уже частично опубликован К.Ш. Табалдиевым.

Седло с дугообразными передней и задней луками. Нижние части полок скруглены. Относится к типу седел, которые известны, в частности, в древнетюркских погребениях Тянь-Шаня [Табалдиев 1996: 35]. К.Ш. Табалдиев в датировке тянь-шаньских седел следует А.К. Амброзу и С.И. Вайнштейну – VII–X вв., с чем согласны и мы.

Стремена восьмеркообразные, округлой формы. По типологии тянь-шаньских стремян, предложенной К.Ш. Табалдиевым, экземпляры из объекта №51 относятся к третьему типу I группы, с незамкнутыми петлями. Датируются такие стремяна VI–VIII вв. [Табалдиев 1996: 38, 40, рис. 34].

Наше предположение относительно предмета, обнаруженного под передней лукой, – рукоять нагайки – обосновывается тем, что нагайка является принадлежностью конского снаряжения и вполне закономерно ее обнаружение в захоронении, в котором конь находился в полном снаряжении.

Сохранившиеся жерди, вероятно, первоначально составляли некую конструкцию. По-видимому, такие конструкции из жердей, использовали для перекрытия могильных ям, или их специально бросали в могильную яму после использования в качестве средства для

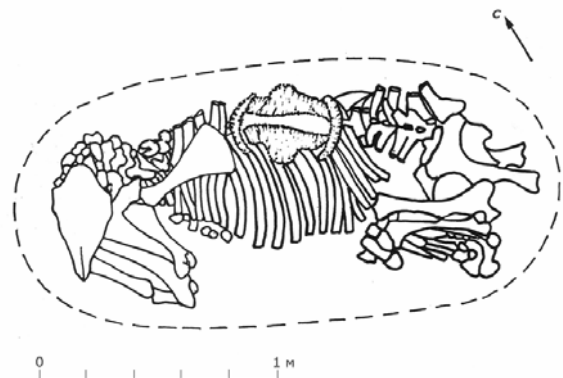

Рис. II. Могильник Беш-Таш-Короо II. Объект № 51. Погребение коня

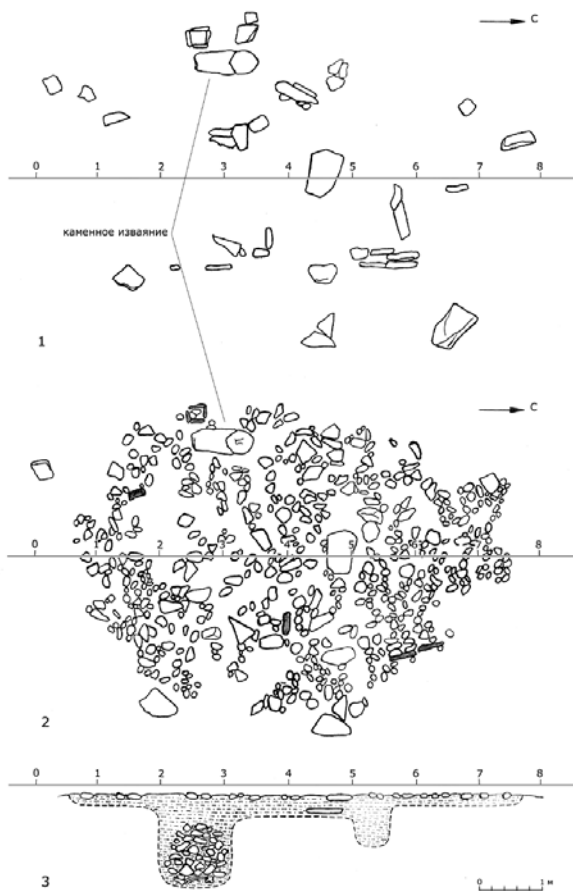

Рис. III. Могильник Беш-Таш-Короо II. Объект № 63:
1 – план объекта на момент обнаружения, 2 – план насыпи после расчистки, 3 – разрез

перевозки груза, например строительных материалов для сооружения поминального объекта. С.П. Нестеров отмечает, что в могильнике Даг-Аразы II, датированном VII–IX вв., в могильных ямах фиксировались «остатки вертикально расположенных деревянных жердей». Он предполагает, что это остатки тасок, на которых умерших приводили к месту погребения и после их использования ломали и помещали в могильную яму. Им также отмечается, что в этнографическое время тюркоязычные народы Саяно-Алтая ломали похоронный транспорт, либо оставляли на некоторое время на кладбище или около улуса, а то и на дороге к кладбищу, с целью отрезать умершему все пути назад. В Средневековье же тюркоязычные племена преднамеренно ломали погребальный транспорт, чтобы не принести вред живым [Нестеров 1990: 56-57].

Следует заметить, что при раскопках средневековых курганов Кочкорской долины (могильник Ичке-Жылга)³ в могильных ямах уже фиксировались прутья чия [Табалдиев 2005: 23]. Они вполне могли составлять ци-

новки или нечто подобное, использовавшееся для перекрытия.

Объект №63. Высота насыпи – 0,1 м. На дневной поверхности каменно-земляной насыпи разбросаны обломки камней, а также несколько горизонтально лежащих плит. На северо-восточном краю насыпи выделяются верхние концы двух вертикально установленных плит, в центре – массивная задернованная плита, размером 0,48 × 0,76 м (рис. III. 1).

В западной части насыпи лежало каменное изваяние, изготовленное из крупнозернистого песчаника – головой на север, а лицевой поверхностью, сильно выветренной и оббитой, вверх. Немного усеченная по форме голова отделена от торса желобком, очертившим подбородок. Также сохранилась линия носа. Намечены узкие плечи. Других черт не прослеживается. Размер изваяния: 1,1 × 0,42 × 0,21 м (рис. IV).

К западу от изваяния раскопан просматривавшийся еще на дневной поверхности каменный ящик. Его размеры: 29 × 31 см. Он сооружен из четырех вертикально установленных плит, ориентирован сторонами по странам света. У северной стенки ящика зафиксированы четыре горизонтально лежащие каменные плиты, которые по размерам близки плитам ящика. Под насыпью выявились горизонтально лежащие и вертикально установленные плиты, одна из которых перпендикулярна остальным. По расположению вертикально установленных плит можно предположить, что речь в данном случае, по-видимому, идет об остатках двухкамерной оградки, ориентированной по линии север – юг. Ее размеры, однако, не устанавливаются (рис. III. 2).

В северной части объекта, на глубине 0,22 м зафиксирована массивная горизонтально уложенная плита. С ее северной стороны произведен проекционный шурф, глубиной до 0,55 м, не выявивший вещественного материала.

Рис. IV. Могильник Беш-Таш-Короо II.
Объект № 63.
Каменное изваяние

В южной части, напротив каменного изваяния и ящика, в заполнении оградки зафиксирован чистый земляной грунт. При дальнейшем углублении выявились контуры ямы размером $1,7 \times 0,9$ м, с забутовкой из обломков камней. В яме, на глубине 1 м, обнаружен скелет коня, анатомический порядок которого нарушен. Большие берцовые кости, подогнутые кости передних и задних конечностей, сохранились *in situ*. Отсутствовали череп и отдельные кости. Судя по расположению костей *in situ*, конь был ориентирован головой на запад (рис. III. 3).

Объект №64. Высота насыпи – 0,1 м. На дневной поверхности насыпи разбросаны об-

Рис. V. Могильник Беш-Таш-Короо II. Объект № 64:
1 – план объекта на момент обнаружения,
2 – план насыпи после расчистки, 3 – план оградок

ломки камней и плит. Выделяются верхние части вертикально установленных плит оградки (рис. V. 1).

Под дерновым слоем выявилась оградка. Она двухкамерная, разделенная по ширине вертикально поставленными плитами, длиной 0,96 м, расположенными по линии юго-запад – северо-восток. Углами ориентирована по сторонам света. Стенки разрушены. От них сохранилось всего девять вертикально установленных плит. Размеры: юго-западная – $2,3 \times 2,3$ м, северо-восточная – $1,95 \times 2,35$ м (рис. V. 2).

Под насыпью, внутри северо-восточной камеры, вдоль юго-западной стенки отмечено пять массивных горизонтально уложенных плит, четыре из которых вытянуты в один ряд. Шестая плита, также горизонтально уложенная, находится в центре оградки. В центре камеры – мелкие камни в виде кучи, размерами 24×25 см. Под ней, на глубине 0,15 м, зафиксировано пятно золы с углями, размерами 26–28 см и толщиной около 1,5 см. К северо-востоку от них обнаружена берцовая кость овцы в вертикальном положении (рис. V. 3).

Под насыпью юго-западной камеры, на глубине 0,2 м, началось грунтовое заполнение. В ее центре – заполнение с мелкими камнями, здесь же – горизонтально уложенная каменная плита размером $0,45 \times 0,26 \times 0,02$ м (рис. V. 3). Ниже продолжилась забутовка из обломков камней. На глубине 0,8 м обнаружены беспорядочно лежащие кости коня. Анатомический состав скелета был неполным – отсутствовал череп. Судя по расположению костей задних конечностей *in situ*, можно предположить, что конь был ориентирован головой на северо-запад.

Вертикальное размещение плит в центральной части оградок в специальных ямах, причем на различной глубине, как в объекте № 51 могильника БТК II, встречается на Тянь-Шане крайне редко. В данном случае плиты были расположены перпендикулярно друг другу.

Такая же установка плит зафиксирована еще в одной из поминальных оградок (объект №44) этого же могильника (рис. VI. 1). Плита установлена в неглубокой яме в западной части оградки, диагонально ее стенкам, здесь же находилась берцовая кость овцы в наклонном положении (рис. VI. 2). Напротив северо-западной стенки оградки, на расстоянии 1,3 м от нее – каменный ящик, северо-западная плита которого отсутствует. Внутри него – также вертикально установленная небольшая плита, расположенная по диагонали (рис. VI. 3). Вер-

тикально установленная плита в центре одной из поминальных оградок отмечена также в могильнике БТК I [Табалдиев 1996: 71].

В урочище Момбай-сазы в Джамбульской области Ю.А. Мотов раскопал три смежные поминальные оградки, две из которых с каменными изваяниями. Под насыпью, в центре каждой из них, был установлен брусковидный камень. Ю.А. Мотов считает, что камни в данном случае символизируют родовое дерево [Мотов 2001: 145].

В центральной части алтайских и монгольских поминальных оградок чаще обнаруживаются остатки стволов лиственных деревьев, которые истолковываются как шаманское и мировое древо [Войтов 1996: 116].

Вертикально установленная плита была зафиксирована и в могильнике БТК III, однако она находилась к западу от двух смежных сооружений (объект № 26), состоящих из четырех плит. В данном случае плита устанавливалась вместо каменного изваяния или стелы [Отчет...: 1994]. Вертикально установленные плиты, расположенные к востоку от поминальных оградок древнетюркского времени, нередко встречаются и в Туве, где они также выполняли функцию каменных изваяний или стел [Кызласов 1969: 26].

Нам кажется, что адекватное истолкование этого факта – вертикально установленная плита в центральной части оградки – возможно лишь в результате дальнейших исследований.

Если рассматривать каменные ящики из четырех плит, сооруженные в комплексе с большими оградками, то они близки кудыргинским поминальным объектам Алтая, датированным VI–VIII вв. По мнению А.А. Гавриловой, эти ящики являются детскими поминальными сооружениями [Гаврилова 1965: 14]. Такие комплексы были отмечены нами в могильнике Сутту-Булак в Кочкорской долине [Сулайманова 1996: 32]. Исходя из небольших размеров ящиков, сооруженных из четырех плит, а также учитывая их месторасположение перед каменным изваянием или вместо него, они, вероятно, являются вместилищем жертвенных вещей или пищи. В.Д. Кубарев отмечает, что обломки деревянных сосудов неоднократно находились в алтайских поминальных комплексах вместе с остатками мясной пищи у основания каменных изваяний. Также отмечается находка серебряного сосуда под дерном перед каменным изваянием [Кубарев 1984: 36, 50].

Как отмечено выше, захоронения коней в поминальных оградках могильников БТК I и

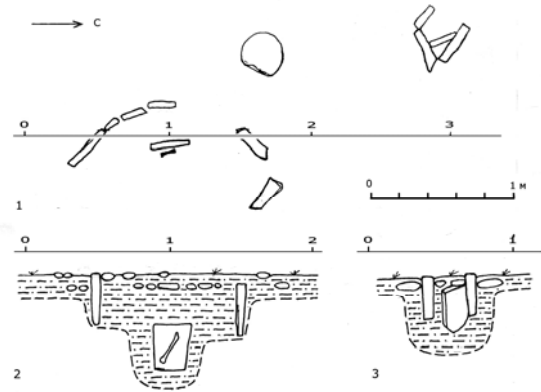

Рис. VI. Могильник Беш-Таш-Короо II. Объект № 64: 1 – план насыпи после расчистки, 2 – разрез южной оградки, 3 – разрез северной оградки

II представляют собой исключительно редкое явление погребально-поминального обряда древних тюрков. Аналогичное явление было отмечено в могильнике Мендур-Соккон I в Горном Алтае. Здесь поминальный объект состоит из двух смежных оградок, в одной из которых совершено захоронение коня в неглубокой яме. Конь ориентирован головой на юго-восток. Относя объект предположительно к древнетюркскому времени, авторы раскопок опирались, прежде всего, на конструкцию, сравнивая его с аналогичными смежными оградками могильника Кудыргэ [Соенов и др. 1992: 90]. Ю.С. Худяков в личной беседе с автором сообщил, что ему известны еще четыре поминальных объекта на Алтае, в которых совершены захоронения коней.

Поминальные оградки с захоронениями коней Тянь-Шаня синхронны аналогичным объектам Центральной Азии, которые датируются VI–VIII вв.

Ранее в поминальных объектах Внутреннего Тянь-Шаня были выявлены захоронения других видов домашних животных. Например, в ущелье Чет-Келтебик, в местности Коборгон-Таш, было раскопано сооружение, примыкавшее к северо-восточной стенке четырехугольной оградки с каменной стелой в центре. В яме внутри него был обнаружен анатомически целый скелет ягненка. Здесь же были найдены отдельные кости других животных и мелкие фрагменты керамических сосудов различных форм и изготовления, часть которых автором раскопок датирована IX–XII вв. [Табалдиев 1991: 32].

В аналогичном объекте, пристроенном с северо-восточной стороны к пятикамерной поминальной оградке в могильнике Аралтобе (Южный Казахстан), обнаружено захоронение одной особи крупного рогатого скота. По со-

путствующему инвентарю захоронения – металлическим бляшкам конской упряжи – автор датировал его древнетюркским временем (VI–VIII вв.) [Досымбаева 2002: 87].

В целом же наличие отдельных костей домашних животных в древнетюркских поминальных оградках – один из характерных признаков ритуальных действий, выявленный в результате их изучения.

Общеизвестно, что в погребальном обряде древних тюрков, конь традиционно сопровождал труп умершего человека. В погребениях Внутреннего Тянь-Шаня скелеты коня и человека находились рядом, иногда на разной глубине. Ориентация неустойчива, но чаще конь ориентирован головой в западном секторе, а человек – в восточном. Иногда рядом с погребенным человеком обнаруживаются отдельные кости овцы. Есть случаи сопровождения погребенного ее целой тушей. Также встречаются погребения человека без сопроводительных животных и, наоборот, отдельные погребения коней, где кони чаще ориентированы головой на запад. Последние были изучены в могильниках Бел-Саз II (№31, 32) и БТК II (№21, 26, 22). В трех случаях отсутствовали черепа, в двух случаях кони были в полном снаряжении, а в одном случае – конское погребение, по-видимому, сопровождалось ритуальной пищей – обнаружена большая берцовая кость барана [Табалдиев 1996: 20, 23].

Отдельные захоронения коней в курганах, известные в Центральной Азии, аналогичны тянь-шаньским.

С.П. Нестеров предлагает два объяснения появлению отдельных захоронений коня в полном снаряжении. Первое – их преждевременная гибель. Специальное захоронение коня для хозяина является при этом гарантом будущей встречи с ним в загробном мире. Второе – невозможность захоронения коня одновременно с человеком. Впоследствии коня убивали и хоронили, тем самым препровождая его в мир умерших, где он должен был встретиться со своим хозяином [Нестеров 1990: 79-80].

Исходя из второго объяснения С.П. Нестерова могут быть поняты захоронения коня в поминальных оградках. В этом случае препровождение коня в мир иной вслед за хозяином осуществлялось одновременно с проведением тризны в честь умершего. Сначала, убивая снаряженного коня, его захоранивали в заранее подготовленную яму, головой направляя в ту сторону, куда были обращены

лица каменных изваяний, установленных исходя из локальной традиции. Затем над могилой коня сооружали поминальную оградку и совершали поминальный обряд.

Также небезынтересно отметить каменное изваяние из Монголии, в нижней части которого имеется сцена с изображением двух персонажей и оседланных коней [Баяр, Эрдэнэбаатар 1999: 95]. Сам факт того, что на каменном изваянии, которое является составной частью погребально-поминального обряда, изображены кони, говорит о важности и необходимости их участия в нем.

А.М. Илюшин в своей работе об отдельных захоронениях коней в курганах привлек интересный этнографический материал, сохранившийся Д.В. Кацюба. По традиции, сохранившейся в исторической памяти современных бачатских телеутов, конь умершего привязывался к углу его дома. В течение 40 дней после похорон за ним тщательно ухаживали, хорошо кормили и каждое утро водили на кладбище. По истечении означенного срока рядом с могилой хозяина выкапывали яму и опускали в нее живого и снаряженного коня. Ударив топором по холке и, тем самым, умертвив, коня погребали [Илюшин 2003: 135].

Традиция, связанная с почитанием коня, сохранялась и у казахов до нач. XX в. Так, конь знаменитого композитора младшего жуза Курмангазы умер раньше своего хозяина и был похоронен; место его захоронения находится в 1–2 км от могилы Курмангазы. Коня Караата батыра Амантурлы Кожалака из рода Адай, жившего в нач. XIX в., похоронили как человека; его могила находится возле мавзолея батыра [Токтабай 2004: 29]. В полевых материалах У.А. Токтабая есть также упоминание о сохранившейся до нач. XX в. традиции специального захоронения «хороших» коней.

Как видно, использование коня в погребально-поминальном обряде древнетюркского населения Центральной Азии встречается в разных вариантах. В связи с этим возникает вопрос о локальных особенностях внутри ареала распространения древнетюркской культуры. И здесь материалы, полученные в Кочкорской долине, играют важную роль.

Примечания

1. Открыта К.Ш. Табалдиевым в 1991 г.
2. Исследования осуществлялись К.Ш. Табалдиевым, Ю.С. Худяковым и автором данной статьи.
3. Раскопки А.К. Кибирова

Abstract

NEW DATA ON RITUAL SITES OF OLD TURKS OF KOCHKOR VALLEY

A.T. Sulaimanova

As result of the last archaeological excavations of old Turkish sites of Kochkor valley new interesting materials were found, especially relating to funeral sites which broaden our knowledge about the culture of the population of Middle Ages Kyrgyzstan. In the present paper is presented the data on the funeral sites of Besh-Tash-Koroo (II), in particular on the ritual burials of domestic animals in rite sites dating VII-X AD. Some correlations with the typologically same sites from neighbor regions are given.

Литература

- Баяр, Эрдэнэбаатар 1999 – *Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.* Каменные изваяния Монгольского Алтая. – Улан-Батор, 1999.
- Войтов 1996 – *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996.
- Гаврилова 1965 – *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965.
- Досымбаева 2002 – *Досымбаева А.* Мерке – сакральная земля тюрков Жетысу. – Тараз, 2002.
- Илюшин 2003 – *Илюшин А.М.* О ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая. Вып. 10. – Горно-Алтайск, 2003.
- Кубарев 1984 – *Кубарев В.Д.* Каменные изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984.
- Кызласов 1969 – *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. – М., 1969.
- Мотов 2001 – *Мотов Ю.А.* Раннесредневековые каменные оградки урочища Момбай-сазы // История и археология Семиречья. Вып. 2. – Алматы, 2001.
- Нестеров 1990 – *Нестеров С.П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1990.
- Отчет ... 1994 – Отчет об археологической экспедиции кафедры археологии и этнологии за 1994 г.
- Отчет ... 1991 – Отчет об археологических исследованиях в Кочкорской долине в 1991 г.
- Соенов и др. 1992 – *Соенов В.И., Глебов А.М., Эбель А.В., Пивоварова Н.Н.* Раскопки аварийных средневековых памятников на могильнике Мендур-Соккон I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. – Горно-Алтайск, 1992.
- Солтобаев и др. 1995 – *Солтобаев О.А., Сулайманова А., Табалдиев К.Ш.* Новые сведения из древнетюркских поминальных оградок // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии: ТД МНК, посвященной 1000-летию эпита «Манас». – Бишкек, 1995.
- Сулайманова 1996 – *Сулайманова А.Т.* Поминальные памятники древнетюркского времени в могильнике Сутту-Булак // Материалы XXXIV международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 1996.
- Табалдиев 1991 – *Табалдиев К.Ш.* Об оградке тюркского времени // Некоторые вопросы археологии и этнографии Кыргызстана. – Бишкек, 1991.
- Табалдиев 1996 – *Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.
- Токтабай 2004 – *Токтабай А.У.* Культ коня у казахов. – Алматы, 2004.

НЕКРОПОЛЬ ГОРОДИЩА САДЫР-КУРГАН (аварийные исследования 2001 г.)

А.И. Торгоев*

Семиречье / Талас / Средневековье
Semyrechye / Talas / Middle age

В 2001 г. группа археологической экспедиции КРСУ в составе А.М. Камышева и автора статьи проводила мониторинг состояния археологических памятников в долине Верхнего Таласа. Наиболее интересные материалы были получены на городище Садыр-Курган.

Городище Садыр-Курган является самым крупным во всей долине Верхнего Таласа и отождествляется с городом Шельджи – средневековым центром одноименного рудничного округа. Первые небольшие по объему раскопки на городище проводились в 1938 г. экспедицией под руководством А.Н. Бернштама. Тогда же А.И. Тереножкиным был снят достаточно подробный глазомерный план¹ [Бернштам 1963].

Территория, занимаемая городищем Садыр-Курган, попадала в зону затопления Кировского водохранилища. Непосредственно перед затоплением, в 1967–1970 гг., П.Н. Кожемяко в течение нескольких лет проводил ширококомасштабные раскопки на городище, результаты которых, к сожалению, практически не опубликованы [Абетеков и др. 1968: 360; Кожемяко 1969: 454–455].

После затопления исследования на городище проводились лишь спорадически. Ежегодный спад и подъем воды сильно разрушают культурные слои, но и сейчас, обычно в августе, при максимальном спаде воды, хорошо заметны валы стен шахристана и холм цитадели. Многие годы сбор подъемного материала на городище осуществлял М.Ф. Тур, собравший значительную коллекцию керамических изделий и вещей.

На высоком увале, который расположен к югу от цитадели городища [Бернштам 1963: рис. 1], хорошо заметны остатки крепостной стены рабада с затронутой раскопками П.Н. Кожемяко прямоугольной башней наверху. Стена рабада проходит поперек увала с запада на восток. Увал этот сильно разрушается водами водохранилища. Уровень максимального стояния воды в водохранилище в

осеннее-зимнее время хорошо маркируется на поверхности обрыва, высота которого в среднем не превышает 2–3 м.

По всей линии обрыва хорошо читаются размытые водами погребальные сооружения, выраженные на поверхности провалами разрушенных погребальных камер в виде катакомб и подбоев. К сожалению, ни для одного из осмотренных и исследованных погребений не удалось зафиксировать конструкцию дромоса или входной ямы. Кроме захоронений такого типа, на восточной оконечности холма удалось зафиксировать типично мусульманские захоронения, совершенные в ящиках из сырцового кирпича.

Несколько погребений, которым угрожало полное уничтожение в ближайшем будущем, было подвергнуто расчистке.

Погребение 1. Погребальная камера в виде катакомбы овальной формы, размером 1,80 × 1,30 м. Сохранившаяся высота – 0,7 м. Потолок камеры был частично разрушен водами водохранилища. Дно находится приблизительно на 3 м ниже современной поверхности холма.

Скелет человека лежал вытянуто на спине, головой на юг – юго-запад. Лицо обращено к западу, но, вероятно, первоначально было обращено кверху. Левая нога согнута в колене, правая подогнута слегка. Скелет неполный: не сохранились кисти рук, отсутствует лучевая кость левой руки, далеко не полный набор пяточных костей. Кости плохой сохранности: эпифизы берцовой и голennых костей, а также части позвонков разрушены.

Сопроводительный инвентарь отсутствует. Заполнение камеры состояло из твердой, спрессованной глины.

Погребение 3. По обряду погребения и погребальному сооружению аналогично погребению 1.

Погребение 2 оказалось наиболее интересным (рис. 1). Оно было совершено в сильно разрушенном действием воды подбое овальной формы, вытянутом в меридиональном направлении. Он был выкопан с западной

* Торгоев Асан Исакбекович – Государственный Эрмитаж, Россия, г. Санкт-Петербург, toras@kunstkamera.ru

Рис. I. Городище Садыр-Курган. Некрополь.
Погребение 2

стороны несохранившейся входной ямы. Длина подбоя – 2,10 м, сохранившаяся высота – 0,7 м. Дно его находится ниже отметки современного края холма на 2 м.

Камера была заполнена слоем твердого, слежавшегося грунта желтого цвета с натечной структурой.

До расчистки погребения в ней были заметны остатки двух сильно разрушенных черепов. После зачистки выяснилось, что один из них (верхний), видимо, попал из другого погребения, а второй сохранил свое положение *in situ*. От скелета погребенного сохранилась только правая половина, включающая кости руки и ноги. Длина скелета – 1,80 м.

На левой половине у черепа зафиксированы зеленые пятна окислов цветного металла. В камере, на краю обреза, были обнаружены две плохо сохранившиеся железные поясные накладки. Остальная часть пояса была собрана рядом с погребением в радиусе около 0,8–1 м. Принадлежность пояса к этому погребению сомнения не вызывает.

Поясной набор (в дошедшем до нас виде) состоит из пяти железных поясных накладок (рис. II. 4-8), двух серебряных поясных наконечников, один из которых – наконечник основного ремня (рис. II. 1), а второй – подвесного ремешка (рис. II. 3) и накладки (рис. II. 2).

Железные накладки сильно корродированы; их крепление к ремню осуществлялось с помощью серебряных заклепок-гвоздиков с крупной шляпкой.

Серебряные накладки и поясной наконечник подвесного ремешка литые, выполнены в ажурном стиле с «просечкой». Орнамент растительного характера; на поясном наконечнике подвесного ремня отчетливо читается фигура с подвесами. Поясной наконечник основного ремня крупный, с фигурно-скобчатым оформлением обоих концов. В центре его находится гравированный орнамент в виде четырехлепестковой розетки. Крепление его к ремню также осуществлялось с помощью серебряных заклепок с крупными правильными шляпками.

Благодаря наличию орнаментированных серебряных вещей может быть предложена и дата погребения. Судя по наличию охарактеризованных выше серебряных изделий, погребение должно датироваться не ранее сер. IX–X в. Из аналогий можно привести пояс из Боз-Бешика на Иссык-Куле [Памятники... 1983: 67-68]. Близкие детали пояса найдены в кургане 80 могильника Джартас в Верхнем Прииртыше [Трифонов 1987: рис. 68. 1-3].

Пояса с сочетанием накладных украшений из цветных металлов и железных бляшек известны в комплексах второй половины VIII в. Из примеров таких «биметаллических» укра-

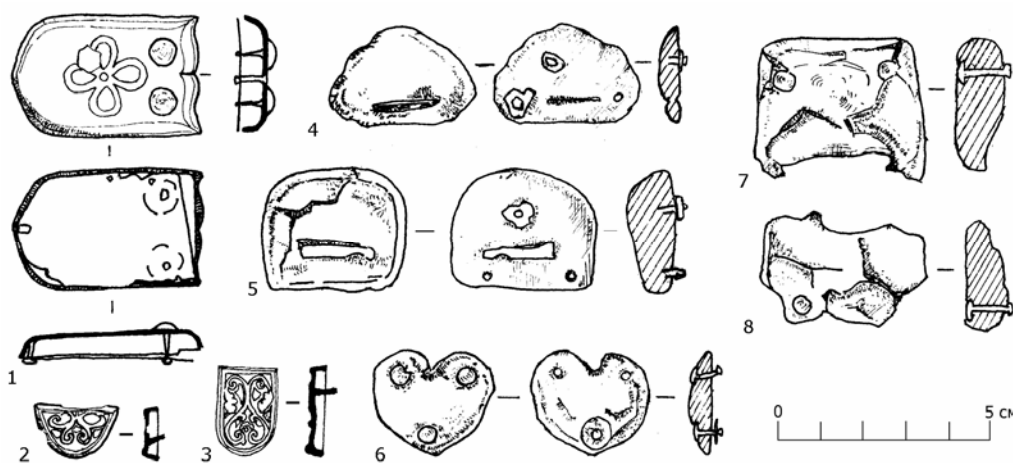

Рис. II. Городище Садыр-Курган. Некрополь.
Детали наборного пояса из погребения 2:
1-3 – серебро, 4-8 – железо с серебряными заклепками

шений пояса можно привести пояс из могильника Капчалы IV в Минусинской котловине (не опубликован, раскопки А. Харчевникова, 1937 г.; коллекция Минусинского музея, № А-10249-10254, 10265). Пояса с железными деталями, копирующими бронзовые, найдены в кургане 19 могильника Сапогово [Илюшин и др. 1992: Рис. 49, 1] и кургане 6 могильника Талдуаир [Кубарев 2005: табл. 100, 8]. Видимо прав Г.В. Кубарев, считающий, что пояса с украшениями, выполненными из железа, являются более поздними по времени, чем пояса, украшенные накладками из цветных металлов [Кубарев 2005: 49].

В районе этого погребения собран еще ряд бронзовых изделий: зеркало, перстень и накладки от пояса, а также медальон с крестообразной фигурой в центре.

М.Ф. Тур сообщил нам, что ранее на этом могильнике было расчищено погребение с поясом, украшенным полукруглыми, бронзовыми накладками и лировидной подвеской. Детали этого пояса были переданы им в Государственный исторический музей в г. Бишкек.

Очевидно, что перед нами крупный грунтовый могильник, никаким образом не выраженный на современной дневной поверхности. Интересно отметить, что прежними исследователями Садыр-Кургана не отмечены следы захоронений в этой части городища. Можно предположить, что к началу исследования Садыр-Кургана в 30-х гг. XX в. внешних признаков кладбища уже заметно не было.

Поскольку погребения находятся в пределах стены, окружающей рабад городища,

можно с достаточной долей уверенности предположить, что водохранилище размывает городской некрополь Садыр-Кургана.

Погребения в подбоях и катакомбах известны на средневековых городских некрополях Семиречья. К примеру, они выявлены на некрополе Краснореченского городища, где большинство из них также безы Inventарные [Байпаков, Горячева 1999: 158, рис. 98].

Судя по материалу, полученному из погребения 2, а также ранее обнаруженному М.Ф. Туром погребению с поясом и сборам, происходящим из других разрушенных погребений, можно с уверенностью говорить о том, что часть погребений некрополя относится к IX–X вв.

Могилы с подбоями и катакомбами, не содержащими инвентаря, датировать сложно. Их в предварительном порядке можно отнести к более позднему периоду. Ориентировка погребенных в сторону Киблы свидетельствует об их мусульманской принадлежности. Видимо, основная масса могил с подбоями Садыр-Кургана относится к мусульманскому периоду, занявшему в истории города Шельджи период кон. X–XV в.

Для проверки выдвинутых предположений необходимы полномасштабные работы на этом интересном памятнике.

Примечания

1. План, снятый А. И. Тереножкиным, остается единственным среди опубликованных и достаточно точно передает очертания этого городища. В публикации 1963 г. масштаб плана не соответствует описанию самого памятника.

Abstract

NECROPOLIS THE SADYR-KURGAN ANCIENT SITE (emergency researches of 2001)

A.I. Torgoev

This article deals with ruined burials of the town necropolis of Sadyr-Kurgan site. Three burials in question were characterized by carvings. Girdle details were found in one of the burials, while the other burials remained without any inventory. The burial with the girdle is dated into the IX–X AD, the others are dated into the X–XV AD.

Литература

- Абетеков и др. 1968 – *Абетеков А.К., Гаврюшенко П.П., Заурова Е.З., Кожемяко П.Н., Кожомбердиев, И.К., Юнусалиев М.Б.* Археологические работы в Киргизии // Археологические открытия 1967 года. – М., 1968.
- Байпаков, Горячева 1999 – *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Семиречье // Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – (Археология).
- Бернштам 1963 – *Бернштам А.Н.* Городище Садыр-Курган // Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.

- Илюшин и др. 1992 – *Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.* Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск, 1992.
- Кубарев 2005 – *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск, 2005.
- Кожемяко 1969 – *Кожемяко П.Н.* Городище Садыр-Курган // Археологические открытия 1968 года. – М., 1969.
- Памятники ... 1983 – Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. – Л., 1983.
- Трифонов 1987 – *Трифонов Ю.И.* Памятники средневековых кочевников. Джартаг // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987.

НОВОЕ ОБ ОССУАРИЯХ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

В.А. Кольченко*

Чуйская долина / оссуарии и их фрагменты / Средневековье
Chuy valley / ossuaries a their fragments / Middle ages

В 2005–2006 гг. в рамках проекта «Сохранение участков Великого Шелкового пути в верховьях Чуйской долины» (ЮНЕСКО / Японский целевой фонд / Кыргызстан) с целью выявления на местности остатков «длинных стен» и границ распространения признаков культурного слоя проводился осмотр территорий в округе центральных развалин городищ Краснореченское и Ак-Бешим¹. В ходе работ в двух пунктах были выявлены оссуарии и их фрагменты.

Первый из пунктов расположен в пределах «длинных стен» Краснореченского городища, в его северо-восточной части, примерно в 500 м к северу от автодороги Бишкек – Токмак, на краю надпойменной террасы. Эта местность известна как «Ивановский глиняный карьер» или «Карьер у Сельхозхимии». О нахождении в данном районе средневекового некрополя, в том числе содержащего погребения в оссуариях, известно достаточно давно. Первым об этом упоминает П.Н. Кожемяко [Кожемяко 1959: 35-36, табл. V. 1-2]. Достаточно подробная информация о нем содержится в отчете Ю.А. Мотова о работе казахстанских археологов в 1982 г. в рамках киргизско-казахского отряда по изучению Краснореченского городища [Мотов 1982]. В последующие годы наблюдения за разрушающимся некрополем и сбор материалов с него продолжали и киргизстанские специалисты (например, [Горячева, Тур 1985]). Однако в

научных публикациях после 1959 г., насколько нам известно, некрополь даже не упомянут. В дальнейшем предлагаем именовать его некрополь-2 Краснореченского городища.

В 2005 г. при осмотре срезов продолжающего действовать карьера на территории некрополя было отмечено несколько групп перемещенных фрагментов керамики и отдельных человеческих костей, лежавших рядом с ними. После соответствующих процедур было установлено, что фрагменты принадлежат минимум пяти оссуариям.

Фрагменты первого из них – KR-05-1² – позволяют практически полностью реконструировать форму, размеры и декор изделия (рис. I. 1). Данный оссуарий – овальной формы с почти вертикальной лицевой стенкой (боковые сохранились частично и не дают оснований судить об их абрисе и, соответственно, о размерах устья изделия). Его размеры (в реконструкции): длина – 65 см, высота – 32 см, ширина – 26–27 см.

В технологическом аспекте оссуарий сделан из трех полос, поставленных на дно, находящееся в момент формовки на песчаной подсыпке.

Декорирован оссуарий прочерчиванием по сырой глине острым предметом. Лицевая сторона разделена тремя вертикальными «елочками» на два зеркально-симметричных полотна подквадратной формы. В каждом из них нанесены пересекающиеся по диагоналям «дорожки» – идущие параллельно на расстоянии 1,5–2 см две линии, между которыми прочерчены вертикальные штрихи. Сверху изобразительное поле ограничено отрезком,

* Кольченко Валерий Анатольевич – Институт истории НАН КР. Кыргызстан, г. Бишкек, archak@mail.ru

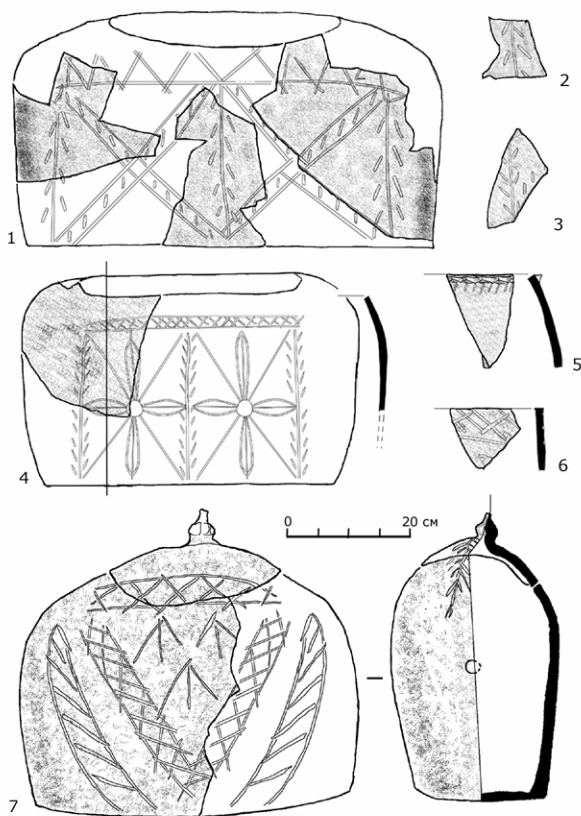

Рис. 1. Осууарии и их фрагменты некрополя-2 Краснореченского городища в 2005 и 2006 гг.

расположенным между крайними «елочками», с «нанизанной» на него ломаной зигзагообразной линией; нижние (и верхние – ?) концы ломаной в ряде случаев пересекаются. Нижняя граница изобразительного поля графическими средствами не обозначена; ею является нижняя грань осууария.

Иными словами, декор и форма изделия, характеризуемая коэффициентом соотношения высоты к длине, равным 0,49, соответствуют, согласно предложенной нами ранее классификации осууариев Чуйской долины [Кольченко 1999], варианту «В» первого вида второго типа (Ов.1.В).

На внутренней стороне дна в средней части осууария у торцевой стенки имеется серия выполненных по сырой глине наколов, напоминающих своим взаиморасположением несколько знаков (рис. III. 3). Их случайный характер представляется маловероятным. Возможно, к этому же осууарию принадлежал еще один орнаментированный фрагмент (KR-05-1prim) с изображением «елочки» (рис. I. 2). Во всяком случае, масштаб и манера прочерчивания линий идентичны. Если предположение верно, то изображение находилось в центре задней стенки – прием декора, не имевший

широкого распространения, но встречавшийся на ранее найденных осууариях и на осууарии KR-06-1 (см. описание ниже).

От второго осууария – KR-05-2 – сохранился небольшой фрагмент лицевой стенки с изображением части вертикальной и идущей по диагонали «веточек» (рис. I. 3), т.е. нижняя правая часть изобразительного поля. Исходя из такого характера декора осууарий, по всей видимости, входит в таксономическую ячейку «Ов.1.В» нашей классификации.

От третьего осууария – KR-05-3 – сохранился фрагмент верхней правой части лицевой стенки (рис. I. 4). Сохранившаяся часть рисунка позволяет реконструировать изображение и изделие в целом. Его размеры (в реконструкции): длина – 53 см, высота – 29 см. По форме, исходя из предложенной реконструкции, он принадлежит первому виду второго типа нашей классификации, так как коэффициент соотношения высоты к длине равен 0,55.

Лицевая сторона, по всей видимости, была разделена тремя прочерченными вертикальными «елочками» на два зеркально-симметричных полотна подпрямоугольной формы. Сверху его граница обозначена двумя горизонтальными линиями, пространство между которыми заполнено косыми крестами. Центр каждого из двух полотен выделен круглым наделом. От него по диагоналям, а также в вертикальном и горизонтальном направлениях идут прямые линии до границ полотна. Вдоль горизонтальных и вертикальных линий нанесены дуги, образующие изображение лепестка ланцетовидной формы.

Такой рисунок, определяющий в классификации вариант, встречается на осууариях Чуйской долины впервые; обозначим его литерой «Д». Таким образом, осууарий включается в таксономическую ячейку «Ов.1.Д».

От четвертого осууария – KR-05-4 – сохранилось два примерно равных фрагмента верхней части (рис. I. 5). Следов изображений на фрагментах нет. Он декорирован лишь наклепным горизонтальным валиком, проходящим под закраиной, которому нарезкой придана форма цепочки треугольных зубцов. Судя по особенностям, фрагменты являются частью осууария, входящего, по нашей классификации, в таксономическую ячейку «Ов.4». Данный вид характеризуется более открытой формой и полусферическими орнаментированными крышками.

Последний фрагмент осууария, найденный нами в 2005 г. на некрополе-2 Красноре-

ченского городища, – KR-05-5 – является небольшой плоской плиткой с орнаментальным поясом под закраиной (рис I. 6).

Орнамент нанесен относительно широким предметом (4–6 мм) и состоит из горизонтальной линии, являющейся нижним бордюром пояса, и косою сетки с 1–3 пересечениями каждой линии. Поле стенок также было орнаментировано, но фрагментарность находки не позволяет определить даже его характер.

Верхняя площадка закраины расположена перпендикулярно плоскости самого черепка. Ее форма – небольшие подтреугольные расширения с обеих сторон профиля – позволяет предполагать, что она сформована не методом срезки верхней части, как у подавляющего большинства аналогичных изделий, а трамбовкой плоским предметом. Указанные и ряд других особенностей фрагмента позволяют относить изделие в целом к группе оссуариев, сделанных методом формовки отдельных стенок с нанесением декора прочерчиванием (таксон «ПлФ.1» нашей классификации).

В 2006 г. на этом же некрополе нами был найден археологически целый овальный оссуарий с крышкой – KR-06-1 (рис. I. 7). Он был зафиксирован *in situ* в срезе карьера на глубине около 1 м от современной дневной поверхности. Оссуарий был установлен лицевой стенкой в восточную сторону и располагался в несколько наклонном положении в чистом лессовом грунте. Крышка была смещена, и внутреннее пространство костехранилища заполнилось грунтом. Следов конструкций – стен сооружения или впускной ямы, горизонтальных плоскостей – при извлечении и проведении вертикальной зачистки обнаружено не было. Координаты точки фиксации оссуария по GPS: UTM, зона 43 T, N = 747 м, E = 502 523 м, N = 47 500 088 м.

Оссуарий был сформован из полос вместе с крышкой, впоследствии срезанной по дуге. При формовке стенки ставились на дно, находящееся на глинисто-песчаной с примесью соломой подсыпке. Ручка крышки, высотой 8 см, состоит из цилиндрического основания и верхней части, по внешнему виду напоминающей чесночную головку. На сохранившейся торцевой стенке на уровне максимального расширения расположено округлое отверстие диаметром 2–2,5 см.

Размеры: длина сохранившаяся – 44 см, первоначальная (в реконструкции) – 53 см; ширина тулова – 34 см, по дну – 27 см, устья – 31 см; высота с крышкой – 54 см, без крышки – 42 см; толщина стенок – 1–2 см, дна – 1,2–1,5 см.

Таким образом, форма изделия, характеризующая коэффициентом соотношения высоты к длине 0,79, наиболее соответствует первому виду второго типа (Ов.1) нашей классификации.

Декорирован оссуарий был до срезания крышки прочерчиванием по сырой глине острым предметом. На лицевой стороне имеется единственное изобразительное полотно. Сверху оно ограничено фризом из двух горизонтальных линий, пространство между которыми заполнено 5–6 косыми крестами; большая часть фриза оказалась на крышке после ее срезания. Боковыми границами полотна также являются фризы, состоящие из двух параллельных полос, но пространство между ними заполнено наклонными отрезками; фризы выгнуты легкой дугой и расположены по диагоналям, начинаясь с внешних верхних углов полотна. Основное пространство заполнено V-образно расположенными сдвоенными линиями, между которыми находятся 2–4 раза пересекающиеся друг с другом наклонные отрезки. В центре композиции – три стрелки, расположенные остриями вверх: две из них вверху, а одна – под ними. На задней стенке оссуария, от ручки крышки до дна, нанесено изображение «ёлочки» с «ветвями», направленными вниз. От ручки на торцевые стенки, но не доходя до отверстий, также прочерчены «ёлочки» с «ветвями», направленными вверх.

Второй пункт обнаружения оссуариев в 2005 г. расположен за периметром «длинных стен» городища Ак-Бешим, в 200–400 м к северу от линии их прохождения, указанной П.Н. Кожемяко [Кожемяко 1959: 72]³, 400–500 м к востоку от городища Малый Ак-Бешим и 150–200 м от обрыва древней надпойменной террасы. Местность в этом районе сложнопересеченная, с множеством логов и размывов разной величины.

В одном из таких логов, после подмыва весенними водами склона, местными жителями⁴ были обнаружены два оссуария, установленных один на другой, и крышка (две – ?), не являющаяся «родной» ни одному из них.

На момент исследования один оссуарий – МАВ-05-1 – находился в земле. Он был установлен горизонтально, длинной осью ориентирован параллельно склону холма; дно находилось в 70–75 см от современной дневной поверхности. Внутри него в плотном слое глины лежали отдельные кости и частично раздавленный череп. Фрагменты второго оссуария и крышки были разбросаны поблизости и частично присыпаны выбросами земли.

Осмотр обнажений склонов лога и анализ микро топографии современной дневной поверхности не выявил признаков некрополя на данной территории.

Первый оссуарий – МАВ-05-1 – овальной формы (рис. II. 1). По конструкции он близок оссуариям первого, второго и четвертого видов. Стенки в нижней части, примерно до половины высоты, практически вертикальны, что характерно для оссуариев второго и четвертого видов. Длина оссуария – 58 см, высота – 20–21,5 см, ширина – 36 см. Таким образом, коэффициент соотношения высоты оссуария к его длине, используемый нами как один из видоопределяющих показателей, равен 0,34–0,37, т.е. по данному признаку оссуарий занимает промежуточное положение между вторым и третьим видами.

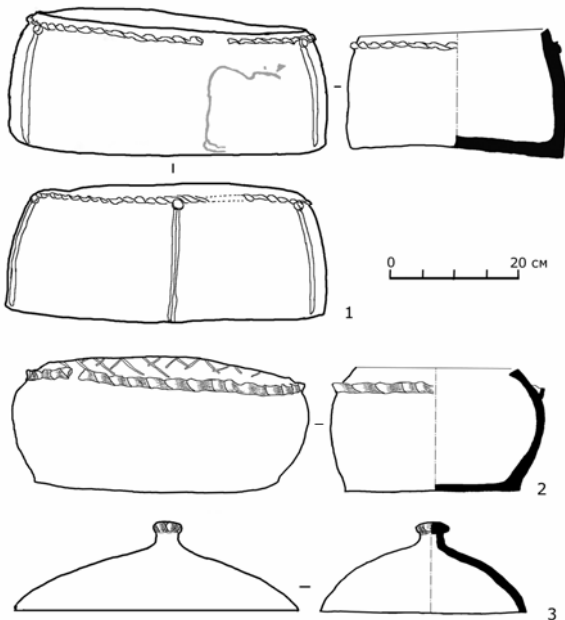

Рис. II. Оссуарии, найденные у городища Малый Ак-Бешим

В технологическом аспекте стенки первого оссуария, толщиной 1,5–1,7 см, были выведены вместе с верхней частью из полос. Их поверхности, как внутренняя, так и внешняя, плохо сглажены и сохраняют следы формовки – полосы от пальцев, идущих снизу-справа вверх-влево. Верхняя часть была не очень ровно срезана, образовав устье оссуария с промерами по осям 50 и 29 см соответственно. Дно, толщиной 1,8–2 см, вставлено между стенками.

Декорировано изделие наклепными элементами. В 1–2 см от закраины кольцом проходит горизонтальный валик с наклонными пальцевыми вдавлениями (этот признак характерен для оссуариев четвертого вида). На

длинных стенках изделия размещены треугольные в сечении вертикальные валики и плоские круглые ($d = 1,5$ см) «пуговицы», наклепанные в местах сочленения горизонтального и вертикального валиков. Причем вертикальных валиков на одной длинной стороне – три (признак, характерный для оссуариев первого и второго видов), а на другой – два, по краям. В правой части стороны с двумя вертикальными валиками черной тушью (?) справа налево нанесена короткая надпись или ее имитация⁵ (рис. III. 1).

Второй оссуарий, восстановленный нами из фрагментов, – МАВ-05-2 – также в плане овальный (рис. II, 2). По абрису стенок он близок оссуариям первого и второго вида. Длина оссуария – 61 см, длина по дну – 51 см, высота – 23,5 см, ширина – 41 см. Таким образом, коэффициент соотношения высоты оссуария к его длине равен 0,38, т.е. по данному признаку он близок оссуариям второго и особенно третьего вида.

Оссуарий был изготовлен из двух (?) полос. Стенки формовались вместе с верхней частью, выведенной, надо полагать, на конус. После срезки верхней части, выполненной не очень ровно, образовалось эллипсоидное устье оссуария с промерами по осям 49,5 и 34 см. Закраина с внутренней стороны была утолщена тонкой наклепной полоской, треугольной в сечении. Стенки изделия, толщиной 1,5–1,7 см, были поставлены на отдельно сформованное дно, толщиной 1,1–1,3 см. После примазки небольшим количеством глины стенок ко дну с внутренней стороны дно с внешней стороны и нижняя часть тулова изделия были подрезаны ножом.

Декор оссуария составляют наклепной горизонтальный валик с вертикальными пальцевыми вдавлениями (длина шага последних – 3–3,5 см), идущий кольцом в 3–5 см от закраины, и прочерченная косая сетка, расположенная выше валика; основная часть прочерченного орнамента располагалась на верхней части, срезанной при изготовлении крышки. На остальной части изделия декор отсутствовал. Такая система декора оссуариев характерна для изделий четвертого вида.

Крышка оссуария – МАВ-05-3 – коническая, удлиненная (рис. II. 3). Линия среза ровная, тщательно обработанная, лежащая в одной плоскости. Изготовлена крышка из трех полос, верхняя из которых переходит в цилиндрическое основание ручки ($d = 3,5–4,5$ см). Линии стыковки полос отчетливо видны на тыльной

стороне изделия. На внешней стороне – следы заглаживания, выполнявшегося щепой и/или пучком травы. Ручка, высотой в 5 см, увенчана уплощенной шестилепестковой розеткой, выполненной пальцевыми замятиями заготовки. Размеры изделия: длина – 49 см, ширина – 31,5 см, высота (с ручкой) – 15 см, толщина стенок – 1,3–1,5 см.

То новое, о чем хотелось сообщить и вынесено в название, заключается не в обнаружении трех оссуариев и фрагментов еще нескольких изделий и не в факте фиксации нового пункта нахождения оссуариев, хотя вышеотмеченное интересно само по себе и не является повседневным событием. Новое, по нашему мнению, заключается в двух моментах.

Во-первых, это наличие надписи (или ее имитации) на вновь найденных оссуариях (рис. III). Насколько нам известно, подобный феномен отмечался ранее лишь для костехранилищ Хорезма, на которых были надписи на хорезмийском языке [Ягодин 1963: 102-104; Неразик 1999: 44], и Северного Хорасана, где найдены оссуарии с еврейской эпиграфикой [Дресвянская 1989: 157; Кошеленко, Гаибов, Губаев 1999: 27]. В обоих случаях надписи нанесены с помощью туши или краски, т.е. как и в нашем случае с малоакбешимским оссуарием МАВ-05-1. Технически иначе нанесены «знаки» на краснореченском оссуарии КР-05-1. Но являются ли эти знакоподобные наколы надписью – вопрос спорный; при желании в них можно видеть и тюркские руны (?).

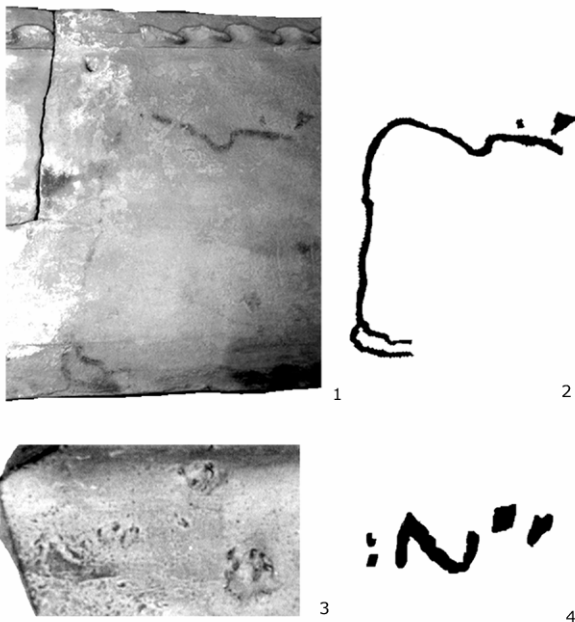

Рис. III. Надписи (имитации надписей) на оссуариях: 1-2 – фото и прорисовка надписи на оссуарии МАВ-05-1, 3-4 – фото и прорисовка «знаков» на оссуарии КР-05-1

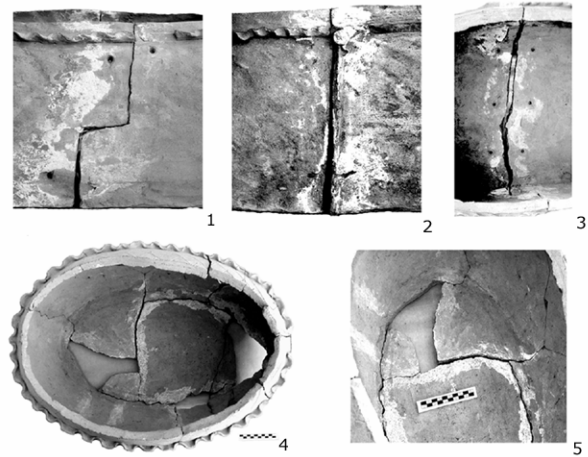

Рис. IV. Следы ремонтов на оссуариях: 1-3 – оссуарий МАВ-05-1: лицевая, обратная стенки и дно, 4-5 – оссуарий МАВ-05-2: дно и придонная часть стенок

Второй новый факт заключается в неоспоримых свидетельствах ремонта изделий. Это парные отверстия и наличие следов алебаstra на стенках и дне оссуария МАВ-05-1 (рис. IV. 1-3), следы алебаstra вдоль сломов другого малоакбешимского (МАВ-05-2) (рис. IV. 4-5) и фрагментов оссуария КР-05-1, следы дообжигового ремонта глиной оссуария КР-06-1. Нам не приходилось встречать в литературе констатации подобного феномена. При этом ремонт был вызван как браком при изготовлении оссуариев, так, вероятно, и повторным использованием костехранилищ. На дне краснореченского оссуария КР-06-1, как с внешней, так и с внутренней стороны, отчетливо видны следы замазывания трещины глиной до обжига. Вероятно, трещина по дну образовалась при сушке изделия и была замазана при установке его в печь. Дно оссуария МАВ-05-2 получило повреждение – разрыв и проседание его части – вероятно, уже в обжиговой камере, так как ремонт разошедшихся друг от друга частей осуществлен алебастром после обжига. При этом алебастровые промазки имеются и на придонных частях стенок, хотя в настоящее время на них и не видны трещины (рис. IV. 4-5).

В то же время замазывание части надписи оссуария МАВ-05-1 алебастром при ремонте (рис. III. 1) – едва ли надпись тушью делалась по сырой глине до обжига – говорит, по нашему мнению, о его вторичном использовании. На это же указывает и факт совместного нахождения «неродной» крышки и двух разных в морфологическом аспекте и выполненных в разной технике (конструкция дна, формирование сте-

нок (?), обработка поверхностей) костехранилищ у городища Малый Ак-Бешим.

Отсутствие в публикациях упоминания ремонтов оссуариев следует, по всей видимости, считать показателем нетипичности, редкости данного явления. Значит, ремонт костехранилищ, во всяком случае при их вторичном использовании, является выходом за рамки традиционности и культурных норм. Следовательно, в нашем случае налицо трансформация традиций особого отношения к умершему и его останкам под воздействием ситуативной и/или экономической целесообразности. В свою очередь, последнее возможно в периоды нестабильности традиций – при их становлении или упадке. А так как для Чуйской долины традиция погребения в оссуариях является привнесенной, то, очевидно, речь должна идти о поздних этапах ее существования. Причем факторами для размывания норм могут быть как забывание изначальных установлений, так и падение «священности» таковых ввиду сосуществования с другими, более успешными в тот момент идеологическими системами. А складывается такая ситуация для средневековой Чуйской долины на рубеже первого и второго тысячелетий.

Еще одним, хотя и не бесспорным, аргументом к поздней дате чуйских оссуариев, во всяком случае малоакбешимских, является техника ремонта костехранилища МАВ-05-1 с помощью парных отверстий. Хотя в Средней Азии подобная техника ремонта керамических изделий используется издревле, но в Чуйской долине она достоверно зафиксирована лишь для ремонта глазурованных чаш X–XII вв.

Примечания

1. В 2005 г. исследование проводилось под руководством автора статьи группой в следующем составе: А.Т. Сулайманова (ИИ НАН КР), Ч.М. Жолдошов и Ж.Т. Токказиева (оба ГИМ КР),

Р. Актемиров и М.Ж. Иманкулов (оба НИПБ «Кыргызреставрация»). В 2006 г. – совместно с Л.М. Ведутовой (ИИ НАН КР).

2. Учитывая единичность нахождения оссуариев, считаем целесообразным каждому костехранилищу и его фрагментам присваивать индивидуальный шифр, состоящий из кода городища (два-три знака), года нахождения (два знака) и порядкового номера находки оссуария в этом году. В частности, в данной статье используются коды KR (городище Красная Речка) и МАВ (городище Малый Ак-Бешим). Данную процедуру можно применить и к ранее найденным оссуариям. Остальная информация об изделиях – размеры, технологические особенности, декор, контекст обнаружения и прочее – должна вноситься в «Паспорт оссуария», что в будущем упростит создание единой базы данных по оссуариям Чуйской долины и Средней Азии в целом.

3. В настоящее время, как показали наши работы, «длинные стены» во многом сnivelированы.

4. Оссуарии нашли два ребенка – дети владельца фермы, расположенной поблизости. Находки были, по их словам, расчищены и принесены домой. Вскоре девочка, одна из нашедших оссуарии, заболела. Применявшиеся к ней методы лечения (насколько мы поняли из рассказа – самолечение) не помогли. Мулла, приехавший на Малый Ак-Бешим для совершения традиционного моления (sic – !), сказал, что болезнь девочки – наказание за потревоженность праха умерших и рекомендовал вернуть находки на первоначальное место. Вскоре после выполнения рекомендации девочка выздоровела.

Данный рассказ приведен не только как информация об обстоятельствах обнаружения оссуариев, но и как интересное, по нашему мнению, этнографическое свидетельство о современных народных представлениях и отношении разных групп населения к древностям.

5. По фотографии П.Б. Лурье вынесено заключение, что это не надпись, а ее имитация, выполненная «местными грамотеями».

6. Не будучи специалистами в области эпиграфики и публикуя данные знаки, оставляем право на аргументированные суждения более компетентным лицам.

Abstract

NEW DATA ON OSSUARIES CHUY VALLEYS

V.A. Kol'chenko

Between 2005-2006 new ossuaries were found in Chuy valley at the necropolis-2 of Krasnaya Rechka site and in the site of Malyi Ak-Beshim (in the latter ossuaries were found for the first time). In the wall of one of them there is imitation of Sogdian inscription.

Some of ossuaries were repaired. One of the ossuaries from Malyi Ak-Beshim has twin holes at the border of the chinks in the walls. The second one and some fragments from Krasnaya Rechka have an alabaster coat on the chinks of the walls. The repair holes on the ossuaries give a good hint about the date that can be between the IX-X AD.

Литература

- Горячева, Тур 1985 – *Горячева В.Д., Тур С.С.* Работы на Краснореченском городище в 1984 г.: Отчет о полевых исследованиях Краснореченского отряда КИАЭ в 1984 г. – Бишкек, 1985. – Археологический архив ИИ НАН КР, инв. № 769.
- Дресвянская 1989 – *Дресвянская Г.Я.* Некрополь Старого Мерва // Древний Мерв. – Ашхабад, 1989. – (ТЮТАКЭ, Т. 19).
- Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кольченко 1999 – *Кольченко В.А.* К типологии оссуариев Чуйской долины // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2. – Бишкек, 1999; *то же*: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siteistok.host.net.kg/bibl/Kolchenko_1999.htm
- Кошеленко, Гаиров, Губаев 1999 – *Кошеленко Г.А., Гаиров В.А., Губаев А.* Северный Хорасан // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – (Археология).
- Мотов 1982 – *Мотов Ю.А.* Отчет об археологическом обследовании городища Красная речка и об надзоре на разрушаемом некрополе у с. Ивановка в 1982 году. – Алма-Ата, 1982.
- Неразик 1999 – *Неразик Е.Е.* Хорезм в IV–VIII вв. // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – (Археология).
- Ягодин 1963 – *Ягодин В.Н.* Новые материалы по истории религии Хорезма // СЭ. – 1963. – №4.

НОВЫЕ НАХОДКИ КИТАЙСКИХ МОНЕТ VII–XI вв. В ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЕ

В.Г. Кошевaр*

*Иссык-Кульская котловина / китайские монеты династий Тан и Северная Сун / Средневековье
Issyk-Kul hollow / Chinese coins of the Tang and Northern Sung dynasty / Middle ages*

Находки монет в Иссык-Кульской котловине весьма редки, поэтому чрезвычайно важна публикация всех зафиксированных здесь монет.

В конце 2005 г., когда статья о первом Каракольском кладе [Кошевaр 2005-а: 52-53] находилась в печати, в наше распоряжение поступили еще пять монет из этого клада, которые изначально находчики оставили себе. Четыре монеты с легендой на лицевой стороне 開元通寶 (Кайюань Тунбао; Kai Yuan Tong Bao) (в/к № 24,25,27,28) и одна монета с легендой на лицевой стороне 乾元重寶 (Цяньюань Чжунбао; Qian Yuan Zhong Bao) (в/к №26). Номинал монет – 1 вэнь (cash). Метрологические характеристики этих монет приведены в табл. 1. Теперь общее известное количество монет этого клада составляет 28 экземпляров. Однако, по сведениям находчиков клада, еще несколько монет, происходящих из него, находятся у их родственников. Выявление новых монет не повлияло на предполагаемое время сокрытия клада.

В 2003 г. в восточной части Иссык-Кульской котловины случайно были найдены две монеты с легендой на лицевой стороне Кайюань Тунбао, номинал – 1 вэнь (cash). Одна из монет найдена на том же поле на южной окраине г. Каракол, где и вышеописанный клад [Кошевaр 2005-а: 52-53]. Место находки второй монеты не известно.

В 2005 г. в районе с. Ананьево (северное побережье) также случайно была найдена монета с легендой на лицевой стороне Цяньюань Чжунбао, номинал – 10 (?) вэнь (cash), видимо, восточно-туркестанской эмиссии (см. нашу статью «О денежном обращении в Чуйской долине в VIII–X вв.» в настоящем сборнике). Метрологические характеристики этих монет приведены в табл. 2.

В 2005 г. нам стала доступна для просмотра частная коллекция Э. Халмурзаева (г. Бишкек), в которой были выявлены шесть китайских монет рассматриваемого периода. Их точное место находки не известно, но по описанным владельцем условиям их приобретения можно предположить, что это восточная часть Иссык-Кульской котловины. Метрологические характеристики монет приведены в табл. 3.

* Кошевaр Вадим Григорьевич – частное предприятие «АЛВИАН». Кыргызстан, г. Бишкек, alwian@elcat.kg, alwian@mail.ru

Две монеты династии Тан. Одна из них с легендой на лицевой стороне Кайюань Тунбао, номинал – 1 вэнь (cash). Вторая монета с легендой на лицевой стороне Цяньюань Чжунбао, номинал – 10 (?) вэнь (cash), также, видимо, восточно-туркестанской эмиссии.

Четыре монеты династии Северная Сун. Номинал монет – 1 вэнь (cash).

1. Легенда на лицевой стороне монеты 至道元寶 (Чжидао Юаньбао; Zhi Dao Yuan Bao) (995–998). Почерк «скоропись» [Jen 2000: 52/204].

2. Легенда на лицевой стороне монеты 熙寧元寶 (Синин Юаньбао; Xi Ning Yuan Bao) (1068–1077). Почерк «малый чжуань» [Jen 2000: 60/246]. Этот же тип монеты, происходящей из Иссык-Кульской котловины, был описан нами ранее [Кошевара 2004: 35].

Далее два новых для Иссык-Кульской котловины типа:

3. Легенда на лицевой стороне монеты 熙寧元寶 (Синин Юаньбао; Xi Ning Yuan Bao) (1068–1077). Почерк «ли» [Jen 2000: 60/247].

4. Легенда на лицевой стороне монеты 元祐通寶 (Юанью Тунбао; Yuan You Tong Bao)

(1086–1093). Почерк «малый чжуань» [Jen 2000: 62/255].

Таким образом, общее количество выявленных в Иссык-Кульской котловине, определенных и опубликованных с метрологией китайских монет VII–XII вв. составляет на сегодня 42 экземпляра. Следует отметить, что восемь из девяти известных монет династии Северная Сун датируются второй пол. XI – нач. XII в., что может указывать на некоторую активизацию торговли с Китаем в этот период [Кошевара 2005-б: 116]. Впрочем, именно в это время отмечена наиболее интенсивная эмиссия монет этой династии.

Позже, в результате завоевания территории Семиречья карахитаями в 1130-е гг., экономические связи с Китаем вновь были нарушены и, следовательно, поступление новых типов китайских монет в регион было прервано.

Все представленные в настоящей работе монеты хранятся в частных коллекциях г. Бишкека. Их фотографии доступны для просмотра на сайте: «Алвиан – Галерея частных коллекций» (режим доступа: <http://alwian.host.net.kg>).

Таблица 1

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ МОНЕТ
ПЕРВОГО КАРАКОЛЬСКОГО КЛАДА (ДОПОЛНЕНИЕ)

№ в/к (№ на сайте)	Легенда на лицевой стороне	Оборотная сторона	Диаметр, мм	Вес, г	Толщина, мм
24 (66)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,45	3,53	1,35
25 (67)	Кайюань Тунбао	полумесяц сверху	25,00	4,05	1,85
26 (68)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	23,35	3,07	1,30
27 (70)	Кайюань Тунбао	гладкая	23,85	4,25	1,65
28 (71)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,35	3,81	1,6

Таблица 2

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК МОНЕТ
ИЗ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЫ

№ п/п (№ на сайте)	Легенда на лицевой стороне	Оборотная сторона	Диаметр, мм	Вес, г	Толщина, мм
1 (29)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,50	3,84	1,45
2 (64)	Кайюань Тунбао	гладкая	24,80	3,96	1,70
3 (69)	Цяньюань Чжунбао	гладкая	28,95	8,75	2,25

Таблица 3

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ МОНЕТ ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Э.В. ХАЛМУРЗАЕВА

№ п/п (№ на сайте)	Легенда на лицевой стороне	Диаметр, мм	Вес, г	Толщина, мм	Примечание
1 (72)	Кайюань Тунбао	25,65	3,95	1,50	полумесяц сверху
2 (73)	Цяньюань Чжунбао	29,25	7,15	2,10	
3 (74)	Чжидао Юаньбао	24,75	3,67	1,20	почерк «скоропись»
4 (75)	Синин Юаньбао	24,10	4,00	1,40	почерк «малый чжуань»
5 (76)	Синин Юаньбао	23,70	2,96	1,05	почерк «ли»
6 (77)	Юанью Тунбао	25,10	4,23	1,35	почерк «малый чжуань»

Abstract

NEW FINDS OF CHINESE COINS OF THE SEVEN-ELEVEN CENTURY A.D. FROM ISSYK-KUL HOLLOW

V.G. Koshevar

The numismatic finds in the Issyk-Kul region are somewhat rare. Therefore the publication of all collected coins regardless of their rarity is absolutely essential. In total it is known about finds of 42 coins dated between the seventh and twelfth centuries AD. Among the nine coins of the Northern Song dynasty, which are known at present, there are eight coins which can be attributed to the second half of the eleventh early twelfth centuries AD. This fact might indicate a certain revival of trade links with China at that time.

Литература

- Кошевар 2004 – *Кошевар В.Г.* Новые нумизматические свидетельства о торговых отношениях в Семиречье VII–XII вв. // *Диалог цивилизаций.* – Бишкек, 2004. – № 2(5).
Кошевар 2005-а – *Кошевар В.Г.* Клад китайских монет из г. Каракол // *МИАК.* Вып. 1. – Бишкек, 2005.
Кошевар 2005-б – *Кошевар В.Г.* О денежном обращении в Иссык-Кульской котловине в VII–IX вв. // *ТИМК.* Вып. 4. – Бишкек; Лейпциг, 2005.
Jen 2000 – *Jen D.* Chinese cash. Identification and price guide. – Krause Publication Inc., 2000.

ИЗВЕСТНЫЙ КАРАХАНИДСКИЙ ФАЛЬС С ГОРОДИЩА НОВОПОКРОВСКОЕ II

Ф.Г. Ротт, В.Г. Кошевар*

Чуйская долина / караханидский фальс / Средневековье
Chu valley / Qarākhānid fals / middle ages

С 2004 г. по настоящее время Новопокровским археологическим отрядом Института истории НАН КР на городище Новопокровское II (Чуйская долина) проводятся стационарные исследования. Городище находится в центре одноименного села, на 11 км трассы Бишкек–Токмак¹.

Финансирование работ осуществляется фондом «Изучения Евразии» (Швейцария), за что авторы приносят свою благодарность его президенту доктору Кристофу Баумеру.

В настоящее время материалы раскопок готовятся к монографической публикации, но в данной заметке нам хотелось бы остановиться на одной находке – это монета – неизвестный ранее караханидский фальс (рис. 1), обнаруженный во время раскопок в 2006 г. в юго-восточной части городища, в слое, залегающем непосредственно под песчано-галечной подсыпкой под асфальтовое полотно, ко-

торое опоясывало городище по периметру. Таким образом, монета происходит из верхнего слоя городища, который является перемещенным на всей его площади – он образовался в результате строительно-планировочных работ на территории городища, предпринимавшихся во время сооружения здания Дома культуры в 1960-е гг. По мощности слой неравномерен, по структуре неоднороден: плотный, преимущественно глинистый с включениями крупных окатанных камней и современного строительного мусора.

Монета из металла желтого цвета (бронза), фальс, [42]3/1031–1032 гг., Узгенд².

Рис. 1. Фальс. Городище Новопокровское II:
1 – лицевая сторона, 2 – оборотная сторона

* *Ротт Филипп Георгиевич* – Боннский университет. Германия, гг. Бонн-Берлин, philipp.rott@mail.ru

Кошевар Вадим Григорьевич – частное предприятие «АЛВИАН». Кыргызстан, г. Бишкек, alwian@elcat.kg, alwian@mail.ru

Диаметр (макс.) – 29,8 мм, вес – 4,17 г. В центре монеты пробито отверстие неправильной формы диаметром 3–3,5 мм.

Л.С. в поле в центре треугольника (повреждено отверстием) титул **Abā**; по кругу за точечно-линейным ободком:

ḤS ḤḤf ḤKḤ B o ḤḤjy ḤḤḤl.

О.С. в поле в две строчки **Āī, MḤ- / ḤḤf Ḥz S**; ниже, перпендикулярно надписи, титул **Abā**.

Поскольку в дате читаются только единицы, то восстановление полной даты чекана проведено на основании монетной титулатуры.

Арабский лакаб Адуд ад-давла и тюркский титул Куч-тегин принадлежали Мухаммаду б. Насру б. `Али, который, по нумизматическим данным, известен как непосредственный правитель в Узгенде в 416/1025–1026 гг. [Кочнев 1995: 249/663, 664, 670; Кочнев 2004: 274/664a] и далее с 418/1027–1028 гг. [Кочнев 1995: 251/693] по 425/1033–1034 гг. [Кочнев 1995: 252/715, 256/773] включительно.

По нумизматическим данным, в период с 416/1025–1026 гг. [Кочнев 1995: 249/663] по 423/1031–1032 гг. [Кочнев 2006: 184] включительно сюзереном этих территорий был Кадыр-хан Йусуф б. Харун. Следовательно, тюркский титул «хан», указанный на монете, принадлежит ему.

Таким образом, дату чекана монеты можно уверенно восстанавливать как 423/1031–1032 гг.

О.С. по кругу, за линейным ободком с перпендикулярными черточками:

... (!) j ḤḤḤ Ḥ ḤḤ Ḥi (?) [±] ḤḤf ḤḤjy ḤḤḤl

Присутствие на монете имени Йусуфа б. `Али несколько неожиданно. Территорией его сюзеренита, по известным письменным источникам и нумизматическим данным, являлся Центральный Мавераннахр, где в 417–425/1026–1034 гг. [Кочнев 1995: 250/675, 252/719, 253/734, 256/777; Кочнев 2004: 274/744a, 763a] он был непосредственным правителем Бухары.

Публикуемая монета открывает интересный факт кратковременной принадлежности Йусуфу б. `Али части прав на Узгенд, что ранее ни по письменным источникам, ни по нумизматическим данным известно не было.

Видимо, это же событие нашло отражение также на фальсе Ферганы 422/1030–1031 гг. [Кочнев 2004: 274/738a], где на оборотной стороне в поле указан тюркский титул **Āī, MḤ Ḥi** уточненный в круговой легенде именем «неуточненного» Йусуфа и аналогичной титулатурой:

(!) Āī ḤḤḤ (!) j Ḥ ḤḤ Ḥi (?) ± ḤḤf ḤḤjy ḤḤḤl

Примечания

1. Подробную историю изучения городища см.: [Кольченко, Ротт 2005: 75–81].

2. В процессе работы над статьей среди новых находок монет из Ферганской долины, поступивших в частные коллекции г. Бишкека, был выявлен еще один узгендский фальс, чеканенный таким же штемпелем, что и новопокровский, однако в лучшей сохранности. Это и позволило с большей уверенностью восстановить легенду на публикуемой монете.

Abstract

UNKNOWN QARĀKHĀNID FALS FROM THE NOVOPOKROVSKOE II SETTLEMENT

Ph.G. Rott, V.G. Koshevar

The paper describes the Qarākhānid fals, until today not published. It was found during the archaeological excavations of the Novopokrovka Group of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan that was sponsored by the Eurasia Exploration Foundation (Switzerland) on the middle-ages settlement called Novopokrovskoe II.

The coin comes from the bottom stratum, which was created as result of the building activity, which took place in 1960th on the site.

The fals was pressed in Usgand in 423/1031–1032.

Литература

Кольченко, Ротт 2005 – Кольченко В.А., Ротт Ф.Г. О Новопокровских городищах // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.

Кочнев 1995 – Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура. Ч. 1. // ВИИСИД. Вып. 4. – М., 1995.

Кочнев 2004 – Кочнев Б.Д. Свод надписей на караханидских монетах: антропонимы и титулатура (Ч. 3). Ad-denda et corrigenda // ВИИСИД. Вып. 6. – М., 2004.

Кочнев 2006 – Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. 1. Источниковедческое исследование. – М., 2006.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ АК-ТАЛИНСКОГО РАЙОНА

М.И. Москалев*

Ак-Талинский район Нарынской области / могильники, поселения / различные периоды
Ak-Tal district of Naryn region / burial mounds, settlements / different periods

Ак-Талинский район входит в состав Нарынской области, был образован в 1936 г. На севере он граничит с Джумгалским, на востоке – с Тянь-Шаньским, на юге – с Ат-Башинским районами области, на юго-западе же – с Тогузтороским районом Джалал-Абадской области. Его площадь составляет 6,4 тыс. км², он занимает высокогорную Средненарынскую долину и ограничен хребтами: на севере – Молдо-Тоо, на юге – Джаман-Тоо, на юго-западе – Ферганским. Климат резко континентальный. Средняя температура января – 25...30°C, июля + 25°C. По его территории протекают реки Ала-Буга, Ак-Сай, Джаман-Даван, Коргон, Куртка, Нарын, Терек. На севере района находится озеро Сон-Коль. Почвы и растительность отличаются разнообразием и имеют резко выраженную вертикальную зональность.

Памятники Ак-Талинского района стали достоянием науки со второй пол. XIX в. В 1859 г. известный казахский ученый Ч. Валиханов, возвращаясь из Кашагара, дает описание крепости Куртка [Валиханов 1985-а: 341-342; Валиханов 1985-б: 129-131]. Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд в своем «Отчете о поездке в Среднюю Азию...» упоминает крепость Шырдакбек [Бартольд 1966: 60].

Большой вклад в выявление и изучение памятников Ак-Талинского района внесла Тянь-Шань-Алайская археологическая экспедиция Киргизского ФАН СССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР под руководством А.Н. Бернштама, которая работала в 1944–1948 гг. Особое внимание было уделено могильникам, поселениям и крепости Шырдакбек [Бернштам 1947; Бернштам 1950: 111-118; Бернштам 1952: 5, 25, 103-107; Бернштам 1954: 300; Бернштам 1951: 140-144; Винник 1951: 122-123].

В 1949 г. Тянь-Шаньская археологическая экспедиция, под руководством А.Н. Бернштама производила здесь масштабные археологиче-

ские раскопки курганов, поселений и караван-сарая Манакельды [Бернштам 1952: 103-107].

Наибольший вклад в исследование древностей Ак-Талинского района внес А.К. Кибиров. Под его руководством в 1953–1955 гг. работал Тянь-Шаньский археологический отряд Киргизской комплексной экспедиции, который в основном занимался изучением памятников ранних кочевников [Кибиров 1959: 69].

В 1959 г. обширный комплекс работ был выполнен П.Н. Кожемяко. Особый интерес представляют раскопки крепости Шырдакбек и караван-сарая Манакельды [Кожемяко 1968: 53-59]. Полученный материал позволил пересмотреть датировку этих памятников, предложенную ранее А.Н. Бернштамом.

В 1983, 1984 и 1989 гг. в Ак-Талинском районе работал отряд археологической разведки Нарынской археолого-этнографической экспедиции КГУ (ныне – КНУ им Ж. Баласагына) под руководством автора настоящей статьи. В состав отряда также входили М.Н. Федоров и Ю.В. Подкуйко. Задачей отряда было выявление и фиксация археологических памятников, не известных ранее, а также уточнение сведений о поселениях и могильниках, которые были открыты в досоветский и советский периоды. В результате этих исследований был составлен следующий их реестр.

Могильники

1. Курганный могильник Кок-Куль. Справа от дороги Баеково – Джаны-Теик, в 3–4 км от нее, у озера Кок-Куль. В могильнике шесть курганов, вытянутых в одну цепочку, ориентированную по линии север–юг с небольшим отклонением. Насыпи земляные, уплощенные, овальной формы. Грабительских воронок не отмечено. Размеры насыпей: диаметр – 10–24 м, высота – 0,3–1,2 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1983].

2. Курганный могильник Джатак I. На 4–5 км от дороги Баеково – Джаны-Теик, справа от нее, на плато. В могильнике четыре

* Москалев Михаил Иванович – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек.

Рис. I. Могильник Баеково I. План

кургана, вытянутые по линии север – юг. Насыпи земляные, овальной формы. Грабительских воронок не отмечено. Размеры насыпей: диаметр – 5–12 м, высота – 0,2–0,7 м. По информации чабанов, первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1983].

3. Курганный могильник Джатак II. В северной части указанного выше плато, примерно в 1–1,2 км от могильника Джатак I. В могильнике два кургана, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток. Один из них имеет грабительскую воронку диаметром 1 м, глубиной 0,1 м. Насыпи земляные, уплотненные. Размеры насыпей: диаметр – 3–6 м, высота – 0,2–0,3 м [Москалев 1983].

4. Курганный могильник Джатак III в западной части указанного выше плато. В могильнике шесть курганов, три из которых составляют цепочку, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток, а три других разбросаны бессистемно; два из них имеют грабительские воронки. Насыпи земляные, уплотненные. Размеры насыпей: диаметр – 3–5 м, высота – 0,1–0,15 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1983].

5. Курганный могильник Джатак IV. В 500–900 м к северу от могильника Джатак III. В могильнике восемь курганов, шесть из которых составляют цепочку, ориентированную по линии запад – восток. В западной части цепочки два кургана имеют грабительские воронки диаметром 1,5 м, глубиной 0,1 м. Насыпи земляные. Размеры насыпей: диаметр – 5–9 м, высота – 0,1–0,4 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1983].

6. Курганный могильник Баеково I (рис. I). Примерно в 1,5 км к северу от с. Баеково. В могильнике 30 курганов. Прослеживаются три цепочки, ориентированные по линии юго-запад – северо-восток. Первая цепочка состоит из шести курганов. Размеры насыпей: диаметр – 6–18 м, высота – 0,1–1,5 м. Вторая – из восьми. Размеры насыпей: диаметр – 7–22 м. Третья – из пяти. Размеры насыпей: диаметр – 8–17 м, высота – 0,3–1,5 м. В северо-западной части могильника находится курган, диаметром 35 м, высотой 3,5 м. Насыпи земляные. Одиннадцать курганов имеют грабительские воронки диаметром до 8 м, глубиной 0,4 м [Москалев 1983].

7. Курганный могильник Баеково II (рис. II). В 700–800 м к юго-западу от могильника Баеково I. В могильнике 20 курганов. Прослеживаются две цепочки. Первая цепочка состоит из шести курганов и ориентирована по линии север – юг. Размеры насыпей: диаметр – 10–31 м, высота – 1–3 м. Курган, находящийся в северной части цепочки, имеет ровик, опоясывающий его в 3–4 м от подошвы. Вторая – из шести, ориентирована по линии юго-восток – северо-запад. Размеры насыпей: диаметр – 10–20 м, высота – 0,5–2 м. В цепочке варварски раскопано два кургана. Остальные курганы разбросаны бессистемно. В юго-западной части могильника – курган диаметром 38 м, высотой 3 м. Семь курганов имеют грабительские воронки диаметром 3–7 м, глубиной 0,3–0,5 м. В настоящее время на территории могильника молодой парк [Москалев 1983].

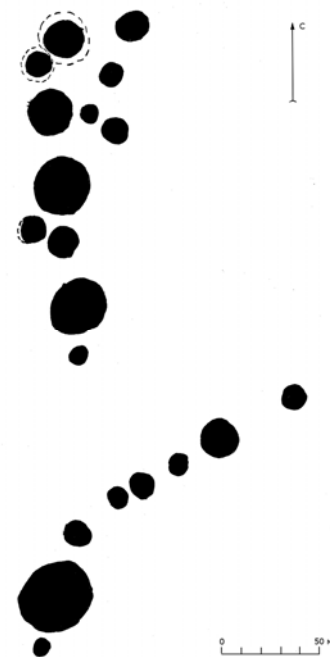

Рис. II. Могильник Баеково II. План

8. Курганный могильник Ак-Таш. В 1,5 км от культурного центра Орто-Сырт, на левом берегу р. Шарап-Суу, вниз по ее течению. С северо-востока к могильнику подходит болото. В могильнике 20 курганов, вытянутых по линии северо-восток – юго-запад, восемь из которых составляют одну цепочку, ориентированную по линии север–юг. Размеры насыпей: диаметр – 2–10 м, высота – 0,1–0,5 м. Насыпи каменно-земляные. Все курганы имеют грабительские воронки [Москалев 1983].

9. Курганный могильник Шарап-Суу II. В 500 м от могильника Ак-Таш, вверх по течению р. Шарап-Суу, на ее левом берегу, примерно на 2-м км дороги на Ат-Баши. В могильнике – два кургана, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 7–21 м, высота – 0,3–1 м [Москалев 1983].

10. Курганный могильник Шарап-Суу III. Слева от дороги на Ат-Баши, примерно в 1 км от могильника Шарап-Суу II, на террасе. В могильнике пять курганов. Прослеживаются две цепочки, ориентированные по линии запад – восток. Первая цепочка состоит из двух курганов. Размеры насыпей: диаметр – 3 м, высота – 0,1 м. Вторая – из трех. Размеры насыпей: диаметр – 3–3,5 м, высота – 0,2–0,5 м. Насыпи каменно-земляные, овальной формы, по основанию выложены белым, серым и розовым мраморовидным известняком [Москалев 1983].

11. Курганный могильник Кара-Бурген. Находится на третьей террасе реки Кара-Бурген, в 15 км от одноименного села, по дороге к с. Джылуу-Суу. В могильнике 28 курганов, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток, но разбросанных бессистемно. Размеры насыпей: диаметр – 3–14 м, высота – 0,8 м. Насыпи каменно-земляные, уплощенные, овальной формы. В северо-западной части могильника отмечена каменная выкладка, размером 5 × 5 м. Грабительских воронок не отмечено [Москалев 1983].

12. Курганный могильник Кызыл-Там I. В одноименной местности, слева от дороги, ведущей на перевал Орто-Сырт. В могильнике 15 курганов. Прослеживается цепочка из пяти курганов, ориентированная по линии север – юг. Размеры насыпей: диаметр – 3–12 м, высота 0,1–0,5 м. Два из них имеют грабительские воронки диаметром 2–3 м, глубиной до 0,2 м. Остальные курганы диаметром 5–11 м, высотой 0,1–1 м. Шесть курганов имеют грабительские воронки. Насыпи земляные и ка-

менно-земляные. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1983].

13. Курганный могильник Кызыл-Там II. В местности Кызыл-Там, справа от дороги, ведущей на перевал Орто-Сырт, примерно в 1,5–2 км от могильника Кызыл-Там I. Курганы могильника вытянуты в одну цепочку, ориентированную по линии северо-восток – юго-запад. Насыпи каменно-земляные, овальной формы. Размеры насыпей: диаметр – 6–11 м, высота – 0,3–0,8 м. Несколько курганов в юго-западной части могильника разрушено [Москалев 1983].

14. Курганный могильник Кызыл-Там III. В 1,5 км от могильника Кызыл-Там II, справа от дороги, ведущей на перевал Орто-Сырт. На южной окраине могильника находятся кошары и ДЭУ, с запада – ограничен карьером, в котором добывается гравий. В могильнике – 125 курганов, вытянутых по линии север – юг. Прослеживаются четыре цепочки. Первая цепочка состоит из 12 насыпей. Размеры насыпей: диаметр – 3–24 м, высота – 1–4,2 м. В центре цепочки находится курган диаметром 23 м, высотой 4,2 м. Рядом с ним – курган диаметром 17 м, высотой 1,3 м. Насыпи обоих курганов имеют каменную наброску. Примерно посередине могильника в 250–300 м слева от дороги находятся два кургана диаметром 15–18 м, высотой 1,2–1,5 м. Насыпи земляные. Грабительские воронки диаметром 5–7 м, глубиной 0,3 м. Вторая цепочка состоит из девяти курганов. Размеры: диаметр – 5–14 м, высота – 0,1–0,9 м. Насыпи каменно-земляные. Третья цепочка состоит из семи курганов. Размеры: диаметр – 11–29 м, высота – 0,3–3 м. Насыпи каменно-земляные. Четвертая цепочка состоит из 13 курганов. Размеры: диаметр – 5–11 м, высота – 0,1–1 м. Насыпи каменно-земляные. Все одиннадцать крупных курганов могильника диаметром 18–29 м, высотой 1–4,2 м имеют земляную насыпь. Грабительские воронки диаметром 6–8 м, глубиной 0,5–0,7 м. Остальные курганы разбросаны бессистемно. В юго-западной части могильника, примерно в 30–35 м от кошары, зафиксирована каменная выкладка ромбовидной формы, выложенная в два ряда и ориентированная углами по странам света. По ее углам – крупные камни, в центральной части – насыпь высотой 0,2 м. По информации работников ДЭУ, первоначально в могильнике было большее количество курганов, но они были уничтожены в ре-

зультате распланировки территории [Москалев 1983].

15. Курганный могильник Ак-Таш I. Находится в 1,5 км от культурного центра Орто-Сырт, на правом берегу р. Шарап-Суу. В могильнике 31 курган, все вытянуты по линии запад – восток. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 3–17 м, высота – 0,1–1,2 м. В северной части могильника находятся два кургана диаметром 9 м, высотой 0,15–0,2 м. Вокруг них прослеживаются ровики шириной 0,5–0,7 м, глубиной 0,25 м. Один из курганов в западной части могильника диаметром 4 м, высотой 0,4 м имеет каменную наброску. Почти все курганы имеют грабительские воронки. Южную часть могильника пересекает дорога, с правой стороны которой находится курган диаметром 11 м, высотой 1,2 м. Курган разрушен наполовину. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но они уничтожены в результате антропогенной деятельности [Москалев 1983].

16. Курганный могильник Ак-Чий II. Находится в 4 км от с. Ак-Чий. В могильнике 18 курганов. Прослеживается одна цепочка, состоящая из 15 курганов, вытянутая по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные. Размер насыпей: диаметр – 4–26 м, высота – 0,3–4 м. Два из них имеют грабительские воронки диаметром 3–5 м, глубиной 0,3 м. Остальные три кургана диаметром 9–17 м, высотой 0,3–1 м разбросаны бессистемно [Москалев 1983].

17. Курганный могильник Ак-Чий III. Находится в 1 км от могильника Ак-Чий II и в 1,5 км от дороги, на высоком плато. В могильнике 11 курганов, вытянутых по линии север–юг. Прослеживается одна цепочка. Насыпи каменно-земляные. Размеры: диаметр – 5–9 м, высота – 0,1–0,5 м [Москалев 1983].

18. Курганный могильник Ак-Чий I. Находится в 1 км от вышеописанного. В могильнике четыре кургана, вытянутые по линии северо-восток – юго-запад. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 5–16 м, высота – 0,1–0,5 м [Москалев 1983].

19. Курганный могильник Кара-Бурген I. Находится в 16 км от с. Кара-Бурген и в 1 км от дороги, на четвертой террасе р. Кара-Бурген. В могильнике восемь курганов, вытянутых по линии север – юг. Размеры насыпей: диаметр – 3–10 м, высота – 0,1–0,5 м. В северной части могильника – курган диаметром 8 м, высотой 0,25 м, с каменной оградкой. Насыпи каменные. Грабительских воронок не отмечено [Москалев 1983].

20. Курганный могильник Кара-Бурген II. Находится в 500 м от могильника Кара-Бурген I. В могильнике 12 курганов, вытянутых по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 5–10 м, высота – 0,3–0,5 м. Один курган имеет грабительскую воронку. В южной части могильника – курган диаметром 28 м, высотой 3 м. Насыпь каменно-земляная, сверху – каменная выкладка округлой формы. В 5–6 м от подошвы кургана – квадратная выкладка из камней в два ряда, расстояние между которыми 1 м. [Кибиров 1959: 86; Москалев 1983].

21. Курганный могильник к северу от с. Ленина. На левой террасе р. Ала-Бука, примерно в 1,5 км к северо-западу от городища Шырдакбек. В могильнике пять курганов, вытянутых по линии северо-запад. Насыпи земляные и каменно-земляные, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 10–23 м, высота – 0,1–1,1 м. Отдельные курганы имеют грабительские воронки диаметром 7–8 м. По информации местных жителей, первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

22. Могильник слева от дороги между селами Ленина и 1 Мая, на правом берегу пересохшей безымянной реки. В могильнике 13 курганов, вытянутых по линии север – юг. Прослеживаются три цепочки. Первая состоит из шести курганов, вторая – из двух, третья – из трех. Насыпи каменно-земляные. Почти все курганы имеют грабительские воронки диаметром 4–5 м. Размеры насыпей: диаметр – 10–25 м, высота – 0,3–2 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

23. Могильник слева от дороги между селами Ленина и 1 Мая, примерно в 2–3 км от вышеописанного. В могильнике 20 курганов, вытянутых по линии север – юг. Прослеживается цепочка, состоящая из 12 курганов. В южной части могильника – курган диаметром 8 м. Сверху – квадратная каменная выкладка площадью 4 м². Остальные курганы разбросаны бессистемно. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 5–13 м, высота – 0,1–2,15 м. Грабительских воронок не отмечено. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

24. Могильник справа от дороги между селами Ленина и 1 Мая. На второй террасе левого берега р. Ак-Тала, в 4 км от вышеописанного. В могильнике шесть курганов, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. Прослеживаются две цепочки. Первая состоит из трех курганов, вторая – из двух. Насыпи каменные и каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 4–16 м, высота – 0,1–1,20 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

25. Могильник справа от дороги между селами Ленина и 1 Мая. На второй террасе левого берега р. Ак-Тала, в 300 м к западу от вышеописанного. В могильнике восемь курганов, вытянутых по линии север – юг. Прослеживается одна цепочка, состоящая из четырех курганов. Остальные курганы разбросаны бессистемно. Насыпи каменно-земляные и земляные, овальной формы. Размеры насыпей: диаметр – 3–14 м, высота – 0,1–1,4 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

26. Могильник на второй террасе левого берега р. Ак-Тала, в 300–400 м к западу от вышеописанного. В могильнике четыре кургана. Насыпи каменно-земляные, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 5–7 м, высота – 0,3–0,5 м. Грабительских воронок не отмечено. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

27. Могильник в местности Кара-Суу. На левом берегу одноименной реки, примерно в 500 м справа от дороги, ведущей к руднику Макмал. В могильнике 23 кургана, вытянутых по линии запад – восток. Прослеживается одна цепочка, состоящая из пяти курганов. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 6–37 м, высота – 0,2–2,10 м. Три кургана в восточной части могильника имеют грабительские воронки диаметром 10–17 м, глубиной 0,45 м [Москалев 1984].

28. Могильник на землях колхоза 1 Мая. Находится на левом берегу реки Кара-Су, слева от дороги на с. Казарман. В могильнике – восемь курганов, вытянутых по линии запад – восток. Прослеживается цепочка, состоящая из четырех курганов, имеющих грабительские воронки. Насыпи каменно-земляные. Размеры

насыпей: диаметр – 2–9 м, высота – 0,1–0,3 м [Москалев 1984].

29. Могильник на землях колхоза 1 Мая, справа от дороги на с. Казарман. В могильнике 28 курганов, вытянутых по линии север – юг. Прослеживаются три цепочки. Первая состоит из семи курганов диаметром 10–20 м, высотой 0,3–0,6 м. Вторая – из четырех, диаметром 15–19 м, высотой 0,5–0,7 м. Третья – также из четырех, диаметром 19–28 м, высотой 0,7–1,2 м. Насыпи земляные. Крупные курганы с квадратными ровиками, шириной до 3 м. Размеры насыпей остальных курганов: диаметр – 4–35 м, высота – 0,2–1,15 м [Москалев 1984].

30. Могильник. Находится на 93-м км дороги Казарман – Нарын, слева от нее. В могильнике три кургана, вытянутые по линии запад – восток. Насыпи каменно-земляные, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 3–5 м, высота – 0,25–0,35 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

31. Могильник Тайля-Арык. Находится на 94-м км дороги Казарман – Нарын. В могильнике шесть курганов, образующих одну цепочку, ориентированную по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 6–14 м, высота – 0,2–0,6 м. Грабительские воронки не отмечены. Два кургана были частично разрушены при строительстве дороги. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

32. Могильник Тайля-Арык II. Находится примерно в 600–700 м к востоку от вышеописанного. В могильнике пять курганов, вытянутых по линии север – юг. Прослеживается цепочка, состоящая из трех курганов. Насыпи каменно-земляные, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 8–12 м, высота – 0,4–0,5 м. Курганы имеют грабительские воронки диаметром до 2 м, глубиной 15–25 см. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

33. Могильник на 96-м км дороги Казарман – Нарын, справа от нее, на высокой террасе. В могильнике девять курганов, вытянутых по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные, уплощенные, овальной формы. Курганы бессистемно разбросаны. Размеры насыпей:

диаметр – 6–15 м, высота – 0,1–0,5 м. В центре могильника – курган диаметром 19 м, высотой 1,5 м. Курганы имеют грабительские воронки диаметром до 6 м, глубиной до 0,3 м [Москалев 1984].

34. Могильник I на 100-м км дороги Казарман – Нарын, справа от нее. В могильнике два кургана, вытянутые по линии северо-запад – юго-восток. Размеры насыпей: диаметр – 10 м, высота – 0,9–1 м. Один из курганов имеет грабительскую воронку диаметром 4 м, глубиной 0,1 м [Москалев 1984].

35. Могильник II на 100-м км дороги Казарман – Нарын. Справа от нее, на второй террасе безымянной реки. В могильнике 15 курганов, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. Прослеживаются две цепочки курганов. Первая состоит из четырех курганов, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Вторая также состоит из четырех курганов, ориентирована по линии север – юг с небольшим отклонением. Насыпи земляные и каменно-земляные, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 4–11 м, высота – 0,15–0,7 м. Курганы имеют грабительские воронки диаметром 2–4 м, глубиной до 0,25 м [Москалев 1984].

36. Могильник на 101-м км дороги Казарман – Нарын, примерно в 300–400 м от нее. В могильнике 29 курганов. Прослеживаются пять цепочек, ориентированных по линии северо-запад – юго-восток. Четыре цепочки состоят из пяти курганов каждая. В центре одной из них нее – курган, имеющий грабительскую воронку диаметром 6 м, глубиной 0,2 м. Пятая цепочка состоит из четырех курганов. Насыпи овальной формы, упрощены. Размеры насыпей: диаметр – 5–14, высота – 0,2–1,2 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев, 1984.]

37. Могильник на 101-м–102-м км дороги Казарман – Нарын, примерно в 200–300 м к югу от нее. Он отделен от дороги глубоким саем шириной более 20 м. В могильнике 44 кургана, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. Прослеживаются три цепочки. Первая состоит из восьми курганов. Вторая – из семи, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Третья – также из семи, ориентирована по линии север – юг. Остальные курганы разбросаны бессистемно. Насыпи земляные, овальной формы, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 5–11 м, высота – 0,1–0,8 м. Курганы имеют грабительские воронки диаметром

5–8 м, глубиной 0,15 м. В центре могильника – курган диаметром 8 м, высотой 0,2 м, вокруг которого имеется ровик шириной 0,2 м. Он имеет грабительскую воронку диаметром 4 м, глубиной 0,4 м [Москалев 1984].

38. Могильник на 102-м км дороги Казарман – Нарын. Находится примерно в 600–700 м от вышеописанного, перед спуском в глубокий сай. Могильник разделен дорогой на две части. В могильнике 39 курганов, вытянутых по линии север–юг. Насыпи земляные, овальной формы, уплощенные. Размеры: диаметр – 7–23 м, высота – 0,3–0,9 м. Курганы имеют грабительские воронки диаметром до 6 м и глубиной до 0,5 м. Вокруг отдельных курганов имеются ровики шириной до 2 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев, 1984].

39. Могильник Кок-Ажар II. Находится слева от дороги Казарман – Нарын, не доезжая с. Кок-Джар, примерно в 1 км к северу от нее. В могильнике 19 курганов. Прослеживается одна цепочка, ориентированная по линии север – юг. Насыпи земляные. Размеры насыпей: диаметр – 5–28 м, высота – 0,1–2,7 м. Размерами выделяются три кургана. Один из них диаметром 24 м, высотой 2,5 м имеет грабительскую воронку диаметром 11 м, глубиной 0,5 м. Второй диаметром 26 м, высотой 2,5 м имеет грабительскую воронку диаметром 10 м, глубиной 0,6 м. Третий диаметром 28 м, высотой 2,7 м имеет грабительскую воронку диаметром 10 м, глубиной 0,5 м. Вокруг больших курганов разбросаны мелкие курганы. Насыпи земляные и каменно-земляные. Курганы имеют грабительские воронки. По информации местных жителей, первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

40. Могильник Кок-Джар I. На окраине с. Кок-Джар, справа от дороги Казарман–Нарын. В могильнике пять курганов. Прослеживаются три цепочки, одна из которых ориентирована по линии север – юг, две других – по линии запад – восток. В центре могильника – курган диаметром 9 м, прорезанный траншеей шириной 5 м. Насыпи земляные, овальной формы. Размеры насыпей: диаметр – 6–9 м, высота – 0,2–0,6 м. Курганы имеют грабительские воронки. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1984].

41. Могильник между селами Ак-Кыя и Кок-Джар. В могильнике четыре кургана. Насыпи земляные, овальной формы. Размеры насыпей: диаметр – 6–8 м, высота – 0,3–0,6 м. Грабительских воронок не отмечено. В настоящее время на территории могильника находится современное кладбище [Москалев 1989].

42. Могильник Ак-Кыя I. Находится на выезде из села. В могильнике четыре кургана, вытянутые по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные и земляные, уплощенные, овальной формы. Размеры насыпей: диаметр – 6–12 м, высота – 0,1–0,5 м. Грабительских воронок не отмечено. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1989].

43. Могильник Ак-Кыя II. Находится примерно в 500 м к северу от с. Ак-Кыя, на плато. В могильнике 16 курганов. Прослеживается одна цепочка, ориентированная по линии север – юг. В северной части могильника – три кургана, составляющие компактную группу. Насыпи каменно-земляные, овальной формы, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 7–13 м, высота – 0,1–1 м. Курганы имеют грабительские воронки [Москалев 1989].

44. Могильник Ак-Кыя III. Находится примерно в 400 м к северу от вышеописанного. В могильнике 12 курганов, составляющих одну цепочку, ориентированную по линии север – юг. Размеры насыпей: диаметр – 7–10 м, высота – 0,3–0,9 м. Насыпи овальной формы, уплощенные. Грабительских воронок не отмечено [Москалев 1989].

45. Могильник Ак-Кыя IV. Находится примерно в 3–4 км от с. Ак-Кыя и в 25 м от правого берега р. Нарын, слева от дороги Казарман – Нарын. В могильнике 10 курганов, вытянутых по линии запад – восток. Прослеживается одна цепочка, состоящая из шести курганов, ориентированная по линии запад – восток. Остальные курганы разбросаны бессистемно. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 6–23 м, высота – 0,1–2,7 м. Насыпи овальной и плоской формы. Большое количество курганов разрушено при создании культурных пастбищ [Москалев 1989].

46. Могильник Джаны-Талап II. Находится примерно в 5 км от с. Джаны-Талап, за крутым спуском по дороге из с. Ак-Кыя. В могильнике 70 курганов, вытянутых по линии запад – восток. Прослеживаются три цепочки. Первая состоит из 11 курганов, вторая – из 15, третья – из 12. Остальные курганы разбросаны

бессистемно. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 6–11 м, высота – 0,1–1 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1989].

47. Могильник Джаны-Талап I. Находится справа от дороги Казарман – Нарын, при выезде из с. Джаны-Талап, на небольшом плато на правом берегу р. Ак-Тала. В могильнике шесть курганов, вытянутых по линии запад – восток. Насыпи каменно-земляные, овальной формы, уплощенные. Размеры насыпей: диаметр – 6–16 м, высота – 0,2–1,7 м. Отдельные курганы имеют грабительские воронки диаметром 2–5 м, глубиной 0,35 м. Первоначально в могильнике было большее количество курганов, но часть из них была уничтожена в результате антропогенной деятельности [Москалев 1989].

48. Могильник Байгенчек. К югу от одноименного села, на правом берегу р. Терек. Курганы могильника вытянуты по линии север – юг. Насыпи каменно-земляные. Размеры насыпей: диаметр – 30–40 м, высота – до 4 м. Могильник впервые зафиксирован А.К. Кибировым в 1954 г. [Кибиров 1959: 87; Москалев 1989].

49. Могильник Байталчы. Крупные курганы вытянуты в цепочку. Вокруг них разбросаны мелкие. Курганы имеют грабительские воронки. Насыпи земляные и каменно-земляные. Высота – 0,4–2 м. Могильник впервые зафиксирован А.К. Кибировым в 1954 г. [Кибиров 1959: 87; Москалев 1989].

50. Могильник Джаман-Тоо. На правом берегу реки Джергетал. В могильнике 78 курганов, расположенных на площади 150 × 600 м. Изучался А.Н. Бернштамом в 1941 г. [Бернштам 1991: 245; Москалев 1989].

51. Могильник Кара-Секи. В одноименной местности, на второй террасе левого берега Терек в 7–8 км от с. Баево. Насыпи курганов – каменно-земляные. Высота – до 1 м. Исследовался А.К. Кибировым [Кибиров 1959: 87; Москалев 1989].

52. Могильник Кёк-Кёл. Справа от дороги Баево – Джаны-Тейик, в 3–4 км от нее, у одноименного озера. В могильнике шесть курганов, вытянутых по линии север – юг. Насыпи земляные. Размеры: диаметр – 10–24 м, высота – 0,3–1,2 м. Могильник впервые зафиксирован А.К. Абетековым [Абетеков 1991: 502].

53. Могильник Чегиртке-Арык. В одноименной местности, в 15 км к западу от с. Бае-

тово. В могильнике – три кургана, вытянутые по линии север – юг. Размеры: диаметр – 30–45 м, высота – 6–7 м. К западу от курганов находится группа каменных выкладок округлой формы. Могильник впервые зафиксирован А.К. Кибировым в 1954 г. [Кибиров 1959: 95].

Поселения и объекты поселенческой культуры

1. Кокандская крепость Чолок-Коргон. Находится в 2,5 км от с. Конорчок. Изучалась А.Н. Бернштамом в 1945 г., в 1982 г. – автором статьи. Намиго были обнаружены фрагменты средневековой керамики, поэтому не исключено, что крепость построена на месте средневекового поселения. В 1983 г. крепость осмотрел Б. Дуйшеев [Бернштам 1952: 103-107; Дуйшеев 1984: 57; Москалев 1989].

2. Городище Шырдакбек. Находится на правом берегу р. Ала-Бука, к востоку от с. Ленина. Впервые городище Шырдакбек упоминает В.В. Бартольд. В 1945–1949 гг. городище обследовал А.Н. Бернштам, в 1959 г. – П.Н. Кожемяко, в 1989 г. – автор настоящей статьи [Бартольд 1966: 60; Бернштам 1952: 103-107].

3. Торткуль, находящийся в 70 м от городища Шырдакбек [Бернштам 1952: 103].

4. Тепе к югу от вышеописанного торткуля. Открыто А.Н. Бернштамом. Описание отсутствует. В настоящий момент уничтожено [Бернштам 1952: 103].

5. Торткуль. В 1 км от городища Шырдакбек. Открыто А.Н. Бернштамом. Описание отсутствует. В настоящий момент уничтожено [Бернштам 1952: 103; Москалев 1989].

6. Караван-сарай Манакельды. Находится к юго-востоку от села Кош-Добо на левом берегу одноименной реки. Впервые обследован

в 1949 г. А.Н. Бернштамом, который датировал его VI–VIII вв. В 1959 г. раскопки производились П.Н. Кожемяко. В 1989 г. – автором статьи. На основании полученных материалов караван-сарай датируется XI–XII вв. [Бернштам 1952: 103-111.; Кожемяко 1968: 53-59; Москалев 2002: 46; Москалев 1989.]

Петроглифы

1. Наскальные рисунки зарегистрированы западнее культурного центра Орто-Сырт. Они представлены изображениями козлов, сцен охоты, оленями и волками [Москалев 1989].

Каменные изваяния 1

1. Мужское. Высота – 1,19 м, толщина – 15 см. Рельефом переданы черты лица, нос прямой, щеки овальные, усы кончиками опущены вниз. В руках ниже пояса – кувшинообразный сосуд с узкой горловиной и петлевидной ручкой (высота – 12 см). Под сосудом изображен мужской половой орган. На предплечье правой руки – браслет [Москалев 1989] (рис. III. 1).

2. Женское. Высота – 55 см, толщина – 12,5 см. Голова занимает большую часть фигуры. Рельефом переданы черты лица и грудь, уши отсутствуют, правая рука полусогнута, показана кисть [Москалев 1989] (рис. III. 2).

3. Женское. Высота – 65 см, толщина – 8–14 см. Женщина одета в кафтан. Черты лица проработаны с особой тщательностью: глаза, брови, нос, щеки, рот, губы, шея высокая, на ней ожерелье. Хорошо проработана также правая рука и кисть левой. В руках – кувшинообразный сосуд (высота – 21,5 см, диаметр закраины – 5 см). Красный гранит [Москалев 1989] (рис. III. 3).

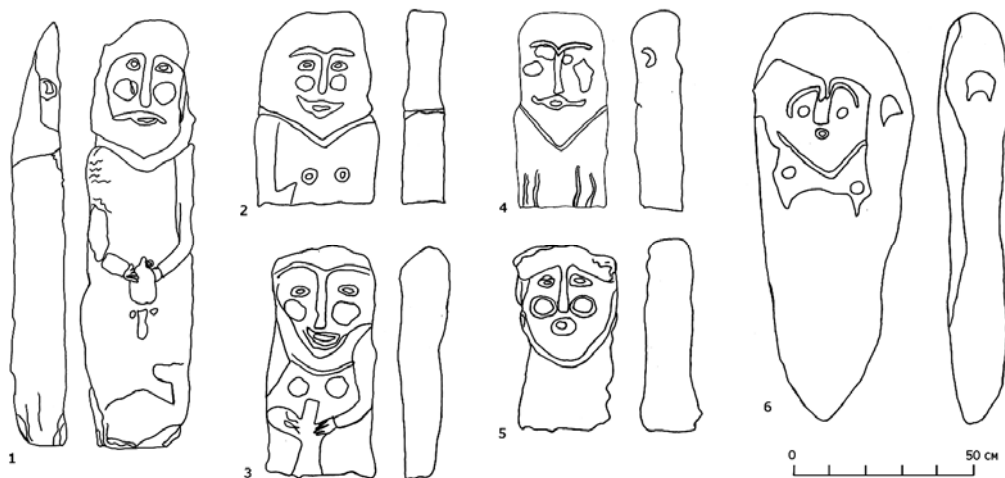

Рис. III. Каменные изваяния.
Школа с. 1 Мая

4. Мужское. Высота – 55 см, толщина – 12 см. Хорошо прослеживаются брови, нос, рот, уши, усы кончиками подняты вверх, правый глаз отсутствует. Руки без кистей опущены вдоль туловища. Розовый гранит [Москалев 1989] (рис. III. 4).

5. Высота – 53 см, толщина сверху – 12,5 см, внизу – 15,5 см. Хорошо прослеживаются черты лица: глаза, прямой нос, рот, губы, щеки, усы отсутствуют, уши не обозначены. Руки не показаны. Головной убор беретобразной формы. Розовый гранит [Москалев 1989] (рис. III. 5).

6. Женское. Высота – 1,15 м, толщина – 15–20 см. Хорошо прослеживаются черты лица, уши, шея, грудь. Руки отсутствуют. Серый гранит [Москалев 1989] (рис. III. 6).

Данный реестр археологических объектов Ак-Талинского района не является окончательным. Проведение дальнейших археологических разведок, несомненно, приведет к его пополнению.

Примечания

1. Все каменные изваяния хранятся в средней школе с. 1 Мая.

Abstract

NEW DATA ON ARCHAEOLOGICAL MAP OF AK-TAL DISTRICT

M.I. Moskalev

The archaeological sites of Ak-Tala district still are not well studied. The present article collects and represents the results of archeological works in this district including the works of the author. As result of this activity there were registrated and studied different types of archaeological sites: medieval settlements and burial mounds and stone statues.

Литература

- Бартольд 1966 – *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. 4. – М., 1966.
- Бернштам 1947 – *Бернштам А.Н.* К истории Фергано-Тянь-Шаньских культурных отношений [из итогов археологических работ 1945 г.] // Изв. КирФАН СССР. – 1947. – Вып. 7
- Бернштам 1952 – *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – (МИА 26).
- Бернштам 1965 – *Бернштам А.Н.* В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1965.
- Бернштам 1951 – *Бернштам А.Н.* Древний Тянь-Шань // КСИИМК. Вып. 38. – М., 1951.
- Валиханов 1985-а – *Валиханов Ч.* Собрание сочинений. Т. 2. – Алма-Ата, 1985.
- Валиханов 1985-б – *Валиханов Ч.* Собрание сочинений. Т. 3. – Алма-Ата, 1985.
- Винник 1951 – *Винник Д.Ф.* Археологическая экспедиция 1949 г. // ТКГПИ им. М.В. Фрунзе. Сер. историч. Вып. 2. – Фрунзе, 1951.
- Кибиров 1959 – *Кибиров А.К.* Археологические работы в Центральном Тянь-Шане // ТКАЭЭ. Т. 2. – М., 1959.
- Кожемяко 1968 – *Кожемяко П.Н.* Караван-сарай на реке Манакельды // ТФПИ. Вып. 26. – Фрунзе, 1968.
- Москалев 1997 – *Москалев М.И.* Археологическое изучение Нарынской области // Вестник КГНУ. Сер. обществ. наук. – Бишкек, 1997. – Вып. 3. – № 95.
- Москалев 2002 – *Москалев М.И.* Караван-сарай Кыргызстана на Великом Шелковом пути // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. Сер. 1. Вып. 2. – Бишкек, 2002.
- Москалев и др. 1996 – *Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.* Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996.
- Москалев 1983 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 1983 г. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.
- Москалев 1984 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 1984 г. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.
- Москалев 1989 – *Москалев М.И.* Отчет Нарынской археологической экспедиции 1989 г. – Архив кафедры археологии и этнологии КНУ им. Ж. Баласагына.

К ВОПРОСУ О ЗАЖИМНЫХ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКАХ СТРЕЛ

С.С. Иванов*

*Степи Евразии / бронзовые наконечники стрел / ранний железный век
Steppes of Eurasia / bronze arrowheads / early Iron Age*

В эпоху раннего железного века на обширных степных пространствах Евразии появляются бронзовые наконечники стрел, получившие в научной литературе различные названия: «с лапками», «лопастные» [Литвинский 1968: 95-97; 2001: 72-77], с «дольчатой» втулкой [Бабаев 1964: 29; 1978: 75-76] и др. Это было вызвано их необычным обликом – они имели втулку, разделенную продольными вырезами на две или три отдельные лопасти, или же от основания внутренней втулки отходили шипы-отростки.

Впервые в отдельную группу их выделил Ю.С. Худяков, проанализировавший вооружение населения Синьцзяна в эпоху поздней бронзы и раннего железа [Худяков 1995: 12-13]. Позже К.В. Чугунов, классифицируя бронзовые наконечники стрел Тувы скифского времени, предложил для рассматриваемой группы термин «зажимные», что, на наш взгляд, наиболее точно отражает их функциональные особенности [Чугунов 2000: 217, 220-221]. Действительно, деревянное древко зажималось двумя или тремя выступами, и наконечник, таким образом, надежно фиксировался.

De facto зажимные наконечники по способу и форме насада на древко занимают промежуточное положение между черешковыми и втульчатыми, потому как они сочетают элементы обеих этих групп. Это и послужило критерием для выделения их в особую группу. Ранее некоторые исследователи помещали их в отдел втульчатых, отмечая, тем не менее, их своеобразие, или же замечали, что преждевременно выделять их в особую группу. Но по мере накопления сведений об этих наконечниках, стало очевидным, что, несмотря на свою малочисленность, они были широко распространены в евразийских степях и ис-

тинный ареал их распространения только сейчас начинает вырисовываться.

К настоящему моменту известно около пяти десятков зажимных наконечников на огромном пространстве от Южного Приуралья до Тувы, которые имеют два близких варианта:

- 1) с двумя выступами-зажимами;
- 2) с тремя выступами-зажимами.

Впервые наконечник первого варианта был обнаружен А.Н. Бернштамом в 1947 г. в кургане 1 могильника Шарт II на Алае, который он на основании сопутствующего инвентаря отнес к VI–V вв. до н.э. [Бернштам 1952: 198-199, 205; Заднепровский 1962: 155-156]. К.И. Ташбаева же склонялась ко второй половине VI – первой половине V в. до н.э. [Ташбаева 1987: 134, 136-137]. Позднее зажимной наконечник был обнаружен на Алае в могильнике Кара-Кунгей (рис. I. 9). Он был отнесен К.И. Ташбаевой так же, как и наконечник из могильника Шарт II, ко второй половине VI – первой половине V в. до н.э. [Ташбаева 1987: 134, 136-137, рис. 69. 5].

Два наконечника были обнаружены в Актанском могильнике в Ферганской долине (рис. I. 11, 12). Сначала они были отнесены Н.Г. Горбуновой к VI–III вв. до н.э., но затем она передатировала их VI–IV вв. до н.э. [Горбунова, Гамбург 1957: 86-88, рис. 29. 10; Горбунова 1960: 104-105, рис. 3. 44, 46]. Еще три наконечника в Фергане были получены из погребений могильника Дашти-Ашт, датированные Е.Д. Салтовской по аналогии с актамскими [Салтовская 1975: 38, рис. 12. 3,4,6] (рис. I. 14-16).

Серия зажимных наконечников была найдена в курганах саков Памира: в могильниках Андемин I – курганы 1 и 3, Тегермансу III – курган 9 (рис. I. 1-3,10). Б.А. Литвинский, датировал их VI–IV вв. до н.э., хотя и склонялся к более узкой дате – V–IV вв. до н.э. или даже – V в. до н.э. [Литвинский 1968: 95-

* *Иванов Сергей Сергеевич* – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек, sak@yandex.ru

98, табл. 7. 10-12; Литвинский 1972: 97, табл. 34, 10-12; 2001: 72-77, табл. 20. 22-24]. А.Д. Бабаев в вопросах датировки памирских зажимных наконечников в целом согласен с Б.А. Литвинским [Бабаев 1964: 29, рис. 2. 6; Бабаев 1978: 75-76] (рис. I. 10).

Значительное количество зажимных наконечников первого варианта была найдено на территории древней Бактрии. Большая часть из них происходит из Храма Окса в Южном Таджикистане, где они датируются Б.А. Литвинским VI–IV вв. до н.э. [Литвинский 2001: 75-76, табл. 18. 29-31] (рис. I. 6-8); два наконечника происходят из слоев II в. до н.э. арсенала на городище Ай-Ханум в Северном Афганистане, хотя в последнем случае зажимные наконечники могут датироваться и более ранним временем [Ягодин 1984: 48, рис. 5. 9-10; Литвинский 2001: 88, 101] (рис. I. 4-5). В пользу этого может свидетельствовать то, что в арсенале большая часть вооружения, в том числе и наконечники стрел, была изготовлена из железа и лишь небольшое их количество – из бронзы. Последние, скорее всего, надо рассматривать как архаику, сохранявшуюся здесь, практически вышедшую из употребления. Поэтому здесь речь может идти о рубеже III–II вв. до н.э. или даже только о III в. до н.э. как конечной дате использования наконечников первого варианта.

Кроме того, известны единичные находки зажимных наконечников первого варианта в Хорезмском оазисе и в Южном Приуралье. В Хорезме такой наконечник был найден при раскопках крепости Кой-Крылган-Кала. Он был отнесен С.П. Толстовым и Б.И. Вайнбергом по аналогии с ферганскими к эйлатано-актамскому периоду [Кой-Крылган-Кала... 1967: 134, рис. 53. 3] (рис. I. 32). Приуральский наконечник происходит из савроматского погребения могильника Сынтас (курган 2, погребение 1) в верховьях р. Илек, в котором также найден и один наконечник второго типа. М.К. Кадырбаев и Ж.К. Курманкулов дали его хронологическое определение по общей дате колчанного набора из этого кургана – кон. VI–V вв. до н.э. (рис. I. 13). Впрочем, колчаный набор состоит по большей части из трехгранных и трехлопастных наконечников с выступающей втулкой, хотя есть и наконечники с внутренней втулкой; полностью же отсутствуют наконечники “доскифских” типов [Кадырбаев, Курманкулов 1976: 155, рис. 13]. Подобный набор более всего характерен для савроматских погребений V в. до н.э. [Смирнов 1964, рис. 13-16, 19-22, 24, 26].

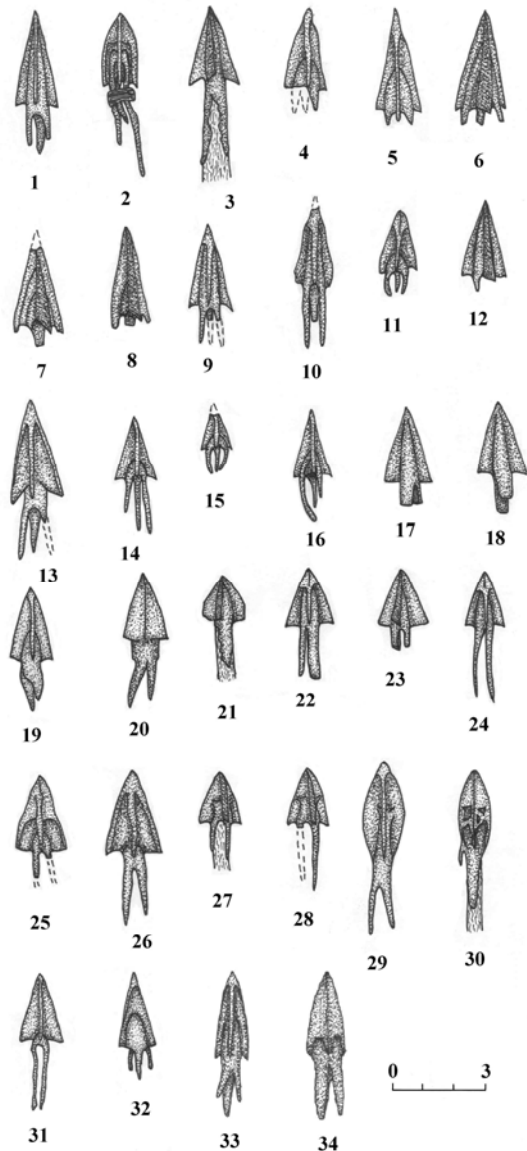

Рис. I. Бронзовые зажимные наконечники стрел: 1-3, 10, 21 – Памир, 4-8 – Бактрия, 9 – Алай, 11-12, 14-16 – Фергана, 17-19 – долина р. Или (Синьцзян), 20 – китайская часть Алтая, 22-23 – Центральный Казахстан, 24 – Лесостепной Алтай, 25 – Восточное Приуралье, 13, 26 – Южное Приуралье, 27-30 – Тува, 31 – Тянь-Шань (?), 32 – Хорезм, 33 – Чуйская долина, 34 – Прииссыккулье

Еще один наконечник первого варианта был найден В.П. Мокрыниным в могильнике Карабулун в Чуйской долине и отнесен им по погребальному обряду и сопутствующему инвентарю к IV – нач. III в. до н.э. [Мокрынин 1983: 501] (рис. I. 33). В пользу такой сравнительно поздней датировки косвенно говорит и находка в этом же могильнике сосуда с треугольными фестонами, заполненными точками. Обычно подобные сосуды относятся к усуньскому периоду [Акишев, Кушаев 1963, табл. XI. 90]. Впрочем, не исключена и более ранняя датировка этого наконечника, так как он во многом близок памирским.

Все перечисленные выше наконечники, относящиеся к первому варианту – с тремя выступами-зажимами, однотипны. Практически все они имеют треугольную трехлопастную головку. Исключение составляет наконечник из памирского могильника Андемин I (курган 1) – у него трехгранная головка, переходящая в лопасти в нижней части, и очень длинные выступы-зажимы (рис. I. 2). Выделяется также и чуйский наконечник – у него узкая сводчатая головка.

По-видимому, все они могут быть отнесены, с учетом общепринятой даты появления и широкого использования трехлопастных и трехгранных втульчатых наконечников скифо-савроматских типов в Средней Азии – VI в. до н.э., ко времени VI–III вв. до н.э. (Медведская 1972: 88-89). При этом время их исчезновения в отдельных районах может варьировать. В Фергане они исчезают вместе с памятниками эйлатано-актамского типа, на рубеже IV и III вв. до н.э., хотя в последние годы делалась попытка пересмотреть дату прекращения существования погребальных памятников актамского типа и отнести ее к III в. до н.э. [Заднепровский 1990: 93-94]. На Памире и, возможно, на Алае зажимные наконечники бытуют вплоть до III в. до н.э., а затем дают начало немногочисленной специфической группе железных наконечников, известной только на

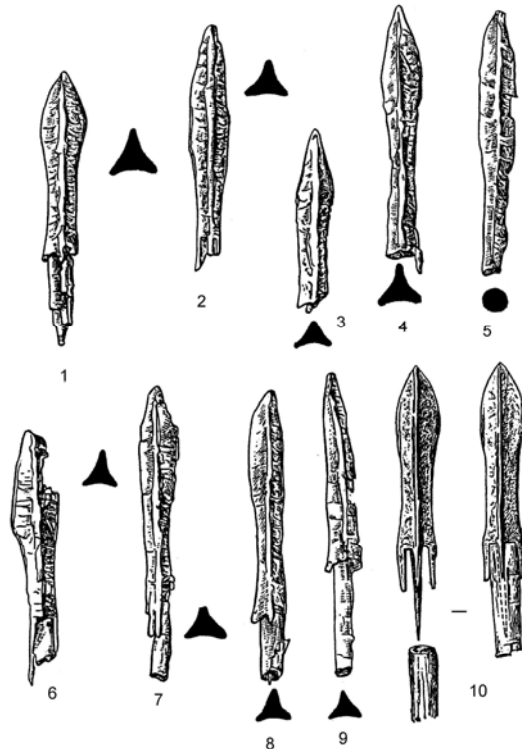

Рис. II. Восточнопамирские железные черешково-зажимные наконечники стрел (по Б.А. Литвинскому)

Восточном Памире. Б.А. Литвинский относит их к IV–III вв. до н.э., однако, на наш взгляд, эту группу можно отнести к III в. до н.э. [Литвинский 1972: 103; Литвинский 2001: 88, табл. 26. 5-14] (рис. II). В Бактрии зажимные наконечники доживают, возможно, до рубежа III и II вв. до н.э., о чем говорилось выше. Причем в последнем случае само появление зажимных наконечников связывается с воздействием соседней кочевой среды [Ягодин 1984: 48].

Итак, ареал зажимных наконечников первого варианта ограничивается Памиром, Алаем, Ферганской долиной, юго-западным Таджикистаном и северо-восточным Афганистаном (Бактрия), Семиречьем, Хорезмом и Южным Приуральем. Но в последних двух регионах они составляют единичные находки.

Наконечники второго варианта – с двумя выступами-зажимами – впервые были обнаружены в конце 50-х гг. прошлого столетия М.К. Кадырбаевым в Центральном Казахстане (рис. I. 22-23). Однако он не обратил на них особого внимания и отнес к группе втульчатых наконечников. По его мнению, они принадлежат ко второму хронологическому периоду тасмолинской культуры – V–III вв. до н.э. [Маргулан и др. 1966: 349-353, 362-365]. О.А. Вишневская высказала мнение, что они относятся к V в. до н.э. [Вишневская 1973: 91]. По колчанным наборам, в которых эти наконечники были обнаружены, они со всем основанием могут быть отнесены к VI–V вв. до н.э. К примеру, комплекс из кургана 1 могильника Тасмола II, состоящий из достаточно архаичных типов наконечников, таких, как двулопастный с ромбическим пером и ромбический с четырехгранной головкой, может быть отнесен к VI в. до н.э. В пользу этого говорит и присутствие в этом наборе сводчатого трехгранного шипастого наконечника, который был известен ранее VI в. до н.э. [Маргулан и др. 1966, рис. 43. 4]. Набор наконечников из кургана 3 могильника Карамурун II, по-видимому, может относиться к V в. или даже к рубежу VI и V вв. до н.э. [Маргулан и др. 1966, рис. 46. 8]. Об этом говорят трехгранные экземпляры с выступающей втулкой, характерные более всего для периода с VI по IV вв. до н.э. Но в пользу более ранней даты свидетельствует четырехгранный наконечник архаичной формы.

Позднее серия наконечников второго варианта была найдена в могильниках скифского времени в Туве (рис. I. 27-30). К.В. Чугунов, недавно издавший колчанные наборы Тувы,

отнес их к алды-бельской культуре, т.е. к VII–VI вв. до н.э. [Чугунов 2000: 214, рис. 1. I, IV; 2. I]. Зажимные наконечники были отмечены в трех закрытых комплексах Усть-Хадынныг, курган 3 (рис. I. 27–28), Сарыг-Булун, курган 1, могила 2 (рис. I. 29) и курган 2, могила 5 (рис. I. 30). Так, в колчане из Усть-Хадынныга был четырехгранный наконечник, что может свидетельствовать больше в пользу отнесения этого кургана к самому нач. VI в. до н.э., нежели к VII в. до н.э. Хотя, впрочем, не исключен и рубеж VII и VI вв. до н.э. [Грач 1980: 30]. Комплекс же из кургана 1 могильника Сарыг-Булун может быть обоснованно датирован по находке в нем четырехгранных шипастых наконечников с башневидной и сводчатой головкой, которые более всего характерны для VI – нач. V в. до н.э. [Смирнов 1961: 59, рис. 39. 4; Акишев, Кушаев 1963: 120, рис. 65; Медведская 1980, рис. 2. 16; Итина, Яблонский 1997: 52, рис. 70. 16–17]. Колчаный набор из кургана 2 могильника Сарыг-Булун содержит два трехгранных наконечника скифского типа, сводчатый и башневидный наконечники со скрытой втулкой, что может говорить о VI или даже VI – нач. V вв. до н.э. [Смирнов 1961: 56; Иванов 1987, рис. 8. 9–16]. В пользу этой даты может свидетельствовать и находка в этом же комплексе трехгранного наконечника с вильчатым вырезом, образующим лопасти в нижней части и плоским черешком [Акишев, Кушаев 1963: 120, рис. 65; Членова 1967, табл. 12. 26; Вишневская 1973: 94, табл. XXV. 48; Иванов 1987: 22, рис. 8. 5–6]. Итак, несмотря на то что рассматриваемые зажимные наконечники представлены очень ранними типами и обнаружены с ранними типами бронзовых наконечников, их, скорее всего, следует отнести, по крайней мере, к VI или даже рубежу VI и V вв. до н.э. И даже почти полное отсутствие наконечников скифского типа в данном случае не является веским аргументом против, так как давно отмечено, что наконечники скифо-савроматских типов слабо отмечены в скифских памятниках Тувы, даже в погребениях саглынской культуры V–III вв. до н.э. [Грач 1980: 24–30].

Один наконечник с двумя выступами-зажимами известен из китайской части Алтая и, вероятно, относится к пазырыкской культуре (рис. I. 20). Однако не ясно, случайная ли это находка или происходит из погребального комплекса. Именно поэтому датировка его затруднена. Ю.С. Худяков, опубликовавший наконечник, отнес его ко второй пол. 1-го тыс. до

н.э. [Худяков 1995: 15, рис. V. 34]. Мы же считаем необходимым ограничить эту дату по крайней мере VI–IV вв. до н.э.

Также не имеет твердой даты и наконечник, происходящий из Бобровского могильника, находящегося на территории лесостепного Приобья, соседствующей с Горным Алтаем [Шамшин и др. 1996: рис. 10. 1] (рис. I. 24).

Из долины р. Или в Синьцзяне известно три наконечника, втулка которых оформлена в виде двух зажимов (рис. I. 17–19). В настоящее время они экспонируются в музее г. Урумчи, но опять же не ясно, являются ли они случайными находками или происходят из погребальных комплексов. Однако эти наконечники чрезвычайно интересны с точки зрения происхождения и датировки всей группы зажимных наконечников в степях Евразии. Дело в том, что два из них имеют двулопастную листовидную головку (рис. I. 17–18), а третий – трехгранную треугольную (рис. I. 19). Ю.С. Худяков, опубликовавший их, отнес первые два к раннесакскому времени, т.е. примерно к VIII–VI вв. до н.э., а третий – ко второй пол. 1-го тыс. до н.э. [Худяков 1995: 13–15, рис. V. 7–8, 23]. Впрочем, как сказано выше, эту дату можно сузить до VI–IV вв. до н.э.

Как упоминалось выше, по одному наконечнику каждого варианта встречено вместе в могильнике Сынтас в Южном Приуралье [Кадырбаев, Курманкулов 1976: 155, рис. 13] (рис. I. 26). Датировка наконечник V в. до н.э.

Зажимные наконечники второго варианта известны и в Кыргызстане. Один был случайно найден на Тянь-Шане, возможно, в районе перевала Торугарт¹ (рис. I. 31). Второй – также случайная находка, происходящая с городища Сары-Булун (оз. Иссык-Куль)² (рис. I. 34). Датировка их как случайных находок³ чрезвычайно затруднительна, но ориентировочно их можно отнести к VI–IV вв. до н.э.

Наконечник второго варианта, видимо, есть и в кургане 14 могильника Уйгарак в Приаралье. Он имеет трехлопастную головку и втулку плохой сохранности, разделенную на две лопасти-зажима продольными разрезами [Вишневская 1973: 91, табл. III. 9] (рис. I. 25). О.А. Вишневская отнесла его по совместной находке с трехдырчатыми псалями и удилами со стремявидными окончаниями к VI в. до н.э.

К рассматриваемому варианту, по-видимому, можно отнести и один бронзовый наконечник с Восточного Памира (курган 5 могильника Можеташ). Он имел длинную втулку, разделенную очень небрежно и грубо на

две лопасти (рис. I. 21). Б.А. Литвинский датировал его сначала IV–III вв. до н.э. [Литвинский 1968: 95, табл. 7. 13], но затем передатировал VI–IV вв. до н.э. [Литвинский 2001: 76, табл. 20. 26].

Типологически наконечники второго варианта распределяются следующим образом:

1. Большая их часть относится к отделу трехлопастных наконечников со сводчатой или треугольной головкой. Почти все они датируются по составу колчанов, в которых были найдены и по сопутствующим вещам в пределах VI–V вв. до н.э.

2. Семь наконечников из Тувы (Сарыг-Булуна, курган 1, погребение 2) имеют трехлопастную листовидную головку. Датируются они VI вв. до н.э.

3. Три наконечника из погребения 5 кургана 2 Сарыг-Булуна в Туве – с трехгранной листовидной головкой, переходящей в нижней части в лопасти. Относятся к рубежу VI и V вв. до н.э.

4. Два наконечника – из Прииссыккуля и китайской части Алтая в Синьцзяне – принадлежат к трехгранным наконечникам с узкой треугольной головкой. Оба наконечника очень близки по облику друг другу. Иссыккульский наконечник отличается только тем, что у основания его граней есть небольшие выемки, образующие короткие лопасти-ребра. Как упоминалось выше, оба наконечника могут быть отнесены к VI–IV вв. до н.э.

5. И еще два наконечника из верховья р. Или относятся к двулопастным с треугольной головкой. Они, по крайней мере, могли существовать в VII–VI вв. до н.э. К примеру, похожие наконечники, но с обычной втулкой, есть в Памирской I, относящиеся к VII в. до н.э. [Медведская 1972: 89].

Итак, территория распространения зажимных наконечников второго варианта обширна – Южное Приуралье, Центральный Казахстан, Семиречье, Тянь-Шань, Памир, Синьцзян, Алтай и Тува.

Время существования наконечников с двумя зажимами, видимо, также было различным для отдельных регионов. К примеру, в Центральном Казахстане, Приуралье и Туве они существуют на протяжении VI–V вв. до н.э., а затем как будто исчезают. В западной части Синьцзяна они существовали примерно с VII по IV вв. до н.э. На Памире они использовались наряду с наконечниками первого варианта, возможно, до нач. III в. до н.э. Что же касается наконечников, случайно найденных на Тянь-

Шане, в Чуйской долине и Лесостепном Алтае, то датировать их сложно – по конструктивным особенностям они могут быть отнесены к VI–IV вв. до н.э.

Итак, оба варианта зажимных наконечников близки – единственное их отличие состоит в количестве зажимов. Впрочем, каждый вариант имеет достаточно самостоятельный ареал распространения, которые накладываются друг на друга только в трех точках – в Южном Приуралье, Северном Кыргызстане и на Памире. Это может только лишний раз свидетельствовать об их синхронном существовании в степях Евразии. Хотя, по относительно хорошо датированным зажимным наконечникам, складывается впечатление, что наконечники с двумя зажимами исчезают раньше – в IV в. до н.э., в то время как наконечники с тремя зажимами продолжают использоваться до кон. III в. до н.э.

Вероятно, оба варианта наконечников имеют общее происхождение. Однако ни место, ни время их появления пока не выяснено. Известно только, что самые ранние наконечники с двулопастной головкой и двумя зажимами появляются в западной части Синьцзяна. Видимо, эти наконечники и можно считать прототипами всей группы зажимных наконечников, а верховья р. Или – местом их первоначального бытования.

Существует мнение о том, что на происхождение зажимных наконечников могли сильно повлиять четырехгранные в сечении втульчатые наконечники с длинными шипами, датирующиеся VII–V вв. до н.э. Но вряд ли это так, потому что у последних шипы являются продолжением граней, а у зажимных наконечников зажимы находятся между лопастями. Тем не менее, длиношипные наконечники могли повлиять на происхождение наконечников с тремя зажимами, которые, судя по ранним находкам наконечников со втулкой, разделенной на два зажима, из Синьцзяна, появились позднее, чем длиношипные. Но широкое распространение зажимных наконечников в степях Евразии можно отнести только к нач. VI в. до н.э. Это обосновывается временем широкого распространения втульчатых наконечников скифо-савроматских типов в Центральной Азии, то есть примерно первой пол. VI в. до н.э. [Медведская 1972: 88–89]. Достаточно лишь взгляда, чтобы заметить разительное сходство между скифо-савроматскими типами наконечников и большей частью зажимных наконечников, подавляющее

большинство которых имеет трехлопастную или трехгранную головку. Получается, что первоначальные прототипы зажимных наконечников с двулопастным листовидным пером повлияли на широко распространившиеся с нач. VI в. до н.э. трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники и, в результате их скрещивания появляются зажимные наконечники с аналогичным сечением головки. Именно в свете этих процессов большую часть зажимных наконечников необходимо датировать не ранее сер. VI в. до н.э. Видимо, в это время появляется вариант наконечников с тремя зажимами, ранее не известный.

Итак, установив место появления всей группы зажимных наконечников и время их существования, можно наметить основные пути их распространения в евразийских степях в эпоху раннего железа. Как указывалось выше, самые ранние прототипы с верховьев р. Или в Синьцзяне относятся к VII–VI вв. до н.э. В первой пол. VI в. до н.э. под непосредственным влиянием скифо-савроматских образцов появляются зажимные наконечники с трехлопастным и трехгранным сечением головки. Произошло это, вероятно, опять же на территории западной части Синьцзяна, и уже оттуда зажимные наконечники второго варианта попадают в Туву, откуда известны ранние образцы с трехлопастной листовидной головкой (возможно, это могло случиться, как отмечалось выше, и несколько раньше – в самом нач. VI в. до н.э.), и, вероятно, одновременно – в Горный и Лесостепной Алтай. В то же время – в сер. и первой пол. VI в. до н.э. зажимные наконечники второго варианта

проникают на территорию Тянь-Шаня и Семиречья. Возможно, на этой территории появляются наконечники с тремя зажимами, более всего характерные для Ферганы, Алая и Памира. Впрочем, сейчас не совсем ясно, что лежало в основании для их происхождения. Уже отсюда в кон. VI–V в. до н.э. единичные зажимные наконечники первого варианта попадают в Хорезм. Ранним временем – второй пол. VI – нач. V в. до н.э. – датируется появление наконечников с двумя зажимами в зоне распространения тасмолинской культуры, носители которой занимали Центральный и Северный Казахстан [Маргулан и др. 1966: 307–311, рис. 1; Хабдулина 1994: 77–79]. А в нач. V в. до н.э. зажимные наконечники обоих вариантов известны, правда, также в единичных экземплярах в Южном Приуралье, культурные связи которого с Приаральем и Центральным Казахстаном несомненны. Вероятно, в V–IV вв. до н.э. наконечники с тремя зажимами под влиянием саков Памиро-Алая проникают на территорию Бактрии [Ягодин 1984: 48]. Исчезают зажимные наконечники обоих выделенных вариантов, как это было отмечено выше, к кон. III в. до н.э. под напором железных наконечников.

Примечания

1. В настоящее время он хранится в ГИМ КР.
2. Выражаю благодарность С.В. Мокрынину за возможность ознакомиться с находкой и опубликовать ее.
3. Близкий вышеописанным наконечник имеется также в коллекции А.М. Камышева. Точное место его находки, однако, не известно.

Abstract

TO THE QUESTION OF CLIPPED BRONZE ARROWHEADS

S.S. Ivanov

This article is about a not well-known special group of bronze arrowheads, which were used by ancient nomads of Great Eurasian steppes in the 1st millennium BC. The author of this investigation concludes that the origins of these arrowheads were in Ili valley in Xingjian (China) and then they spread from Tuva to South Ural area.

Литература

- Акишев, Кушаев 1963 – *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963.
- Бабаев 1964 – *Бабаев А.Д.* Археологические разведки на Памире в 1961г. // ТИИ им. А. Дониша АН ТаджССР. Т. 42. – Душанбе, 1964.
- Бабаев 1978 – *Бабаев А.Д.* К истории вооружения населения Западного Памира // Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. – Душанбе, 1978.
- Бернштам 1952 – *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – (МИА, № 26).

- Вишневская 1973 – *Вишневская О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. – М., 1973.
- Вишневская, Итина 1971 – *Вишневская О.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. – М., 1971.
- Горбунова 1962 – *Горбунова Н.Г.* Культура Ферганы в эпоху раннего железа // АСГЭ. Вып. 5. – Л., 1962.
- Гамбург, Горбунова 1977 – *Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г.* Актамский могильник // КСИИМК. Вып. 69. – 1957.
- Горелик 1987 – *Горелик М.В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М., 1987.
- Горелик 1993 – *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. IV тыс. – IV в. до н.э. – М., 1993.
- Грач 1980 – *Грач А.Д.* Древние кочевники в Центре Азии. – М., 1980.
- Древнейшие государства... 1985 – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – (Археология СССР).
- Заднепровский 1962 – *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.-Л., 1962. – (МИА, № 118).
- Заднепровский 1990 – *Заднепровский Ю.А.* Погребальные памятники эйлатанской культуры Ферганы // КСИА. Вып. 199. – М., 1990.
- Иванов 1987 – *Иванов Г.Е.* Вооружение племен Лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии – Новосибирск, 1987.
- Итина, Яблонский 1997 – *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М., 1997.
- Кадырбаев, Курманкулов 1976 – *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.
- Кой-Крылган-Кала 1967 – Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма. IV в. до н.э. – IV в. н.э. – М., 1967.
- Кулемзин 1976 – *Кулемзин А.М.* Тагарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово, 1976.
- Литвинский 1968 – *Литвинский Б.А.* Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время // Материальная культура Таджикистана. Вып. 1. – Душанбе, 1968.
- Литвинский 1972 – *Литвинский Б.А.* Древние кочевники “Крыши мира”. – М., 1972.
- Литвинский 1981 – *Литвинский Б.А.* Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1981.
- Литвинский 2001 – *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в ближневосточном и греческом контексте. – М., 2001.
- Маргулан и др. 1966 – *Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966.
- Медведская 1972 – *Медведская И.Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии // СА. – 1972. – № 3.
- Медведская 1980 – *Медведская И.Н.* Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II-го – первой половины I-го тыс. до н.э. // СА. – 1980. – № 4.
- Мелюкова 1964 – *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. – М., 1964.
- Мокрынин 1983 – *Мокрынин В.П.* Курганы сакского времени в урочище Карабулун // АО 1981 г. – М., 1983.
- Салтовская 1975 – *Салтовская Е.Д.* Некоторые новые материалы о “ферганских кочевниках” // УСА. Вып. 3. – М., 1975.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. – М., 1961. – (МИА, № 101).
- Смирнов 1964 – *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964.
- Ташбаева 1987 – *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая: Дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1987.
- Хабдулина 1994 – *Хабдулина М.Х.* Степное Приишимье в эпоху раннего железа. – Алма-Ата, 1994.
- Членова 1967 – *Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М., 1967.
- Чугунов 2000 – *Чугунов К.В.* Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мироззрение. Археология. Ритуал. Культура. – СПб., 2000.
- Худяков 1995 – *Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.
- Шамшин и др. 1996 – *Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова З.М.* Бобровский курганный могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996.
- Яблонский 1991 – *Яблонский Л.Т.* Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // СА. – 1991. – № 1.
- Ягодин 1984 – *Ягодин В.Н.* Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. Вып. 3. – М., 1984.

О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ В ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЕ В VIII–X ВВ.

В.Г. Кошевар*

Чуйская долина / согдийские монеты Семиречья / Средневековье
Chu valley / Sogd coins of Semirechie / middle ages

Настоящая статья является результатом многолетней работы по сбору, определению и анализу сведений о раннесредневековых монетах, найденных в Чуйской долине, а также всей доступной информации о монетах, выпущенных в Чуйской долине, но найденных на сопредельных территориях. К сожалению, какие-либо современные изучаемому периоду письменные источники по денежному обращению в регионе пока не известны. Поэтому анализ производился путем сопоставления имеющихся в нашем распоряжении материалов с материалами, известными для сопредельных регионов – Согда и Восточного Туркестана.

В обозначенный период различные области Семиречья имели индивидуальные политические, экономические и культурные особенности, вследствие чего, например, денежное обращение в городах Чуйской и Таласской долины отличалось, а в казахстанской части Илийской долины, по причине отсутствия крупных городов в это время, оно фактически отсутствовало. Более того, отмечаются некоторые различия и в денежном обращении среди городов Чуйской долины. Поэтому распространение «результатов исследования нумизматического материала, собранного в Чуйской долине, на все Семиречье» [Камышев 2002: 8] представляется ошибочным.

Наиболее распространенным монетным материалом домусульманского периода в Чуйской долине являются «тюргешские» монеты IV типа (по классификации О.И. Смирновой [Смирнова 1981: 400]). Используемый при определении таких монет термин «тюргешская монета» происходит, видимо, от бесспорного прочтения части надписи на лицевой стороне монет этого типа – *twrkyš y'yn* (тюргешский каган; *turgesh qaghan*). Вследствие этого изначально постулировалась принадлежность монет тюркскому племени тюргешей и язык надписи определялся как тюркский (уйгурский) [Бернштам 1940-а: 105], при

этом, однако, явно не учитывалась историческая ситуация, сложившаяся в регионе эмиссии монет.

В результате исследований, проведенных в 50-е гг. XX в. О.И. Смирновой и А.Н. Щербачком, было определено, что надписи на монетах составлены явно не тюрками, язык надписей на монетах согдийский [Кызласов и др. 1958: 544, 555]. Впоследствии это заключение более никем не оспаривалось и этот вопрос считался окончательно решенным.

Однако в одной из последних публикаций А.М. Камышев, без каких-либо обоснований, такие монеты почему-то вновь определяет как монеты «с уйгурской легендой» [Камышев 2004-а: 54].

Отмечаемое исследователями активное влияние Китая на Семиречье, позволяет предположить также его влияние на введение собственного денежного обращения в этом регионе [Лубо-Лесниченко 2002: 117–118]. Это нашло отражение во внешнем виде и метрологии «тюргешских» монет, основной номинал которых соответствует метрологическому стандарту монет Кайюань Тунбао.

Возможно, что для изготовления монет в городах Чуйской долины вполне могла применяться современная этому времени китайская технология литья в сухие песчаные формы. Версия о помощи китайских специалистов на одном из этапов эмиссии раннесредневековых монет в Семиречье уже высказывалась ранее [Кызласов и др. 1958: 545], но вопрос этот требует дополнительного изучения.

О.И. Смирнова указывала: «В Китае VII в. “фень” обозначало весовую и монетную единицу» [Смирнова 1963: 43]. Видимо, поэтому некоторые исследователи называют «фан» номиналом монет местных эмиссий [Настич 1989: 98] или указывают на заимствование этого названия от «китайского номинала цянь» [Камышев 2002: 42]. Следует заметить, что «цянь» (錢; *qian*) является термином, используемым для обозначения самой монеты, а для обозначения номинала китайских монет применяется термин «вэнь» (文; *wen*), но на самих монетах этого времени он не указывался. Впро-

* Кошевар Вадим Григорьевич – частное предприятие «АЛВИАН». Кыргызстан, г. Бишкек, alwian@elcat.kg, alwian@mail.ru

чем, в эпоху Тан для монет основного номинала с декретированным весом 3,73 г значения 1 вэнь и 1 цзянь, видимо, были какое-то время эквивалентны. Применение термина «вэнь» в финансовых документах известно в китайском историческом тексте «Tang Luli dian», в котором указываются цены на товары в 743 г., и в китайских финансовых документах 770–780-х гг., найденных в районе Хотана [Wang 2004-б: 103-105]. Но ни в одном из известных на сегодня документов, относящихся к танскому времени или описывающих этот период, нет сведений об использовании термина «фэнь» (分; 分) для обозначения весовой или монетной единицы. Таким образом, тезис О.И. Смирновой остается пока ничем не подтвержденным и, видимо, следует более внимательно отнестись к предложению В. Хеннинга [Henning 1946: 723], поддержанному позднее Й. Йошидой и Н. Симс-Вильямсом о заимствовании этого термина в согдийском из санскрита [Sims-Williams 1996: 50]. Но независимо от происхождения термина *plu* наиболее точным его значением, видимо, является слово «монета», а не ее номинал. Такая формулировка вполне объясняет использование этого термина на однотипных (по типу легенд) монетах разных диаметров. Денежная система Согда (и Семиречья) первой пол. VIII в., исходя из многочисленных находок монет местных эмиссий, одинаковых по легендам и оформлению, но разных по метрологии, предполагает возможное одновременное обращение монет разных номиналов, дробных основному [Смирнова 1983: 64]. В китайской монетной системе дробные номиналы для этого периода пока не известны и появляются только во второй пол. VIII в.

Анализ количественного и качественного состава находок монет местных эмиссий VIII в. показал, что они имели обращение в крупных городах Чуйской долины [Кошевара 2005-б: 116]. Предполагается, что доминирующим населением этих городов в рассматриваемый период были согдийцы и, видимо, какое-то время – китайцы. Представляется маловероятным, чтобы кочевые тюрки (тюргеши), даже допустив их частичную оседлость, попавшие в новую для них экономическую среду, начали сами выпускать монеты. Гораздо более логичным кажется предположение о выпуске монет населением городов, как привычного для них атрибута торговли, но не без «оглядки» (что мы видим по легендам на монетах) на тюркских правителей этой области. Видимо, в этот период согдийское влияние и в полити-

ке, и в экономике было более значительным, чем китайское. Интересы тюркских правителей и согдийцев в этих вопросах совпали, и в качестве языка надписей на монетах был выбран согдийский. Мнение о том, что в связи с международным характером согдийского языка он был использован для надписей на монетах, представляется неубедительным. Монеты местных эмиссий использовались для обращения только внутри или между крупными городами (в большей степени Чуйской и в меньшей степени Таласской долин) и не имели сколько-нибудь значительного распространения в среде кочевников [Кошевара 2005-б: 116; Мокрынин 1973: 119]. Не поступали они и в международное обращение. Известные находки таких монет за пределами региона их эмиссии незначительны.

Даже вышеизложенного представляется достаточным, чтобы определять так называемые «тюркешские» монеты как согдийские монеты Юго-Восточного Семиречья. «Нетюркскую» принадлежность некоторых типов монет ранее уже предполагали Л.Р. Кызласов, О.И. Смирнова и А.М. Щербак [Кызласов 1959: 237; Кызласов и др. 1958: 544-545; 555]. Таким образом, наличие согдийских колоний в Чуйской долине является, пожалуй, основной причиной появления согдийских надписей на местных монетах.

Изменчивая политическая ситуация в регионе после гибели тюркешского кагана Сулука в 738 г. способствовала появлению здесь многочисленных кратковременных, чаще всего локальных эмиссий монет с дополнительными знаками на оборотной стороне монеты по типу буквы рунического алфавита, в виде согдийского слова или китайского иероглифа в различных комбинациях. Видимо, в это же время появляются монеты с согдийскими легендами на лицевой стороне, отличными от легенд на монетах IV типа [Камышев 2002: 97]. Монеты таких типов следует определять как согдийско-тюркские, тюрко-согдийские, согдийско-тюрко-китайские монеты Юго-Восточного Семиречья, в зависимости от предполагаемой политической и экономической роли каждой из этнических групп в эмиссии монет. Несомненно, однако, что этот вопрос требует дополнительного изучения. Использование же термина «тюркешская монета» на настоящем этапе исследования остается также правомочным как исторически сложившееся обозначение условного типа, но с использованием кавычек.

Находка на городище Красная Речка, отождествляемом со средневековым городом Навекат (Nawēkaθ; Синь-чен, 〇 𐰽𐰺, монеты, видимо, с руническими знаками [Камышев 2002: 104; ZENO: №7034] предполагает только ее тюркскую принадлежность, но никак не принадлежность к эмиссии Кыргызского каганата, пусть даже в качестве предположения [Камышев 2004-в: 155]. Аналогичная монета в 2004 г. была выявлена в Восточном Туркестане [ZENO, Интернет: №7866].

Результаты нашего исследования показали, что в Чуйской долине ценность китайских монет была соразмерна с ценностью монет местных эмиссий [Кошев 2005-а: 89-92]. В финансовых документах второй пол. VIII в., найденных в Восточном Туркестане, фигурируют суммы займов, оплаты труда, продажи товаров, указанные в монетах (от 500 до 15000 цзянь, от 500 до 16000 вэнь), а не в их связках (guan; 貫). Причем суммы не более 1000 цзянь или вэнь фигурируют примерно в половине из опубликованных документов [Wang 2004-б: 87, 105], что косвенно указывает на то, что, несмотря на экономический кризис, эти суммы были по-прежнему значимы, а монеты ценны. Следовательно, монеты местных эмиссий в первой пол. VIII в. имели еще более высокую покупательную способность. Сведения о виде связок монет в Семиречье пока не известны, более того, нет никаких «многочисленных свидетельств расчетов, производимых связками» [Камышев 2002: 47-48, 50].

Таким образом, утверждения о «невысокой покупательной способности» монет, об отсутствии «необходимости в мелких номиналах ... на первом этапе» и последующие построения хронологии денежного обращения в Семиречье [Камышев 2002: 47-48, 50] представляются ошибочными.

Медь – основной компонент монетного сплава в Китае. В танский период выпускалось до 327 млн. монет в год, что требовало более 1200 т меди. Насколько критично производство монеты в Чуйской долине зависело от меди, предстоит еще выяснить. Необходимые для торгового оборота в городах Чуйской и Таласской долин объемы эмиссии монет, видимо, не могли быть велики. Следует обратить внимание на сообщение К. Риттера о том, что в начале XIX в. в Восточном Туркестане в связи с недостатком старой монеты потребовалось «500 000 штук мелкой монеты: этого количества достаточно будет для хода торговых оборотов, совершающихся на базарах ка-

ждого из тамошних городов. Это количество монеты можно отлить из найденных в Кашгаре, непригодных для употребления, пушек» [Риттер 1869: 268], т.е. было необходимо всего около 1500 кг меди (бронзы). Эти данные, видимо, могут служить ориентиром для оценки количества меди, необходимого для производства монеты в Чуйской долине.

Махмуд Кашгари указывал, что «близ Баласагуна есть местность Бакылыг, т.е. медная» [По следам ... 1982: 101]. Современными исследователями отмечены следы древних выработок на медь в окружающих Чуйскую долину горных массивах [Массон 1936: 12]. В результате поисковых работ в Боомском ущелье, соединяющем Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину [По следам ... 1982: 101], и в Таласской долине, отмечены древние разработки свинцовых, а в долине р. Сары-Джаз (Иссык-Кульская котловина) оловянных руд [По следам ... 1982: 90] – основных компонентов, искусственно добавляемых в состав сплава при выплавке бронзы. Время, когда эти месторождения разрабатывались, определено пока только приблизительно.

Кризис торговли во второй пол. VIII в. был обусловлен борьбой ведущих азиатских империй за гегемонию в Центральной Азии, за контроль над трассами Великого Шелкового пути. После известных событий, произошедших в сер. VIII в., влияние Китая на Западный край значительно ослабевает. Именно поэтому многочисленные находки в Центральном Китае монет 乾元重寶 (Цяньюань Чжунбао; Qian Yuan Zhong Bao) номиналом 50 вэнь (cash) с двойным кольцом на оборотной стороне, выпускавшихся, по сведениям переводов китайских письменных источников, с 759 г.; монет 開元通寶 (Кайюань Тунбао; Kai Yuan Tong Bao) (тип IVA – по классификации Ф. Тьерри [Transasiart, Интернет]), выпускавшихся с 760-х гг.; монет Кайюань Тунбао образца 845–846 гг. (тип IVB – по классификации Ф. Тьерри [Transasiart, Интернет]), монет 得壹元寶 (Дэи Юаньбао; De Yi Yuan Bao); монет 順天元寶 (Шуньтянь Юаньбао; Shun Tian Yuan Bao) номиналом 100 вэнь (cash), время эмиссии которых определяется, по переводам китайских письменных источников, 758–761 гг., в Восточном Туркестане, Иссык-Кульской котловине и в Чуйской долине не известны. Таким образом, с конца 750-х гг. поступление новых типов китайских монет из Центрального Китая в Восточный Туркестан, а значит, в Чуйскую долину было ограничено и вскоре

прервано, что связано с усилением тибетского влияния на Восточный Туркестан. Для этого времени в Восточном Туркестане известны многочисленные находки монет: Цяньюань Чжунбао (кроме номинала 50 вэнь (cash)); 大曆元寶 (Дали Юаньбао; Da Li Yuan Bao) (766-779); 建中通寶 (Цзяньчжун Тунбао; Jian Zhong Tong Bao) (780-783); монет с одним иероглифом 元 (Юань; Yuan) или 中 (Чжун; Zhong) (обе 756(?)-783). В Центральном Китае находки таких монет единичны [Doo 1996: 161-163; Thierry 1997: 149].

Вполне вероятно, что оставшиеся в крупных городах Восточного Туркестана китайские гарнизоны продолжали испытывать потребность в денежной массе и монеты этих типов некоторое время продолжали здесь выпускать. Маловероятно, что власти Тибета, в силу враждебных отношений с Китаем, разрешили бы выпуск и длительное обращение после 787 г. на контролируемой ими территории Восточного Туркестана монет с китайской легендой. Вероятно, что с этого времени монеты стали играть весьма ограниченную роль в экономике региона и вскоре их прекратили использовать. Видимо, этим временем следует ограничить эмиссию монет с китайской легендой на территории Восточного Туркестана. Следует отметить, что во всех известных документах этого времени ссылки на использование монет ограничиваются сер. IX в. [Wang 2004-а: 32; Wang 2004-б: 107-113]. До настоящего времени ни один из исследователей региона не выявил в Восточном Туркестане монет династии Тан, датированных IX в., и пока не известны никакие другие монеты, которые могли выпускаться здесь до начала правления династии Караханидов [Rhodes 1997: 184; Yih 2006: 12-13]. Новые типы китайских монет в Восточном Туркестане [Xinjiang 1998: 45-48], в Иссык-Кульской котловине и в Чуйской долине [Кошевара 2004: 36-37] появляются только с сер. X в.

Периодичность поступления собственно китайских монет наблюдается и в других регионах – в Южной Сибири, на Алтае и в Монголии. Статистику находок китайских монет подтверждают сведения переводов письменных источников, которые указывают на различную военно-политическую ситуацию в этих регионах и, как следствие, на периоды как активных торговых отношений Китая с сопредельными территориями, так и их ослабления и прекращения. Так, единичные находки в курганах Минусинской котловины монет Дали Юаньбао, Цзяньчжун Тунбао [Лубо-Лесниченко 1975: 158] подтверждают сведения переводов китайских письменных источников о незначительных экономических связях с Восточным Туркестаном. Такие отношения, следуя логике построения Китайских династических хроник, имели место не позже 820–840 гг. [Бичурин 1950: 355-356]. Монетные находки в Чуйской долине дают основание предполагать, что в VIII в. здесь допускалось совместное обращение монет местных эмиссий и китайских монет [Кошевара 2005-а: 90-91]. Монеты Цяньюань Чжунбао, Дали Юаньбао, Цзяньчжун Тунбао и подражания им, монеты с единственным иероглифом Юань или Чжун (рис. 1) свидетельствуют о продолжавшихся какое-то время во второй пол. VIII в. экономических связях городов Чуйской долины и Восточного Туркестана. По результатам анализа монетных находок в Восточном Туркестане и в Чуйской долине можно утверждать, что китайская составляющая во второй пол. VIII в. в монетных комплексах этих регионов идентична по выявленным типам, а значительное количественное отличие в пользу Восточного Туркестана явно указывает на преобладающее изготовление их именно здесь.

В свою очередь единичные экземпляры согдийских монет Семиречья IV типа были найдены в Восточном Туркестане во время

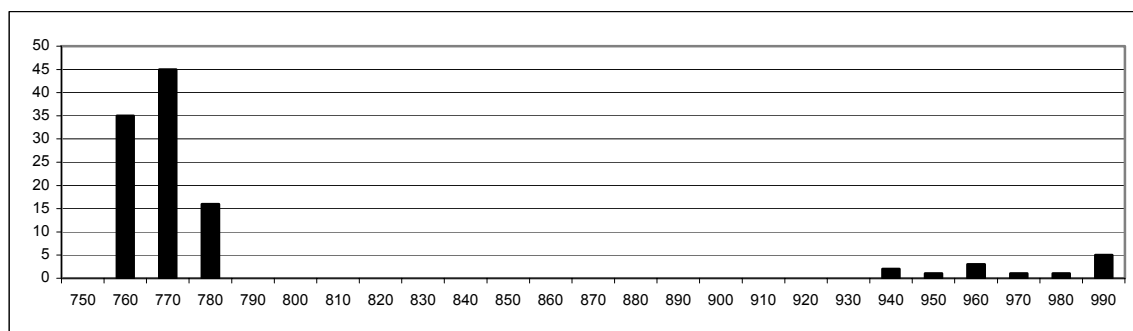

Рис. 1. Количество находок в Чуйской долине китайских монет эмиссий второй пол. VIII–X вв.

экспедиций С.Ф. Ольденбурга [Ивочкина 1975: 31, 36], А. Стейна [Wang 2004-б: 43, 130], К. Маннергейма и А. фон Лекока [Yih 2006: 12]. Чаще всего они встречаются в северных провинциях Восточного Туркестана (т.е. вблизи южной границы Тюркешского каганата), и в основном это монеты диаметром 24–25 мм, что еще раз подтверждает ограниченность территории обращения таких монет. Следует отметить, что, по сведениям китайских нумизматов, на городище Бэйтин (北庭; Pei-t`ing) известны находки таких монет, причем качество их отливки очень высокое. Находки монет за пределами территории их обращения, помимо торгового обмена, можно объяснить следующим: «В 735 году мир вновь был нарушен, и кара-тюркешы вторглись одновременно в пределы Ань-си и Бэй-тина, где и оставались до тех пор, пока в 736 году наместник Гай Цзяюнь не собрался наконец с силами изгнать их из области» [Грум-Гржимайло 1926: 326; Vregele 2003: 9]. Л.Н. Гумилев указывает на 737 г., когда китайцы поссорились с тюркешами, тюркешы вошли в союз с тибетцами и осадой крепости Кучи парализовали силы империи Тан. Позже этой даты сведения о присутствии тюркешей в Восточном Туркестане пока не известны. Впрочем, в силу идентичности метрологических характеристик согдийских монет Семиречья IV типа основного номинала и китайских монет Кайюань Тунбао, первые могли попасть в монетный комплекс Восточного Туркестана и в иное время.

Учитывая изоляцию Восточного Туркестана от Центрального Китая, имевшую место с 760-х гг., и сохранение китайских гарнизонов в крупных городах, можно предположить, что местные китайские власти самостоятельно определяли типы монетных надписей, объем и регулярность выпусков, метрологические параметры монет, которые не зависели от денежно-кредитной политики Центрального Китая. Вследствие этого восточно-туркестанские монетные дворы, пожалуй, следует рассматривать как официальные. Изолированностью Восточного Туркестана от Центрального Китая можно объяснить отсутствие ссылок на монеты этих типов в китайских династических хрониках.

Таким образом, можно утверждать, что во второй пол. VIII в. существовали два изолированных региона (Китай и Восточный Туркестан), в которых осуществлялась независимая денежно-кредитная политика и независимо друг от друга выпускались и использо-

вались монеты с собственной метрологией и с китайскими легендами.

В пользу этого говорит метрология монет Цяньюань Чжунбао номиналом 10 вэнь (cash). По данным, указанным в «Синь Тан Шу», диаметр таких монет должен составлять 1 цунь (около 31,1 мм) [Хрестоматия ... 1961: 58], что подтверждают многочисленные находки монет диаметром 30–31,5 мм в Центральном Китае [Doo 1996: 127-128]. Подавляющее большинство монет Цяньюань Чжунбао большого диаметра, найденных в Восточном Туркестане, имеет диаметр 28–30 мм [Wang 2004-б: 128-243; Yih 2006: 12, 14]. Известно, что величина в 2 мм «улавливается зрительно как разная» [Мартынов, Шер 1989: 144], а это уже может предполагать эмиссию по метрологии отличной от декретированной в Центральном Китае, с номиналом, возможно, отличным от 10 вэнь (cash).

В свою очередь, метрология очень редких согдийских монет Семиречья – тип III (по классификации О.И. Смирновой; диаметры монет 27–29 мм [Камышев 2002: 113; Смирнова 1981: 399; ZENO, Интернет: №9955]) предполагает, что при их изготовлении ориентировались на метрологию монет именно Восточного Туркестана, а не Китая, как утверждают некоторые исследователи [Камышев 2002: 49].

В пользу такого предположения говорит и метрология тюрко-согдийских монет «безымянного кагана», основная масса находок которых сосредоточена в Ферганской долине. Среди них известна монета диаметром 29 мм [Смирнова 1981: 338/1435]. Находка одного экземпляра диаметром 28 мм известна в Восточном Туркестане (район р. Или) [ZENO, Интернет: №15829], другого, по сообщению В. Беляева (г. Москва), – во Внутренней Монголии, что подразумевает ориентирование на метрологию Восточного Туркестана. Видимо, не ранее чем с 758 г. следует определять время начала эмиссии монет этого типа.

Как показано выше, многочисленные находки китайских монет территориально и хронологически всегда связаны с присутствием в регионе китайской администрации, военных гарнизонов и, следовательно, с возможностью торговых связей с Китаем. Единичные же находки китайских монет предполагают возможность экономических связей с Китаем различной интенсивности. Изменилась политическая ситуация в регионе, ушла китайская администрация, прервались эконо-

мические связи с Китаем «по причине частых внутренних смут в среднеазиатских областях Китая, особенно около IX и X вв. по Р.Х.» [Риттер 1869: 149], а значит, прекратилось поступление новых типов монет. В связи с этим утверждение о том, что в карлукское время города Семиречья «по-прежнему принимали купцов ... из танского Китая» [Камышев 2002: 22], явно ошибочно.

После 760 г. в Восточном Туркестане в обращении появляются монеты Цяньюань Чжунбао, Дали Юаньбао, Цзяньчжун Тунбао диаметром 21–22 мм. Судя по значительному количеству находок [Ивочкина 1975: 34–36; Rhodes 1997: 181; Thierry 1997: 165–169; Wang 2004-б: 31–32, 128–243], они являются здесь монетами преобладающего диаметра. Становятся ли такие монеты основным номиналом, что подразумевало бы проведение локальной восточно-туркестанской денежной реформы или же они являются монетами дробного номинала по отношению к монетам диаметром 24–25 мм, находки которых здесь также известны в значительных количествах, остается пока под вопросом. Монеты с одинаковыми легендами, но с разными диаметрами, происходящие из кладов, предполагают их одновременное обращение [Кошевар 2005-а: 90–91; Кошевар 2005-в: 53]. Каких-либо сведений в переводах письменных источников, указывающих на номиналы этих монет, пока не известно. При анализе метрологии таких монет [Thierry 1997: 165–169; Wang 2004-б: 128–243] исследователями отмечается для Цяньюань Чжунбао три, а для Дали Юаньбао, Цзяньчжун Тунбао две группы с диаметрами, позволяющими визуально легко отличить монеты одной группы от другой, которые, вероятно, являются монетами разных номиналов. В противном случае монеты больших диаметров, несомненно, были бы перелиты в монеты меньших диаметров в целях экономии металла и получения дополнительной прибыли, если, конечно, монеты больших диаметров не ходили по декретированному принудительно завышенному курсу, что с практической точки зрения для длительного периода обращения маловероятно. А если бы это было действительно так, то монеты меньших диаметров, несомненно, переливались бы в монеты больших диаметров для получения дополнительной прибыли по декретированному курсу. Вследствие этого, соотношение между декретированными номиналами монет должно было быть пропорционально декретированному соотношению диаметров и веса монет, что прак-

тически, при используемой технологии изготовления монет, соблюсти было весьма сложно. Следует заметить, что для обозначения денежных сумм в опубликованных финансовых документах из Хотана 770–780-х гг. отмечено использование термина «вэнь» в пяти случаях, а «цянь» – только в двух, причем в одном совместно с «вэнь» [Wang 2004-б: 105]. Видимо, в это время термины «цянь» и «вэнь» были уже неравноценны, что косвенно предполагает обращение монет разных номиналов.

В Чуйской долине находки монет Цяньюань Чжунбао, Дали Юаньбао, Цзяньчжун Тунбао диаметром 21–22 мм также являются преобладающими среди монет этих типов [Камышев 2002: 111–112].

На основании вышеизложенного обоснование изменений в денежном обращении в Семиречье в сер. VIII в. изменениями в метрологии монет Китая, как предлагает А.М. Камышев [Камышев 2002: 35–36, 48–49, 60–61], представляется более чем сомнительным. При этом приводимые по тексту публикации автора данные о «резком уменьшении в сер. VIII в. диаметров китайских монет Кайюань Тунбао с 24 до 19 мм» [Камышев 2002: 29, 36], несомненно, ошибочны. Они опровергаются как приводимой в указанной публикации метрологией найденных в Чуйской долине монет Кайюань Тунбао, подавляющее большинство которых имеет диаметр 23–25 мм [Камышев 2002-а: 107–110], так и материалами, содержащимися в публикациях по нумизматике Китая, Восточного Туркестана [Ивочкина 1975: 33–34; Thierry 1997: 165–169; Yih 2006: 14; Wang 2004-б: 128–243], а также нашими исследованиями метрологии монет, найденных в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине [Алвиан, Интернет; Кошевар 2004: 37–39; Кошевар 2005-в: 52–53].

Принято считать, что «тюргешские монеты» находились в обращении до кон. X в. «когда их сменили ранние илехские дирхемы» [Бернштам 1940-а: 105] и даже в XI в. [Горячева 1988: 97; Настич 1989: 117; Торгоев 2004: 190]. Эта точка зрения основана на предположении о непрерывности денежного обращения и на находках таких монет в археологических слоях, датируемых караханидским временем. Многолетние личные наблюдения за поступлением монет в антикварный магазин указывают на многочисленные факты хранения населением монет, давно вышедших из обращения. Причем такие монеты чаще всего хранятся у людей, далеких от нумизматики.

Исходя из этого, выявление монет эмиссий VIII в. в слоях, датируемых X–XI вв., может предполагать, что у местного населения оставались такие монеты, но только как реликвии, амулеты и т.п. То, что эти монеты использовались в качестве платежных средств, требует дополнительных доказательств. Необходимо учитывать и то, что такие монеты могли попадать в слои X–XI вв. в результате строительных работ – при вторичном использовании строительных материалов (глины) из более ранних слоев. Используемый в таких случаях строительный материал не является археологически «чистым» и может содержать более ранние «культурные остатки».

Одним из возможных аргументов в пользу длительности обращения монет VIII в. могли бы служить клады, содержащие как монеты караханидского времени, так и монеты Семиречья эмиссий VIII–X вв.

Но все опубликованные на сегодня клады караханидских монет из Чуйской долины однородны по составу и содержали только монеты этого периода [Винник, Федоров 1983: 69–71; Давидович 1959: 242; Караев 1983: 51–53; Кочнев 1987: 44–45; Кочнев, Федоров 1974: 180–181; Федоров, Оморов 1975: 63]. Не опубликованные пока большие клады медно-свинцовых дирхемов сер. XI в., найденные в 1997 г. в районе Кировского водохранилища (Таласская долина), в 1998 г. на городище Красная Речка и в 2006 г. на городище Шиш-Тюбе (Чуйская долина), также не содержали монет Семиречья эмиссий VIII–X вв., как, впрочем, и другие неопубликованные, но известные среди нумизматов клады караханидских монет. До настоящего времени не известно ни одного клада монет Семиречья VIII в., найденного в слоях, датируемых X–XI в. Аналогичным доказательством могли бы служить совместные находки монет Семиречья VIII в. с китайскими монетами династии Северная Сун, с местными выпусками протокараханидских монет, имевших обращение в Чуйской долине с сер. X в. Таких случаев, однако, пока также не зафиксировано.

Следует заметить, что во всех найденных на сопредельных территориях Узбекистана и Таджикистана многочисленных кладах монет X–XI вв. согдийские монеты, выпускавшиеся до сер. VIII в., отсутствуют [Калинин, Петров 2000: 218–219]. У Ибн Хаукаля (вторая пол. X в.) имеется следующее указание: «Что касается до Самаркандских монет, то у жителей в ходу исмаилитские и низкопробные диргемы и динары. Из бухарских монет они пользуются в ка-

честве диргемов так называемым диргемом “мухаммеди”, составленным из особого сплава» [Ибн Хаукаль 1957: 19], а «жители Бухары торгуют между собой на фельсы» [Смирнова 1955: 6], т.е. речь в обоих случаях идет только о мусульманских монетах.

На городище Бурана (Чуйская долина), отождествляемом со средневековым городом Баласагун (Balāsākūn, 𐰽𐰺𐰍), датированном, по результатам археологических работ, не ранее X в. [Горячева 1983: 27, 59; Горячева 1988: 100], находки китайских монет династии Тан эмиссий VII–VIII вв. являются большой редкостью, а монеты местных эмиссий VIII в., по сравнению с количеством аналогичных монет, найденных на городищах Красная Речка и Ак-Бешим (Чуйская долина), отождествляемом со средневековым городом Суяб/Ордукенд (Sūyāb; 素葉; 𐰽𐰺𐰍/𐰽𐰺𐰍), известны в незначительном количестве [Камышев 2002: 107–120]. Некоторые исследователи предполагают более раннюю датировку городища [Семенов 2000: 67], но, видимо, как крупный торговый центр город Баласагун начал функционировать не ранее сер. X в.

В Чуйской долине известны клады, в которых китайские монеты династии Тан «слиплись» с монетами местных эмиссий VIII в. [Камышев 2002: 26; Кошев 2005-а: 90–91]. Эти находки являются свидетельством возможного совместного обращения таких монет. Также известно о находке на городище Красная Речка под основанием стены храмового комплекса, датированного нач. VIII в., клада, состоящего «из 17 тюркешских монет» [Кожемяко 1989-б: 35], что может являться свидетельством их обращения в это время.

Сложно предположить полную апатию карлуков, пришедших к власти в Семиречье, по сведениям переводов китайских письменных источников, в 766 г., к политическим и экономическим процессам, происходившим на контролируемой ими территории. Представляется маловероятным, чтобы они позволили выпуск и длительное обращение монет, чествующих в своей легенде кагана разгромленных ими тюркешей. С приходом к власти карлуков экономическая роль согдийского населения городов Чуйской долины, вероятно, изменилась. Следовательно, не вызывающее сомнения утверждение об обращении медных (бронзовых) монет в пределах территории эмиссии по повышенному курсу [Мокрынин 1973: 122; Распопова 1976: 46; Смирнова 1955: 6] следует дополнить временными ограничениями в пре-

делах, как правило, одной династии. Как показал проведенный анализ, вкладах монет последующих династий монеты предыдущих династий, изготовленные из недрагоценных металлов, как правило, не присутствуют или встречаются крайне редко и в незначительном количестве. Есть косвенные свидетельства тому, что «основная масса вышедших из обращения монет ... шла обычно в переплавку» [Смирнова 1981: 71] для изготовления монет последующих династий. Следовательно, пока с уверенностью можно говорить об обращении монет местных эмиссий VIII в. в Чуйской долине только лишь до кон. VIII – нач. IX в. Впрочем, сомнения по этому поводу высказывались и ранее [Кызласов и др. 1958: 545].

Хронология поступления в Чуйскую долину мусульманских монет также явно связывается с военно-политическими событиями, происходившими в регионе. «Нарушение связей Семиречья с Мавераннахром в VIII–X вв. достаточно ярко подчеркивается отсутствием здесь саманидской монеты» [Кожемяко 1959: 183]. По современным данным известно незначительное количество таких монет, в большинстве второй пол. X в. Военные действия между тюрками и арабами в IX в. были постоянными, чему есть немало свидетельств. Так, в переводе «Истории Самарканда» указывается на 17 военных походов гази в земли тюрков в сер. IX в. [Пауль 2004: 174]. Ал-Истахри (вторая четв. – сер. X в.) отмечал, что «все границы Мавераннахра – место военных действий от Хорезма до окрестностей Испиджаба с тюрками-огузами, от Испиджаба до отдаленных мест Ферганы – с тюрками-карлуками» [МИТТ 1939: 178]. Для саманидов Испиджаб являлся важным форпостом на северо-восточных границах, сдерживающим семиреченских карлуков, и был, по словам ал-Макдиси (конец X в.), «славной пограничной крепостью и местом войны за веру» [Волин 1960: 80]. В 280/893–894 гг. Эмир Исмаил взял Талас (совр. Тараз; Tarāz; 怛羅斯; 塔拉思) и обратил главную церковь города в соборную мечеть [Бартольд 1964: 287]. В 291/903–904 г. было отражено, по сведениям Табари, последнее большое нападение тюрков-язычников на пограничную мусульманскую область государства Саманидов [Бартольд 1968-б: 588]. В 942 г. Саманиды, хотя и взяли «в плен сына хакана», но Баласагун, как предполагают некоторые исследователи [Кочнев 2006: 149], видимо, не вернули. Если бы это событие имело место, то это могла быть кратковре-

менная военная операция, не повлекшая за собой утверждение какой-либо реальной власти Саманидов над этими областями, или же пленение «сына хана» произошло на иной, более западной территории. В противном же случае можно прогнозировать находки значительного количества саманидских монет на городище Бурана, которые на данный момент здесь не известны. О некотором влиянии саманидов на тюрков свидетельствует о строительстве во второй пол. X в. рабада около Мерке [Бартольд 1963-в: 317]. «Арабские географы X в. описывают тюрков, как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами, хотя в это время положение уже начало изменяться» [Бартольд 1968-а: 59]. Сведения об этом есть в переводах ал-Истахри, Ибн Хаукаля (вторая пол. X в.). Так тюрки, перешедшие в мусульманство, САМИ становятся газиями [ал-Истахри 2002: 35]. Следует заметить, что если в переводах письменных источников нач. X в. говорится об области войны с тюрками, то в сер. X в. речь идет о недавно завоеванных у них территориях, о принятии ими ислама и о торговле, но до сер. X в. «дальше Таласа мусульмане обыкновенно не заходили» [Бартольд 1966: 33]. Известно, что только в 924 г. первые мусульманские торговцы, прошедшие, видимо, через Ферганскую долину и Восточный Туркестан, проникли в Монголию [Бартольд 1963-б: 253]. Таким образом, можно утверждать, что в связи со сложившейся военно-политической ситуацией в регионе с кон. VIII до сер. X в. города Чуйской долины не могли «по-прежнему принимать купцов ... с мусульманского запада» [Камышев 2002: 22].

С началом массового принятия тюрками ислама, начиная с сер. X в., и нормализацией отношений со ставшими единоверными им мусульманскими странами торговые пути через тюркские территории восстанавливаются. Это подтверждается монетными находками – именно с этого времени наблюдается активизация поступления мусульманских монет в Чуйскую долину. Вероятно, что именно с этого времени в Чуйской долине также начинают отливать протокараханидские монеты, подавляющее большинство которых найдено на городище Бурана и некоторое количество – на городище Красная Речка. О находках таких монет на городище Ак-Бешим, интенсивная жизнь на котором к этому времени, видимо, прекратилась, пока ничего не известно, хотя часть городища, судя по результатам археологических работ, вероятно, функционировала и

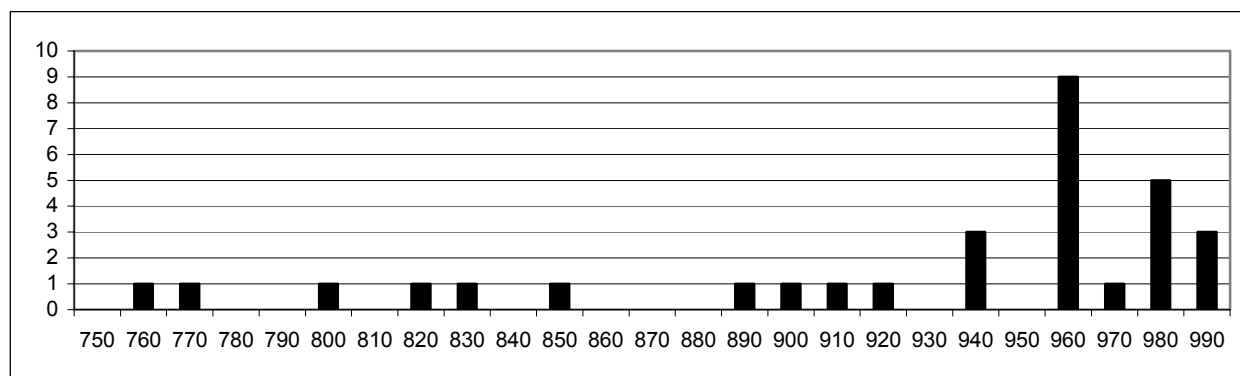

Рис II. Количество находок в Чуйской долине аббасидских и саманидских монет

в более позднее время [Семенов 2002: 108]. На то, что функционирование части городища имело место в нач. XI в., указывает случайная находка бронзового штампа лицевой стороны караханидского дирхема нач. XI в. (2005 г., южнее крепостной стены).

В 2003–2005 гг. нам стали доступны случайные находки одной аббасидской и пяти саманидских монет VIII–X вв., найденных, по сведениям находчиков, на полях, окружающих центральные развалины городища Красная Речка. Среди них выявлено три типа монет, ранее здесь не встречавшихся. Таким образом, с учетом данных А.М. Камышева [Камышев 2002: 71–72], общее количество собранных на этом городище определенных и опубликованных аббасидских и саманидских монет составляет 35 экземпляров. Важно отметить, что за все время проведения археологических исследований в Чуйской долине, известна лишь одна находка саманидской монеты, происходящей из захоронения и использовавшейся в качестве украшения [Бернштам 1940–б: 196]. Последнее порождает некоторые сомнения в достоверности сведений о месте выявления монет.

Среди всех найденных серебряных монет, имевших международный характер обращения, пока известно только три экземпляра – две аббасидских и одна саманидская монеты. В то же время в Европе известны многочисленные находки как единичных экземпляров, так и значительных по размеру (до нескольких тысяч монет) кладов серебряных дирхемов, причем основной поток приходится на монеты с датами эмиссии до 950–970-х гг. Европейский рынок активно поглощал серебряные дирхемы как товар в монетной форме. В Чуйской долине большинство монетных находок относится к эмиссиям второй пол. X в. (рис. II). Некоторое снижение количества находок саманидских монет эмиссий кон. X в.

компенсируется находками монет династии Караханидов. Общее количество караханидских монет эмиссий кон. X – нач. XI в., найденных в Чуйской долине, исчисляется уже десятками, т.е. к этому времени товарно-денежные отношения в Чуйской долине были восстановлены и перешли в интенсивную фазу.

Похожая ситуация наблюдается в Восточном Туркестане и в Центральном Китае. На этой огромной территории зафиксированы только случайные единичные находки «западных» монет: в провинции Шеньси (Центральный Китай) – три мусульманские монеты VIII в., причем самая поздняя из них датируется 129/746–747 г. [Skaff 1998: 99]; в Восточном Туркестане – три византийских солида, самый поздний из которых датируется 829–842 гг. [Xinjiang 2004: 52, 55]; две аббасидских [Xinjiang 1999: 2; Xinjiang 2000: 36] и одна саманидская монета Насра I бин Ахмада (250–279/864–892 гг.) [Porter 1997: 201, 213, 220; Xinjiang 1998: 47]. О находках других монет западных государств, датирующихся с сер. VIII до кон. X в., ни в Центральном Китае, ни в Восточном Туркестане пока ничего не известно.

Ибн Хордāдбех во второй пол. IX в., описывая пути через Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину, ничего не сообщает о торговле в этом регионе. Следовательно, утверждать о функционировании торговых путей в это время было бы преждевременно. Единственным упоминанием, которое можно интерпретировать как указание на существование торгового пути через Чуйскую долину и Иссык-Кульскую котловину, являются сведения о 15 днях «караванного пути по пастбищам». Но, исходя из названных реалий – «до столицы хакана тюрговшей» (это могло быть только до 766 г.) и «до Верхнего Нушджана (Барсхан; Barsxān, **Бархн**), где проходит граница ас-Сина» (это могло быть не ранее 751 г. и не

позже 790 г. [Лурье 2005: 86]) – Ибн Хордāдбех, вероятно, не располагал современными ему сведениями об этом регионе и пользовался данными из более ранних источников, чем время написания книги (846–886 гг.). В.В. Бартольд показал, что Ибн Хордāдбех мог заимствовать такие сведения у Темим ибн Бахра ал-Мутава'и [Бартольд 1973: 514], время путешествия которого он «не без некоторых колебаний относит к периоду между 760 и 800 гг.» [Крачковский 1957: 137]. При определении возможной даты путешествия Темим ибн Бахра следует принять во внимание то, что в описании его путешествия ничего не сообщается о восстании в Китае 755–762 гг. С учетом сведений китайских династических хроник о том, что с 758 г. [Бичурин 1950: 313] почти все уйгурские ханы имели женами китайских царевен или знатных китайок [Бичурин 1950: 327–333], его путешествие, вероятно, следует относить к 762–766 гг. К моменту написания книги Ибн Хордāдбехом в рассматриваемом регионе произошли значительные изменения: усиление власти карлуков, вытеснивших, по сведениям переводов китайских источников, тюркшей из Семиречья к 766 г.; тибетская экспансия в Восточный Туркестан с 760-х гг.; приход после 840 г. в Восточный Туркестан уйгуров. Все эти события, происходившие, как известно, далеко не мирным путем, повлияли на распределение политической власти в регионе, что не могло не сказаться и на экономических связях. Следует также отметить, что все авторы арабских и персидских географических описаний IX – сер. X в. приводят об этом отдаленном регионе однообразные сведения явно компилятивного характера, подробно и разнообразно описывая только области, лежащие к югу от Таласа, используя при этом источники, восходящие к сер. VIII – нач. IX вв. [МИТТ 1939: 18; Волин 1960: 73–76]. И только в конце X в. (Худūd ал-‘Алам) появляются дополнительные данные об этих тюркских территориях, которые в свою очередь восходят к источникам с датой «составления изначального текста между 766 и нач. 767 г.» [Лурье 2005: 87], что, несомненно, является еще одним косвенным свидетельством сложных отношений между тюрками и мусульманами в кон. VIII – сер. X в., явно не способствовавшим развитию товарно-денежных отношений в регионе.

Анализ материалов, полученных в результате археологических работ в Чуйской долине, проведенных в 50–90-е гг. XX в. на городищах Ак-Бешим и Красная Речка [Горячева, Перегу-

дова 1996: 172; Кожемяко 1989-а: 10; Кызласов и др. 1958: 518; Кызласов 1959: 213–215; Семенов 2002: 43, 108], и предварительные данные, полученные в 2004–2006 гг. на городище Новопокровское II [Exploration-eurasia; Интернет], позволяет предположить, что военные действия сер. – третьей четв. VIII в., имевшие место в регионе, привели к частичному или полному разрушению большей части городов и, как следствие, к значительному ослаблению или даже прекращению в них или, возможно, даже во всем регионе товарно-денежных отношений.

На упадок городов Чуйской долины и их «зависимость от города Таласа» ранее указывал В.В. Бартольд, относя начало этого процесса к разрушению в 748 г. города Суяб китайским наместником в Восточном Туркестане Ван Чжэн-сянем [Бартольд 1963-а: 33–34]. В «Ду хуань Цзинь Син Цзи» прямо указывается на упадок поселений в Чуйской долине.

В свою очередь косвенно на возвышение «Аргу-Таласа» (argu talas) указывает колофон манихейской рукописи «Iki jūltiz nom» («Святая книга двух основ»), датированной в пределах второй пол. VIII – сер. IX в. [Лившиц 2004: 129]. В ней перечислены города, кроме Таласа, в которых были манихейские обитатели – Йаканент (Ykanknt), Кашу (Qašu), Орду (кент) (Oruknt), Чигильбалык (Çiqi[l]baliy). Причем три из них локализируются вне Чуйской долины [Лившиц 2004: 128], а Ордукенд стоит только третьим в ряду городов (расположенных, вероятно, по их значимости). Государем этих городов являлся «хан Аргу-Таласа» – представитель (глава) великих тюрков Чигиль-Арслан [Лившиц 2004: 129].

Уточнение хронологии товарно-денежных отношений позволяет скорректировать некоторые датировки археологических памятников, основанные на находках монет в слоях. Так, по археологическим данным, запустение на городище Красная Речка относят к сер. X в. [Горячева 1989: 92]. Однако, учитывая вышеизложенное, период запустения следует, вероятно, относить ко времени с третьей четв. VIII до сер. X в.

Археологические слои с монетами династии Тан (Кайюань Тунбао, Цяньюань Чжунбао, Дали Юаньбао, Цзяньчжун Тунбао, с одним иероглифом Юань или Чжун), с большой вероятностью, следует относить к периоду до IX в., а с монетами только Кайюань Тунбао допустимо рассматривать и после сер. X в. Отсутствие сведений о находках аббасидских и

саманидских монет в археологических слоях раскопанных объектов на городищах Чуйской долины предполагает запустение последних в период кон. VIII–X в., при некоторой, видимо, кочевой заселенности прилегающих территорий. Отсутствие находок таких монет на городище Ак-Бешим предполагает период его запустения с кон. VIII в.

Вероятно, в IX – сер. X в., в силу складывающейся в регионе военно-политической ситуации, Чуйская долина оставалась вне зо-

ны основных путей прохождения торговых караванов. Конечно, нельзя утверждать о полном разрыве экономических связей городов Чуйской долины с сопредельными регионами. Однако об изменении путей товарных потоков и о значительном снижении интенсивности или, возможно, даже прекращении товарно-денежных отношений и собственной эмиссии монет в этом регионе в IX – сер. X в. проведенный нами анализ свидетельствует вполне определенно.

Abstract

ABOUT MONETARY CIRCULATION IN CHU VALLEY IN EIGHT –TEN CENTURY AD

V.G. Koshevar

The given analysis of monetary circulation in the Chu valley and adjacent regions shows that in the late eighth and early ninth centuries AD the active caravan trade routes between the East and the West moved outside the Chu valley as a result of poor political and military conditions of the area. At the same time there was a significant decrease in trade and monetary market, and issuing of local mints was almost desolated. Mid tenth century on, with the introduction of Islam by the Turks, the trade routes through the Chu valley came to life and the normal trade and monetary links were restored. The issuing of local mints was in great demand again.

Литература

- Алвиан, Интернет – *Алвиан* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alwian.host.net.kg>
- Ал-Истахри 2002 – *ал-Истахри*. [Китаб] масалик ал-Мамалик // Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т.1. – Бишкек, 2002.
- Бартольд 1963-а – *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья // Сочинения. Т.2. Ч.1. – М., 1963.
- Бартольд 1963-б – *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963.
- Бартольд 1963-в – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. – М., 1963.
- Бартольд 1964 – *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. 2. Ч. 2. – М., 1964.
- Бартольд 1966 – *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. 4. – М., 1966.
- Бартольд 1968-а – *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. 5. – М., 1968.
- Бартольд 1968-б – *Бартольд В.В.* Статьи из энциклопедии ислама. Тюрки // Сочинения. Т. 5. – М., 1968.
- Бартольд 1973 – *Бартольд В.В.* Введение к изданию Худуд ал-`Алам. // Сочинения. Т. 8. – М., 1973.
- Бернштам 1940-а – *Бернштам А.Н.* Тюркешские монеты // ТОВЭ. Т. 2. – Л., 1940.
- Бернштам 1940-б – *Бернштам А.Н.* К исторической топографии Чуйской долины // ВДИ. –1940. – № 2 (11).
- Бичурин 1950 – *Бичурин Н.Я.* [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. – М.; Л., 1950.
- Винник, Федоров 1983 – *Винник Д.Ф., Федоров М.Н.* Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе, 1983.
- Волин 1960 – *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. – Алма-Ата, 1960.
- Горячева 1983 – *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. – Фрунзе, 1983.
- Горячева 1988 – *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда (Краснореченское городище). – Фрунзе, 1988.
- Горячева 1989 – *Горячева В.Д.* Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Горячева, Перегудова 1996 – *Горячева В.Д. Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. – 1996. – №2.
- Грумм-Гржимайло 1926 – *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. 2. – М., 1926.

- Давидович 1959 – *Давидович Е. А.* Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. // ТКАЭЭ. Т. 2. – Фрунзе, 1959.
- Ибн Хаукаль 1957 – *Абу-л-Касым Ибн Хаукаль.* Книга путей и стран // ТСГУ. Археология Средней Азии. Вып. 4. – Ташкент, 1957.
- Ивочкина 1975 – *Ивочкина Н.В.* Монеты первой Восточно-туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга // Культура и искусство Индии и стран Дальнего Востока. – Л., 1975.
- Калинин, Петров 2000 – *Калинин В.А. Петров П.Н.* Клад позднесаманидских дирхемов из Туркменистана // Древности Поволжья и других регионов. Вып. 3. – Нижний Новгород, 2000.
- Камышев 2002 – *Камышев А.М.* Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002.
- Камышев 2004-а – *Камышев А.М.* Монетные находки с городища Садыр-Курган // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, 19–24 апреля 2004 г. ТДС. – М., 2004.
- Камышев 2004-б – *Камышев А.М.* Некоторые аспекты раннесредневековой истории Семиречья в свете новых нумизматических находок // Диалог цивилизаций. – 2004. – № 1(4).
- Камышев 2004-в – *Камышев А.М.* Нумизматические источники // Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004.
- Караев 1983 – *Караев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII в.). – Фрунзе, 1983.
- Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.
- Кожемяко 1989-а – *Кожемяко П.Н.* Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Кожемяко 1989-б – *Кожемяко П.Н.* Отчет о раскопчных работах на Краснореченском городище в 1962–1963 гг. // Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Кошевар 2004 – *Кошевар В.Г.* Новые нумизматические свидетельства о торговых отношениях в Семиречье в VII–XII вв. // Диалог цивилизаций. – 2004. – № 2(5).
- Кошевар 2005-а – *Кошевар В.Г.* О покупательной способности монет Семиречья в первой половине VIII в. // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Кошевар 2005-б – *Кошевар В.Г.* О денежном обращении в Иссык-Кульской котловине в VII–IX вв. // ТИМК. Вып. 4. – Бишкек; Лейпциг, 2005.
- Кошевар 2005-в – *Кошевар В.Г.* Клад китайских монет из г. Каракол // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Кочнев 1987 – *Кочнев Б.Д.* Клады караханидских медно-свинцовых дирхемов середины XI в. // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. ТДС. – М., 1987.
- Кочнев 2006 – *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. 1. Источниковедческое исследование. – М., 2006.
- Кочнев, Федоров 1974 – *Кочнев Б.Д., Федоров М.Н.* Два клада караханидских дирхемов середины XI века из Киргизии // НЭ. Вып. 11. – М., 1974.
- Крачковский 1957 – *Крачковский Н.Ю.* Арабская географическая литература: Избранные сочинения. Т. 4. – М.; Л., 1957.
- Кызласов и др. 1958 – *Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М.* Монеты из раскопок городища Ак-бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг. // УЗИВ. Т. 16. – М.; Л., 1958.
- Кызласов 1959 – *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. Т.2. – Фрунзе, 1959.
- Лившиц 2004 – *Лившиц В.А.* Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004.
- Лубо-Лесниченко 1975 – *Лубо-Лесниченко Е.И.* Дальневосточные монеты из Минусинской котловины // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. – Новосибирск, 1975.
- Лубо-Лесниченко 2002 – *Лубо-Лесниченко Е.И.* Сведения китайских письменных источников о Суябе (Городище Ак-Бешим) // Суяб. Ак-Бешим. – СПб., 2002.
- Лурье 2005 – *Лурье П.Б.* Заметки о раннеисламском дорожнике в Китай // МИАК. Вып. 1. – Бишкек, 2005.
- Мартынов, Шер 1989 – *Мартынов А.И., Шер Я.А.* Методы археологического исследования. – М., 1989.
- Массон 1936 – *Массон М.Е.* К истории добычи меди в Средней Азии. В связи с прошлым Алмалыка. – М.; Л., 1936.
- МИТТ 1939 – Материалы по истории туркмен и Туркменистана. Т. 1. – М.; Л., 1939.
- Мокрынин 1973 – *Мокрынин В.П.* Торговые связи Киргизстана (VI–X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе, 1973.
- Настич 1989 – *Настич В.Н.* Монетные находки с городища Красная речка (1978–1983 гг.) // Красная речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.
- Пауль 2004 – *Пауль Юрген.* «Истории» Самарканда // ВИИСИД. Вып. 6. – М., 2004.
- По следам ... 1982 – По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1982.
- Распопова 1976 – *Распопова В.И.* Отливка монет в мастерских Пенджикента рубежа VII–VIII вв. // КСИА. Вып. 147. – М., 1976.
- Риттер 1869 – *Риттер К.* Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или китайский Туркестан. – СПб., 1869.

- Семенов 2000 – Семенов Г.Л. Замки Семиречья // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3. – Бишкек, 2000.
- Семенов 2002 – Семенов Г.Л. Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб. Ак-Бешим. – СПб., 2002.
- Смирнова 1955 – Смирнова О.И. Первый клад согдийских монет // ЭВ. Вып. 10. – М.; Л., 1955.
- Смирнова 1963 – Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949–1956 гг.). – М. 1963.
- Смирнова 1981 – Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.
- Торгоев 2004 – Торгоев А.И. Некоторые основания к датировке нижних слоев городищ Чуйской долины // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. Сер. 1. Вып. 4. Тюркско-согдийский синтез: процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути. – Бишкек, 2004.
- Федоров, Оморов 1975 – Федоров М.Н., Оморов М.Н. По поводу клада караханидских монет с городища Шиш-Тюбе // ТКГУ. Вып. 13. – Фрунзе, 1975.
- Хрестоматия ... 1961 – Хрестоматия по истории средних веков. Т. 1. Раннее средневековье. – М., 1961.
- Bregel 2003 – Bregel Y. Historical Atlas of Central Asia. – Leiden; Boston, 2003.
- Doo 1996 – Doo R. Kai Yuan Tong Bao Xi Nien Dian Kao (Vol. 1) – 1996. (на кит. языке).
- Exploration-eurasia, Интернет – *Exploration-Eurasia* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.exploration-eurasia.com/EurAsia/inhalt_english/frameset_projekt_1.html
- Henning 1946 – Henning W.B. The Sogdian Texts of Paris // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, Vol. 11. Pt. 4.– 1946.
- Porter 1997 – Porter V. The Islamic coins collected by Stein in Chinese Central Asia // Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. Special volume 1997. – Kamakura, 1997.
- Rhodes 1997 – Rhodes N. Tang dynasty coins made in Xinjiang // Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. Special volume 1997. – Kamakura, 1997.
- Sims-Williams 1996 – Sims-Williams N. The Sogdian Merchants in China and India // Cina e Iran: Da Alessandro Magno alla dinastia Tang. – Firenze, MCMXCVI, 1996.
- Skaff 1998 – Skaff J.K. Sasanian and Arab-Sasanian silver coins from Turfan: Their Relationship to International Trade and the Local Economy // Asia Major. Third Series. Turfan issue. – Institute of History and Philology of the Academia Sinica, Vol. 11. Pt. 2. – Taiwan, 1998.
- Thierry 1997 – Thierry F. On the Tang coins collected by Pelliot in Chinese Turkestan (1906-1909). // Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. Special volume 1997. – Kamakura, 1997.
- Transasiart, Интернет – *Transasiart* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transasiart.com/>
- Xinjiang Numismatics*, №1 (13) – 1998 (на кит. языке).
- Xinjiang Numismatics*, №1 (17) – 1999 (на кит. языке).
- Xinjiang Numismatics*, №3 (21) – 2000 (на кит. языке).
- Xinjiang Numismatics*, №3 (25) – 2004 (на кит. языке).
- Yih 2006 – Yih T.D. Data on Coins Finds the Finnish Mannerheim Expedition (1906–1908) in Chinese Turkestan (Xinjiang) // Journal of the ONS. – 2006. – № 186.
- Wang 2004-a – Wang H. How much for a camel // The Silk Road: Trade, Travel, War and Faith. – London, 2004.
- Wang 2004-b – Wang H. Money on Silk Road. The evidence from Eastern Central Asia to c. AD 800 – London, 2004.
- ZENO, Интернет – *ZENO* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zeno.ru>

ОТЧЕТ О ПОЛЕВЫХ РАБОТАХ ТЯНЬ-ШАНЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА В 1958 ГОДУ ¹

П.Н. Кожемяко*

Центральный Тянь-Шань / поселенческая культура / Средневековье
Central Tian-Shan / settlement culture / Middle ages

Задачей отряда на 1958 и 1959 гг. было изучение раннесредневековых поселений Центрального Тянь-Шаня для сбора материалов, характеризующих устойчивость сооружений к сейсмическим явлениям. Разумеется, что сбор таких сведений сопряжен, с одной стороны, с вскрытием монументальных сооружений (крепостных стен и башен, общественных и культурных построек и др.), которые только и могут ответить в какой-то мере на этот вопрос. Они существовали в течение продолжительного времени и на них могут остаться следы, свидетельствующие о силе перенесенных землетрясений за более или менее значительный период времени. С другой стороны, для определения времени существования монументальных сооружений, часто не содержащих бытового инвентаря, являющегося основой для датировки, необходимо вскрытие значительных площадей культурных наслоений.

Поселения, намеченные нами к обследованию, ранее уже подвергались исследованию. На основе этих исследований в литературе было высказано мнение, что на Тянь-Шане нет массовых оседло-земледельческих поселений. А зарегистрированные городища принимались частью за остатки городов-ставок древних владык страны, частью – за остатки военно-политических и военно-торговых факторий. Считалось, что в Иссык-Кульской котловине такие фактории основывались согдийцами, проникавшими со стороны Чуйской долины, а в долинах Джумгала, Алабуги, Тогуз-Тороу – ферганцами, проникавшими через перевалы Ясы и Кугарт [Бернштам 1952: 97-117; Бернштам 1947: 113].

* *Кожемяко Петр Никитович (1918–1973)* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., лауреат Государственной премии Киргизской ССР в области науки и техники (1970), зав. отд. археологии и этнографии (1961–1967), позже – зав. отд. археологии (1967–1973) Института истории АН Кирг. ССР.

Поскольку обследования рассчитаны на два года, было решено в сезоне 1958 г. исследовать два географических района – долину Сусамыра и долину Джумгала, а в 1959 г. работы перенести в долину Алабуги и Нарына.

Сусамырское городище (городище близ с. Тунук)

Полевые работы Тянь-Шаньского отряда в 1958 г. были начаты на городище, расположенном у с. Тунук в Сусамырской долине. Этот объект находится в непосредственной близости от первой проектируемой электростанции. Развалины впервые были обследованы в 1953–1954 гг. А.К. Кибировым. Тогда был снят глазомерный план, выполнено два разведочных шурфа, вскрывались погребения жителей поселения на кладбище и одно погребение, совершенное уже на развалинах крепости. В опубликованной исследователем статье Тунукское городище датируется IX–XII вв. [Кибиров 1955: 125-136].

Мы возвратились к изучению этого городища с целью получить о нем более обширные материалы, которые помогли бы археологам, гидрогеологам и сейсмологам ответить на вопрос о характере сейсмических явлений в прошлом.

Отряд в первую очередь выполнил довольно подробную инструментальную съемку плана развалин для составления общего представления о размерах и планировке поселения (рис. 1). Оно было расположено по обеим берегам р. Ири-Су, левого притока р. Сусамыр, недалеко от места их слияния. Речка Ири-Су имеет широкую, от 150 до 300 м, пойму с обрывистым, высотой около 3 м, левым берегом и пологим правым. Береговые террасы сложены отложениями галечников и глинистых плов. Пойма густо поросла белолиственным тополем, кустарником облелихи и др.

Основная часть поселения была на левом берегу р. Ири-Су. Здесь был и укрепленный

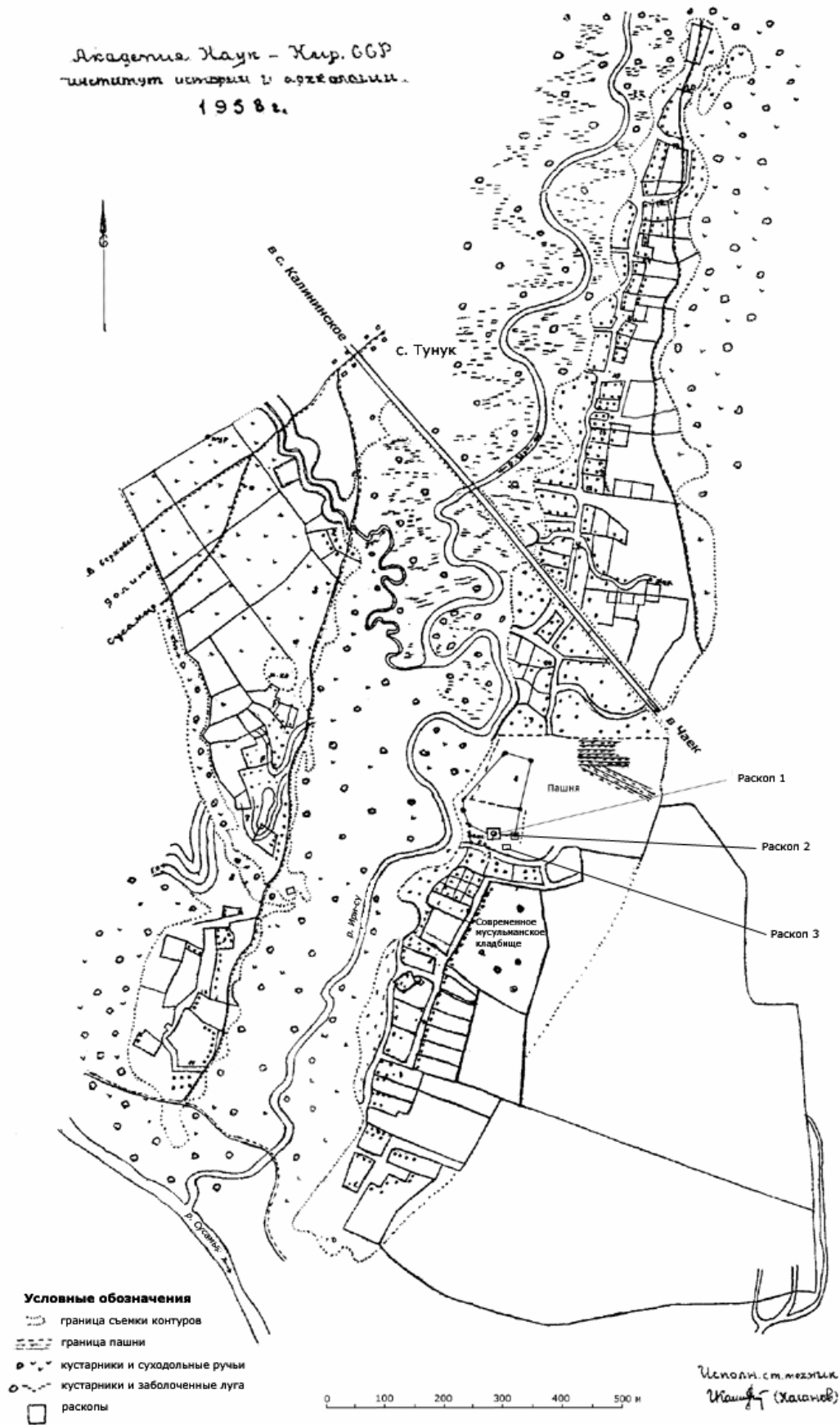

Рис. 1. Городище Сусамырское

центр поселения. Он представлен четырехугольным укреплением, стоящим над самым берегом р. Ири-Су. Его размеры по линии С-Ю равны 135 м, по линии З-В – 65 м. Укрепление имело стены, хорошо видные в настоящее время в виде валов по трем сторонам: северной, восточной и южной. Вдоль обрыва террасы остатков стены не видно. Весьма вероятно, что она была и по этой стороне, но смыта р. Ири-Су, в настоящее время интенсивно подмывающей левый берег поймы. Мы зарегистрировали в свежих обнажениях остатки ремесленной печи из жженого кирпича и признаки культурных наслоений на значительном протяжении против центрального укрепления и к северу. Северная и восточная стороны вала перепаяны. Их современное состояние не дает возможности установить наличие или отсутствие башен в пролетах. Если в пролетах стен их не видно, то по углам бугры башен видны очень ясно. Они возвышаются над гребнем валов до 0,5–0,7 м. В восточной стене, в южной половине ее, есть два седловидных углубления, напоминающих заплывшие въезды в укрепление. Южная сторона центрального укрепления была фасадной. Кроме угловых башен, в ее пролете была еще одна башня, возвышающаяся над гребнем вала до 1–1,5 м. Она размещена примерно в середине пролета. Вдоль валов с внешней стороны хорошо видны рвы шириной до 6–7 м и глубиной до 0,6 м. Внутреннее пространство центрального укрепления слабо заполнено культурными наслоениями и имеет всхолмленную поверхность. Возвышение и западины представляют остатки построек, которые, судя по их расположению, заполняли все внутреннее пространство укрепления; незастроенных площадей здесь не было. Нижние части построек сохранились на незначительную высоту; об этом свидетельствуют кладки фундаментов из крупного рваного камня, видные в некоторых местах.

Центральное укрепление на Сусамырском городище представляет наиболее подходящий объект для получения тех сведений, собирание которых является основной задачей Тянь-Шаньского археологического отряда в нынешнем полевом сезоне. Поэтому на нем и было в первую очередь сосредоточено внимание.

Раскол < I > на центральном укреплении площадью 200 м² был разбит с целью расчистить отрезок стены и башню, размещенную в пролете южной стены. Одна половина раскопа (северная) площадью 100 м² размещена в внутреннем пространстве укрепления, а вто-

рая (южная), начинаясь по линии гребня оплывшей стены, захватывает 100 м² на склоне вала и прилежащую к валу территорию за пределами укрепления.

В северной половине раскопа вскрыта, кроме склонов оплывшей стены и холма-башни, значительная площадь, прилегавшая к внешней стене. Однако культурные напластования на вскрытом участке центрального укрепления не превышали 1,2 м, а на большей его площади достигают не более 1 м. Они составлены разной плотности завалами и заплывами. Более или менее значительных остатков строения в раскопе не удалось выявить. И только вдоль восточного обреза, где культурные наслоения не превышают 0,6 м, была отмечена плохой сохранности глинобитная стена, размеры которой в восточном профиле раскопа составляют в ширину – 0,4 м, а в высоту – всего около 35 см. На всей остальной площади встречены глинистые наслоения разной плотности, прорезанные ямами, отдельные участки с очень плотными поверхностями, напоминающими полы помещений или, может быть, уплотненные поверхности открытого двора. Зарегистрированы зольные пятна, примитивный очаг, дно которого выложено кирпичами. Вещевой материал представлен керамикой, шлаками, фрагментами железных и медных изделий, костями животных и др.

Основную категорию вещевого материала составляет керамика (рис. II, III).

Регистрация находок по полуметровым слоям показала, что вся керамика по технике изготовления, формам сосудов и оформлению внешней поверхности относится к одному сравнительно небольшому отрезку времени.

Керамика имеет все признаки, характерные для X–XII вв. Чуйской долины, однако в ней традиции керамического производства предшествующего периода сохраняются в большей степени, чем в Чуйской долине.

Примечательно соотношение лепной и станковой керамики. Так, из общего числа – 243 фрагмента – 113 принадлежат сосудам, изготовленным на гончарном круге, и 130 – сделанным от руки. Такой высокий процент лепной керамики в Чуйской долине известен для VIII–X вв. (карлукский период), а в Сусамырском городище, как видно, он сохраняется и в XI–XII вв. Это объясняется, видимо, удаленностью Сусамырского городища от развитых ремесленных центров, в условиях которой значительная часть потребности в гончарных изделиях удовлетворялась домашним изготовлением.

Для большинства единиц станковой керамики (44 фрагмента) присуще наличие примесей в тесте: песка, дресвы, кварцевой массы, шамота. Обжиг высокий. Очень интересен факт сохранения в значительном количестве посуды (83 фрагмента) ангобирования с последующим лощением. Количество форм станковой посуды значительно: кувшины узкогорлые с очень характерной для X–XII вв. коленчатой вертикальной ручкой от венчика к тулову, горшки, чашки, хумы и др. Весьма примечательна рукопись орнаментального украшения поверхности сосудов (всего четыре фрагмента с процарапанным орнаментом). Высококачественная керамика встречена в единичных фрагментах, но на самых нижних отметках.

Лепная керамика имеет в подавляющем большинстве (107 фрагментов) в тесте различные примеси. Формы ее немногочисленны – это в большинстве кухонная посуда: горшкообразные и котлообразные сосуды. Орнамент и в этой категории очень редок (два фрагмента). Отмечен один случай росписи поверхности сосуда минеральной краской.

В южной половине раскопа, площадью также 100 м², выходящей за пределы центрального укрепления, вскрыты культурные наслоения, образованные в основном оплывами стен и башни. В этих оплывах, состоящих из рыхлых и твердых глинистых слоев, расчищено несколько ям, заполненных углем, золой и прочими отходами. Керамики найдено, сравнительно с северной половиной раскопа, незначительное количество – 60 фрагментов. Она совершенно аналогична описанной выше группе керамики.

Такова картина культурных наслоений в обеих половинах раскопа, площадью в 200 м². Охарактеризуем вкратце результаты расчистки стены центрального укрепления Сусамырского городища.

Южная (внешняя) плоскость этой стены, обращенная в сторону господствующих ветров, сохранилась очень плохо. Разрушения ее уже в оплывшем состоянии были увеличены многочисленными ямами и норами грызунов.

Северная плоскость стены сохранилась лучше, но и здесь она прослеживается не на всем протяжении участка, вскрытого от наплывов. Для более точного установления размеров стены по сохранившимся остаткам было сделано два поперечных разреза ее в западном и восточном концах расчищенного отрезка. По всем этим данным о стене можно сказать, что она сооружалась без всякого фундамента, пря-

мо на почвенном слое. Ее ширина по основанию 1,5 м, сохранившаяся высота – 1,2 м.

Если остатки стены были обнаружены и расчищены и по ним можно составить о ней какое-то представление, то поиски остатков башни не дали никаких результатов. И снятие в границах раскопа части холма, принятого нами за остатки башни, и дополнительные разрезы его траншеями, не дали признаков кладки башен. Все это свидетельствует о том, что холм был насыпной.

<Раскол 2>. Чтобы проверить конструкцию других холмов, внешним видом и расположением по периметру вала центрального укрепления напоминающих оплывшие башни, мы предприняли разрез холма на юго-восточном углу укрепления. Траншея через угловой холм, площадью 14 м², показала, что центральное укрепление не на всем протяжении жизни Сусамырского поселения выполняло роль оборонительного сооружения. В какой-то период его стены были заброшены и разрушились. Позже в оплывшем состоянии они использовались в самых различных надобностях. В частности, описываемая траншея обнажила две плавильные печи, сооруженные в холме.

В средней части траншеи, сразу под дерном, пошли рыхлые сыпучие золистые слои толщиной до 0,7 м. Ниже, вплоть до материка, шли перемежающиеся заметные и глинистые завалы и заплывы. Наслоения, вскрытые траншеей, безусловно, более позднее явление и появились в связи с производственным процессом, связанным с работами в упомянутых выше двух печах.

Одна из печей своим углом выходила в траншею. Она была отмечена по угольно-золистому пятну. Для ее расчистки была сделана прирезка к востоку площадью 6 м². Стены печи без специальной облицовки; они, вероятно, были просто обмазаны глиной, которая отвалилась. Температура в печи достигала высокой отметки, поскольку стенки ее прокалились до глубины 10–15 см. Яма была заполнена чередующимися слоями из спекшихся шлаков, кусков обмазки стен печи, древесного угля и золы. Вертикальные стены печи сохранились до 1,9 м. Ее основание было несколько ниже материкового уровня. В плане печь имела форму неправильной фигуры; западная сторона равна 1,43 м, северная – 1 м, северо-восточная – 2 м и южная – 1,9 м.

В <...>³ м к юго-востоку от описанной печи была расчищена вторая печь, круглая в плане, диаметром 1,6 м. Стены этой печи со-

Рис. II. Городище Сусамырское. Раскоп 1. Керамика

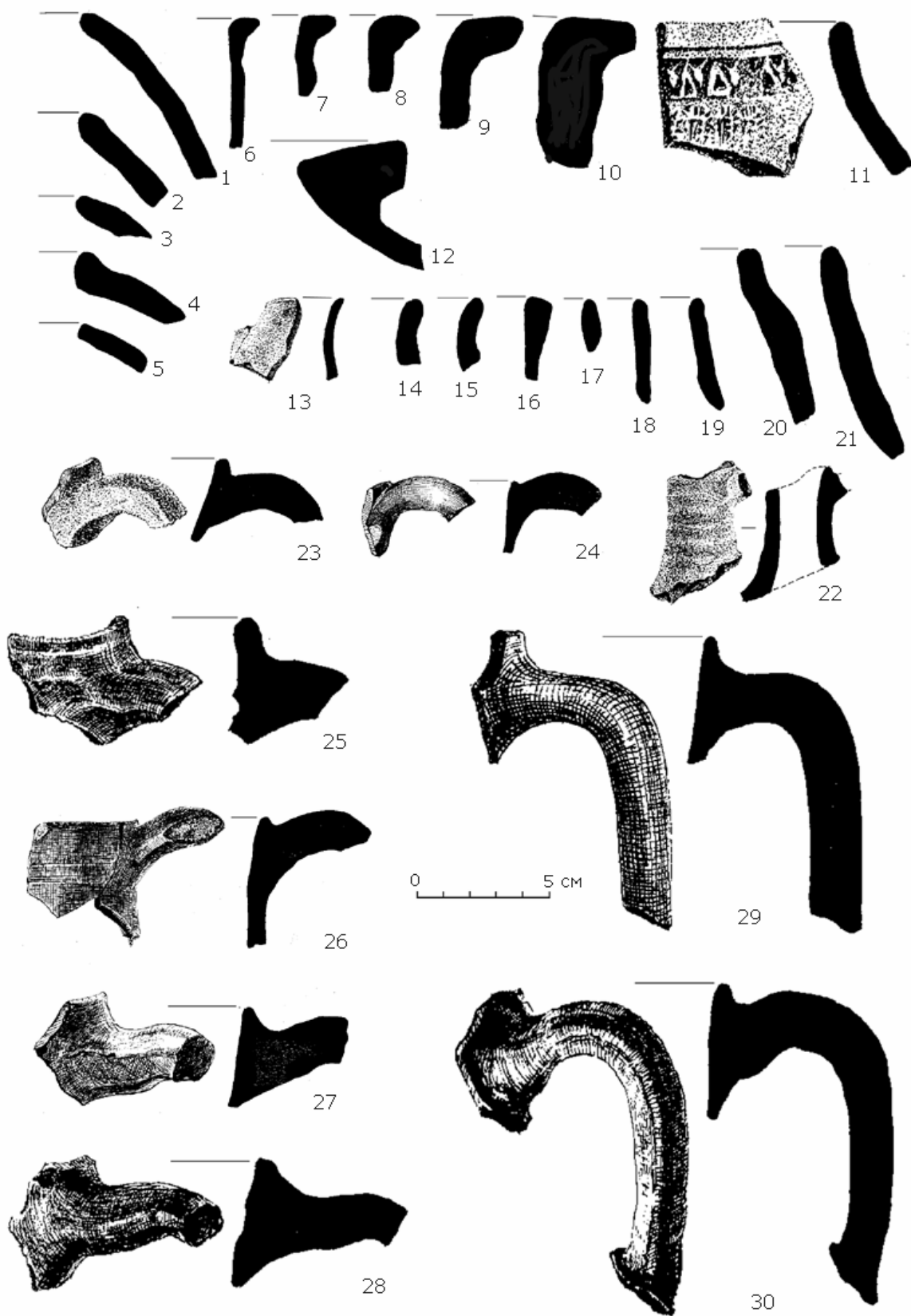

Рис. III. Городище Сусамырское. Раскоп 1. Керамика²

хранились в нижней части всего около 1 м. Они покрыты очень толстым наплывом спекшихся шлаков и сплавленной глины. Сама печь была завалена золой, шлаком, прокаленной землей и обожженными кирпичами. Кирпичами, вероятно, был выложен свод печи. У кирпичей могла быть промерена только толщина, другие размеры из-за фрагментарности не могли быть установлены.

В обеих печах в нижних частях не было обнаружено никаких технических приспособлений (топочных отверстий, отверстий для воздуха и др.). Шлаки разных типов взяты на анализ.

В траншее собрана коллекция керамики, небольшая по количеству, повторяющая образцы керамики Раскопа 1 (рис. IV).

Раскоп 4. В 50 м от южной стены на примыкающей к ней возвышенной площадке был разбит раскоп площадью 20 м². Под дерновым слоем до глубины 0,83 м лежит плотный глинистый слой темно-желтого цвета. Ниже отметки 0,83 м чередуются серые глинистые слои различных оттенков, также очень плотные. В срезе южной стены видна узкая золистая полоса, в восточном срезе раскопа видно пятно прокаленной земли. Культурные напластования составляют 1,5 м.

Раскоп дал незначительное количество керамики, идентичной керамике Раскопа 1 (рис. V).

За пределами укрепленного центра к северу, востоку и югу тянутся остатки построек поселения, разных размеров и планов.

Сусамырское городище характеризуется чрезвычайной рассредоточенностью остатков построек. Поэтому оно, вероятно, имеет столь большие размеры. Левобережная часть имеет протяженность территории, имеющей явные следы застройки с севера на юг <...> и с запада на восток <...> м. Кроме территории со следами застройки, в левобережную часть входила значительная территория, не имеющая признаков застройки, но ограниченная валом. Эта значительная территория к востоку от поселения вплоть до построек МТС. Вал, огораживающий ее, хорошо виден по краю террасы рек Ири-Су и Сусамыра, начиная от угла в месте их слияния далее вдоль террасы р. Сусамыра на протяжении <...> м. Затем он поворачивает на северо-восток и идет на протяжении <...> м; наконец, повернув к северу, он виден на расстоянии <...> м. Далее вал не сохранился. При самом внимательном осмотре местности к северу от пункта, где обрыва-

ется вал, не обнаружено никаких признаков его. Следует отметить, что это пространство давно подвергается распашке, о чем свидетельствует старая оросительная сеть и следы пахоты.

Выше мы подчеркнули чрезвычайно ярко выраженную рассредоточенность застройки Сусамырского городища. Приведем этому примеры. Застроенная территория, к востоку, за пределами центрального укрепления распаханана, и планировку ее проследить в настоящее время трудно. Территория к северу, в непосредственной близости от центрального укрепления, в некоторой части распаханана, но дальше имеет сохранность, позволяющую сделать некоторые наблюдения о ее планировке. Здесь можно выделить два участка: 1) от центрального укрепления до шоссе из с. Калининского в Сусамырскую МТС; 2) севернее этой дороги.

Участок, примыкающий к центральному укреплению, заполнен плотно расположенными постройками, тянущимися вдоль террасы Ири-Су. Он разделен по линии С-Ю, ясно видной <улицей (?) – ред.>. Приблизительно на половине расстояния между центральным укреплением и дорогой находится значительная площадь неправильных очертаний размерами 80 × 100 м, без малейших следов застройки. Видна вторая улица, начинающаяся от площади, идущая к востоку. По обеим сторонам улиц идут плотно расположенные постройки, имеющие вид отдельных ячеек – западин, разграниченных валиками.

Участок к северу от дороги с. Калининское – Сусамырская МТС простирается далеко вверх по течению р. Ири-Су. Следует отметить, что основная полоса застройки тянется вдоль берега Ири-Су шириной до <...>. Но отдельные группы усадеб зарегистрированы значительно восточнее этой полосы, на предгорьях хребта, разделяющего долины рек Сусамыра и Кара-Кола, на расстоянии около 1 км. Все предгорья распахиваются в течение очень длительного времени, поверхность их сильно сnivelирована, и поэтому нет возможности сказать, ограждалось ли это пространство тем валом, который прослеживается вокруг юго-восточного сектора городища. В полосе застройки, идущей вдоль берега Ири-Су, очень четко видна улица, идущая от центрального укрепления вплоть до северного конца поселения. Здесь постройки расположены плотно и отдельные комплексы имеют относительно небольшие размеры – в среднем 20 × 40 м. А в самом северном конце поселения между за-

Рис. IV. Городище Сусамырское. Раскоп 2.
Керамика: 1-2, 6-8 – лепная, 3-5, 9-19 – гончарная

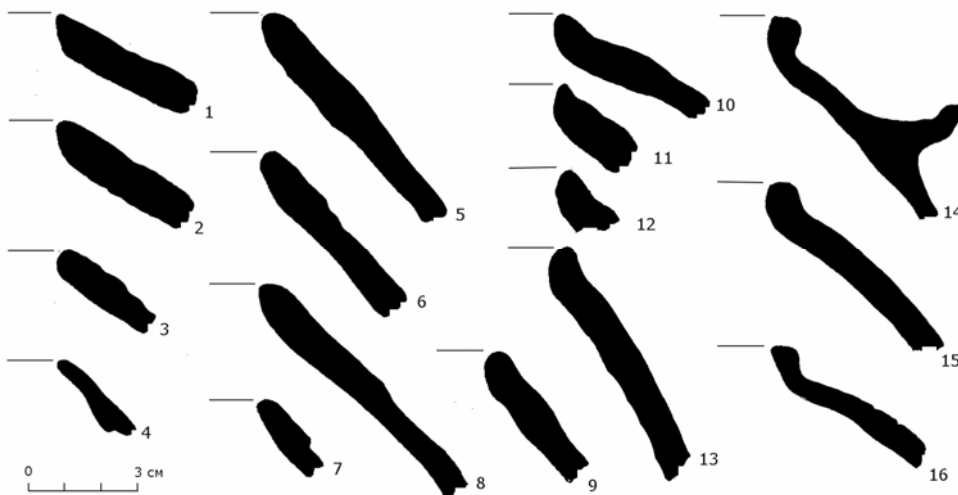

Рис. V. Городище Сусамырское. Раскоп 4.
Керамика. 1-13 – лепная, 14-16 – гончарная

строенными участками встречаются пустыри размерами до 60×80 м. Здесь к пойме Ири-Су близко подходит небольшая речушка, берущая начало из ключей, и на перешейке шириной в $80-100$ м расположены постройки.

Вся территория к югу от центрального укрепления вплоть до поймы р. Сусамыр имеет хорошую сохранность и дает много материалов о типах застройки описываемого поселения. В непосредственной близости от центрального укрепления остатки построек расположены довольно плотно, и расчленив их на отдельные комплексы не всегда удается. Но все же и здесь во многих местах видны четырехугольники дворов, внутренний уровень которых не возвышается над окружающей местностью. Это обстоятельство говорит о том, что в этой части поселения была усадебная застройка. Размеры дворов: 10×16 м; 14×14 м; 17×19 м. Далее к югу картина меняется, усадьбы становятся гораздо больших размеров. Довольно ясно видны валы – оплывшие стены – ограждавшие их. Очень четко прослеживаются несколько улиц, идущих с севера на юг. Улицы извилистые, свидетельствующие о стихийном разрастании поселения, без всякого плана. Уже в 400 м к югу от центрального укрепления встречаются четырехугольники, оконтуренные валами, без признаков застройки, размерами 20×40 м и 40×50 м. Возможно, что некоторые из них были площадями общественного характера (рынки и пр.). Но то обстоятельство, что отдельные серии их по 4–5 штук стоят впритык друг к другу, но разграничены валами, позволяет допускать, что в таком расположении они были изолированными усадьбами. Начиная с поло-

вины расстояния от центрального укрепления и до южной оконечности левобережной части поселения во многих случаях довольно четко прослеживаются отдельные усадьбы. В них есть обширный двор и строения. Строения занимают около одной трети или даже одной пятой площади усадьбы и расположены или в углу, или вдоль одной из стен. В некоторых усадьбах есть по две группы строений – по-видимому, жилых и хозяйственных.

Комплекс жилых построек состоит иногда из 4–5 комнат, хорошо обозначенных оплывшими стенами-валами. Мы произвели инструментальную съемку ряда таких усадеб. Приведем их описание.

У с а д ь б а 1 (рис. VI. 1). Неправильно-прямоугольной формы, размерами 54×30 м. Ориентировка углами по странам света, длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Вдоль северо-восточной стены расположены остатки построек усадьбы. Жилая постройка представлена прямоугольным бугром, имеющим четыре западины, разделенных валиками. Это, несомненно, четырехкомнатный жилой дом. Его общие размеры: 18×13 м. Две западные комнаты имели размер $6,5 \times 8$ м, а две восточные были размерами $7 \times 4,5$ м. «С востока располагалось однокомнатное сооружение», соприкасающееся с четырехкомнатным домом. Это, вероятно, была хозяйственная постройка. Остальная территория, огражденная оплывшей стеной усадьбы, не имеет никаких признаков ее застройки и не возвышается над окружающей местностью.

У с а д ь б а 2 (рис. VI. 2). В плане многогранной формы. Общие размеры: 44×22 м. Ориентирована почти правильно сторонами

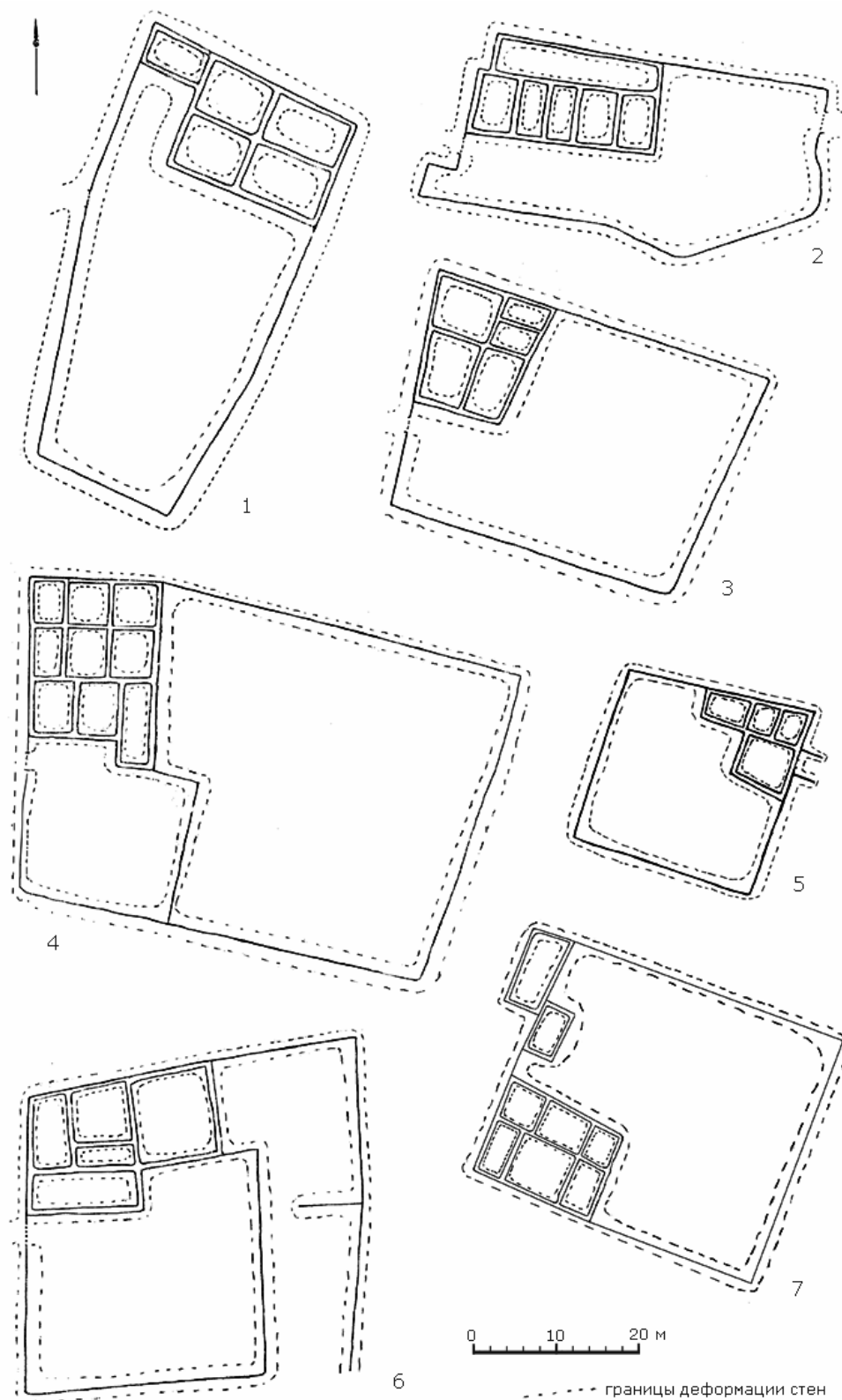

Рис. VI. Городище Сусамырское. Планы отдельных усадеб.
1 – Усадьба 1, 2 – Усадьба 2, 3 – Усадьба 3, 4 – Усадьба 4, 5 – Усадьба 6, 6 – Усадьба 7, 7 – Усадьба 8

по странам света. Весьма сложный комплекс построек расположен в северо-западном углу. Вдоль северной стены от самого угла вытянулось большое помещение размерами 20×4 м. Это или хозяйственное, или производственное помещение. К югу от этого помещения расположена анфилада из пяти комнат. В длину они ограничены одной общей стеной. Равная для всех пяти комнат длина достигает 7 м. Ширина комнат разная, от 3,5 м до 5 м. Комплекс построек занимает около одной трети усадьбы.

Усадьба 3 (рис. VI. 3). В плане неправильный четырехугольник неправильной ориентировки, приближающийся к ориентировке сторонами по странам света. Размеры четырехугольника: 38×26 м. Комплекс построек находится в северо-западном углу. Он состоит из пяти комнат, имеющих неправильные планы. По-видимому, это связано с неправильностью плана всей усадьбы. Две комнаты расположены вдоль западной стены. Размер угловой комнаты: $\langle 6,5-7,6 \times 6 \rangle^4$ м, а комната к югу от нее — $\langle 4,8-6 \times 7,6 \rangle$ м. Остальные три комнаты расположены в ряд с севера на юг. Размер северной — $\langle 4,8 \times 2,4 \rangle$ м, средней — $\langle 4,5-4,8 \times 3,2 \rangle$ м; южной — $\langle 4-5,2 \rangle \times \langle 7,6 \rangle$ м. Высота холма, образованного разрушением комплекса построек, не превышает 1 м.

Усадьба 4 (рис. VI. 4). В плане неправильный четырехугольник с ориентировкой, близкой к ориентировке сторонами по странам света. Размеры: 53×38 м. Северо-западный угол занят комплексом из девяти комнат, расположенных по три в ряд. Общие

размеры комплекса: 18×13 м. В северном и среднем ряду западные комнаты несколько меньше по размерам (6×4), чем остальные, достигающие размеров 6×5 м. В южном же ряду западная комната имеет меньшие размеры в ширину, но в длину она достигает 9,5 м. Южную часть вдоль западной стороны описываемой усадьбы занимает невысокая площадка со следами культурных наслоений (до 0,2 м). Остальную территорию усадьбы составляет гладкая площадь, не имеющая заметных следов культурных наслоений.

Усадьба 5 (рис. VII). Единственная усадьба на левобережной части поселения, где были произведены раскопочные работы (Раскоп 3). Сама усадьба прямоугольная в плане, ориентированная углами по странам света. Ее общие размеры: 34×27 м. Комплекс жилых построек общими промерами 24×10 м расположен вдоль всей юго-западной стены. Следы хозяйственной постройки видны довольно ясно в северном углу; ее промеры 7×4 м. Комплекс жилых построек включает в себя, по-видимому, и производственные помещения, выделяющиеся своими размерами. Весь он по внешним данным делится на четыре помещения довольно сложного взаимного расположения. В юго-восточном конце постройки ясно видны две комнаты размерами 10×5 м и 10×7 м. Западины в них доходят почти до уровня двора. Третья от южного угла комната представляет площадку, оконтуренную валиком оплывшей стены размером 5×6 м. Внутреннее пространство ее имеет наименьшую западину. Ее юго-западная сторона не составляет общей линии с соответствующей стороной первых комнат, а имеет уступ внутрь усадьбы до 4 м. Поэтому ее ширина равна всего 6 м. Четвертая, северная комната, вытянута вдоль северо-восточной стены. Внутреннее пространство ее представляет западину, доходящую в центре до уровня двора. Размер: 10×4 м. Она стоит особняком по своему взаимному расположению. Это дает возможность считать ее производственным или хозяйственным помещением.

«Раскоп 3». По нивелировочным данным, наибольшая толщина культурных наслоений на раскопе достигла 0,61 м. Это и определило хорошую сохранность нижних частей сооружений. Были расчищены основания глинобитных стен, полностью повторяющих план, видный до начала вскрытия по валикам и западинам. Стены были небольшой толщины (около 0,5 м), стояли прямо на почвенном слое без какого-либо фундамента. Валики, образовавшиеся от оплыва стен, имеют сред-

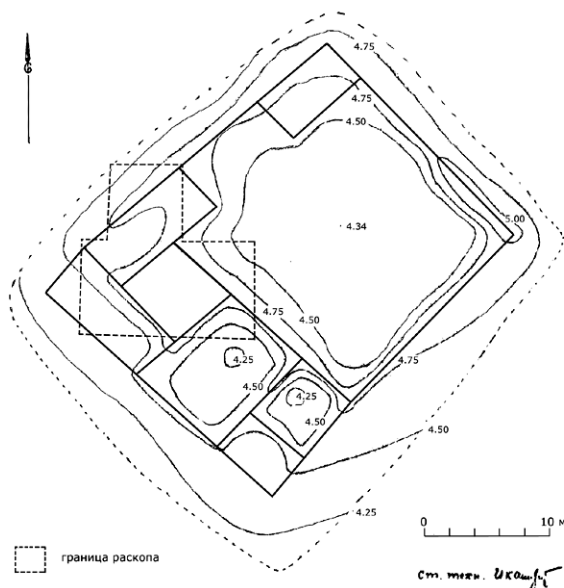

Рис. VII. Городище Сусамырское. Усадьба № 5. План и границы раскопа 3

ную высоту 40–50 см. Дерновый слой, образованный корневой системой степной растительности, достигает 25–30 см, на всю эту глубину всякие различия в цвете и плотности культурных наслоений стерлись. И только нижележащие слои в 15–20 см сохранили некоторые различия в своей структуре. Разумеется, что при таких условиях полуметровые по толщине глинобитные стены очень плохо сохранились и их трудно расчистить. Действительно, несмотря на то что валы, перекрывающие стены, расчищались на большом протяжении, нам нигде не удалось обнаружить остатки стен, даже в самом их основании. При снятии наслоений в раскопе было установлено, что они составлены твердыми глинистыми наплавами, в которых изредка отмечаются пятна прокаленной земли, золистые линзы и др. Из вещевого материала основу составляет керамика (рис. VIII), реже встречаются кости животных и очень редко – изделия из железа.

Из общего количества 113 фрагментов керамики, полученных в описываемом раскопе, на долю станковой падает – 56, а на долю лепной – 57 фрагментов. Станковая керамика высокого горнового обжига, но в тесте очень часто есть примеси серого песка, дресвы, кварцевой массы и др. Глина в изломе красного, желтого и желтовато-серого цветов.

Только в трех случаях отмечен орнамент в виде спаренных и одиночных круговых врезных линий по верхней части сосудов. Очень редко встречаются сосуды с ангобом, покрытым лощением. Формы станковой керамики: хумы, кувшины, горшки. Зарегистрирован фрагмент гончарной трубы (водопроводной?). Лепная посуда была преимущественно кухонной, о чем свидетельствуют крупнозернистые примеси, применявшиеся для огнеупорности, а также закопченность внешней поверхности сосудов.

Вещи из других материалов представлены только сильно коррозированным фрагментом железного ножа. Не очень часто встречаются кости животных.

Правобережная часть Сусамырского поселения также тянется вдоль берега р. Тунук начиная от террасы р. Сусамыр и до дороги Калининское – Сусамырская МТС. К северу от дороги размещаются постройки колхоза «Тунук». Если здесь и были постройки древнего поселения, то они были распланированы при возведении современных сооружений.

Описываемая часть городища носит характер еще большей рассредоточенности, хотя

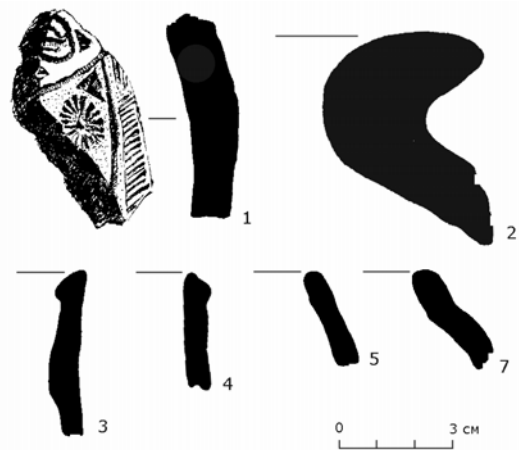

Рис. VIII. Городище Сусамырское. Раскоп 3.
Гончарная керамика

и здесь есть отдельные группы остатков построек, расположенных компактно. В южной части, близ поймы р. Сусамыр отдельные усадьбы отстоят друг от друга на расстоянии от 25 до 50 м. Отмечены смежные усадьбы – две и более штук. Усадьбы имеют подквадратные или прямоугольные планы, очень редко имеют форму неправильных многоугольников. Ориентировка самая различная. В одной части их расположены остатки построек, занимающие, как правило, небольшую часть усадьбы. Остальная часть выглядит как плоский двор.

У с а д ь б а 6 (рис. VI. 5). В плане неправильный четырехугольник размерами 23,5 × 24 м, ориентированный не совсем точно сторонами по странам света. Комплекс построек занимал северо-восточный угол и состоял из четырех комнат. Три комнаты вытянуты вдоль северной стены в ряд. Две из них подквадратной формы размерами 4 × 4 м, а самая западная – вытянутая – 6 × 4 м. Четвертая комната примыкает к восточной стене и двум подквадратным комнатам, ее размеры: 7 × 6 м. Площадь двора совершенно плоская и несколько не возвышающаяся над окружающей местностью.

У с а д ь б а 7 (рис. VI. 6). Представляет неправильный четырехугольник общими размерами 40 × 37 м. Она состоит из двух частей: основной (с комплексом жилых построек) и дополнительной (примыкающей с востока).

Основная часть представляет в плане ограниченную валами по всему периметру шестистороннюю фигуру. Северную часть ее занимает комплекс построек из пяти помещений сложного взаимного расположения. Помещения были различных размеров – от 7 × 3 м до 11 × 10 м. Общие размеры комплекса построек описываемой усадьбы: 22 × 13 м.

К описанной основной части усадьбы с востока примыкает дополнительная часть, не имеющая признаков построек. Она, в свою очередь, делится на два участка: северный и южный. Их делит валик, оставляющий неширокий проход. В южном конце эта пристройка не замыкается валом, который, возможно, был, но до настоящего времени не сохранился. Размеры западной пристройки: 38 x 12 м.

Усадьба 8 (рис. VI. 8). Почти правильный прямоугольник, ориентированный углами по странам света, размерами 35 x 30 м. Комплекс жилых построек из шести помещений общей площадью 15 x 11 м занимает западный угол. Комнаты расположены вдоль юго-западной стены четырехугольника двумя рядами по три комнаты в каждом. Размеры комнат от 5 x 4 м до 7 x 6,5 м. Кроме этого комплекса помещений у северо-западной стены есть следы еще одного небольшого помещения размерами 4 x 6 м. Это, видимо, хозяйственная постройка.

Кроме усадеб с комплексом построек в правобережной части часто встречаются, оконтуренные валиками турткули без следов за-

стройки. Их назначение трудно объяснить. По-видимому, они являлись подсобными сооружениями отдельных усадеб. Размеры одного такого турткуля: 40 x 40 м.

Далее к северу, на третьей террасе (примерно в середине заселенной полосы правобережья) против центрального укрепления на левом берегу, находится участок, застроенный плотно. Он в настоящее время имеет вид небольших, но разнящихся размерами ячеек (от 4 x 5 м до 10 x 15 м), которые являются остатками как отдельных помещений в комплексе зданий, так и дворигов и других площадок, не имевших застройки.

Участок, прилегающий к дороге с Калиниское – Сусамырская МТС, застроен наименее интенсивно. Здесь отдельные постройки или группы построек перемежаются с значительными пустырями. На западной окраине описываемого участка хорошо видны большие валики, ограничивающие значительные площади.

Один из них имеет площадь 200 x 100 м. Смежный с ним, но расположенный еще западнее имеет размеры 180 x 180 м. Валики имеют высоту до 0,5 м и ширину по основанию 4-6 м.

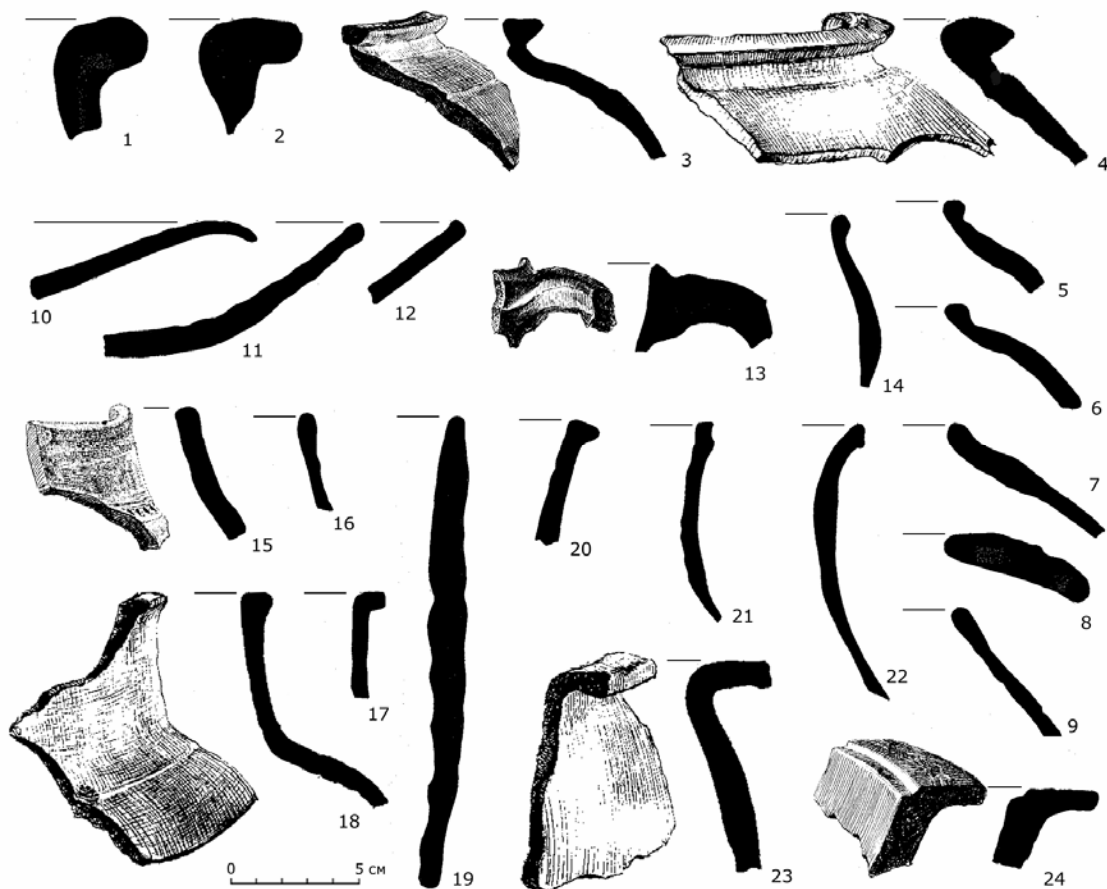

Рис. IX. Городище Сусамырское. Подъемная керамика.
1, 4, 6-8, 14, 21, 23-24 – лепная, 2-3, 5, 9-13, 15-20, 22 – гончарная

Правобережная полоса застройки подходит к дороге с. Калининское – Сусамырская МТС. Весьма вероятно, что она простиралась и далее к северу, но при сооружении построек с. Тунук их следы были уничтожены. В пользу застроенности и этого участка говорит наличие длинного вала, ограждавшего его. Вал этот зарегистрирован небольшим отрезком всего 170 м на клеверном поле, поле под паром и на пустыре. Его направление – с СВ на ЮЗ, идет он почти по прямой. Южный конец вала в 350 м от шоссе. Если этот вал проектировать на валы, ограждающие большие пустыри (200 × 100 и 180 × 180 м), то он совпадает с ними. На этом участке также есть отдельные усадьбы.

Усадьба 9. В плане неправильный четырехугольник размерами 30 × 20 м, ориентированный сторонами по странам света, с отклонением на 10°. В северной стороне одну треть площади занимает комплекс построек, состоящий из помещений размерами от 2 × 5 м до 7 × 7 м.

На одной из усадеб был заложен шурф, площадью <...> м². Были прорезаны плотные глинистые наплавы. Остатков построек или других признаков, делящих культурные наслоения, нет. Керамика встречена в единичных случаях в виде лепных фрагментов.

Таким образом, все признаки, характеризующие Сусамырское городище, – незначительная толщина культурных наслоений на самых интенсивно обжитых участках, чрезвычайная рассредоточенность их застройки – говорят о том, что жизнь в этом поселении была относительно непродолжительной. Полученный в раскопах, а также подъемный (рис. IX) керамический материал, имеющий прямые и косвенные аналогии с материалом Чуйской долины, позволяет определить это время – XI–XII вв.

Приведенные выше данные о недолговременности существования поселения, плохой сохранности наиболее мощных укреплений его центральной части, а также других сооружений, лишают возможности сделать сколько-нибудь значительные шаги в решении вопроса о сейсмичности района его расположения.

Сам же памятник в археологическом отношении представляет большой интерес как объект, свидетельствующий о широком распределении оседло-земледельческой жизни на территории Киргизии и даже в столь высокогорных местах, как долина Сусамыра.

Вскрытая всеми раскопами площадь (433 м²) дала возможность только наметить

хронологические рамки жизни поселения. Нужны также еще более тщательные наблюдения за топографической структурой поселения.

Городище близ с. Каирма (Чаекское городище)

Стоит над краем правой надпойменной террасы р. Джумгала в 0,5 км к югу от с. Каирма Чаекского района. К северу от городища, почти сразу же за его стеной, начинается очень обширный район выклинивания подземных вод, создающий заболоченную местность, прорезанную в нескольких местах ручьями, собирающими подземную воду. Вероятно, внутри городища был водоем, питаемый подземными водами. Это вполне допустимо, т.к. в обрывах террасы, на краю которого стоит городище, выклинивается серия ключей. Как видим, местоположение городища стратиграфически очень удачно: почти полная недоступность со стороны р. Джумгал (обрывистая речная терраса), заболоченная местность затрудняла подступы к укреплению с запада, востока и особенно с севера. Близость подпочвенных вод обеспечивала водой в случае военной опасности (рис. X).

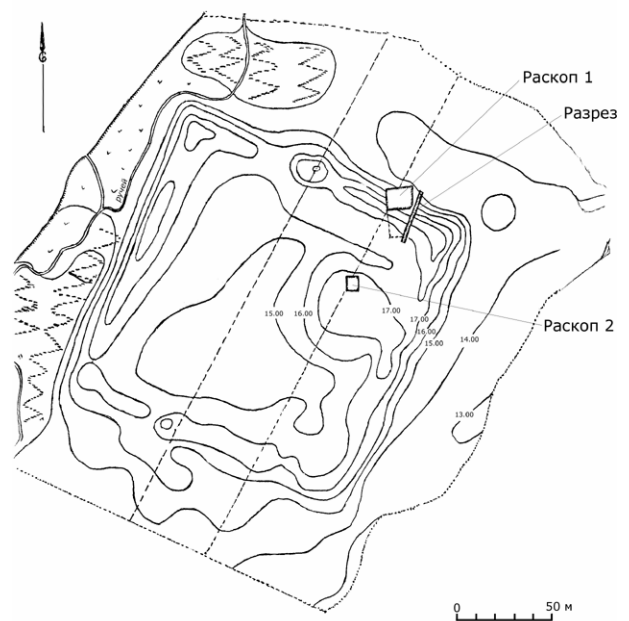

Рис. X. Городище Каирминское. План

Само городище подквадратной формы, ориентированное углами по странам света. Ориентировка обусловлена направлением надпойменной террасы р. Джумгал, вдоль края которой проходит юго-восточная сторона укрепления.

Оплывшие стены (валы) городища в настоящее время имеют высоту до 4 м и ширину по основанию до 25 м. Стены были усилены

башнями, расположенными по всем четырем углам и в пролетах стен.

В северо-восточной стороне, имеющей длину 175 м, было, кроме угловых, еще две башни. Между северной угловой башней и следующей за ней в пролете стены был один из въездов. Он оборонялся в основном не угловой башней, а расположенной в пролете, холм которой превосходит размерами остальные: он гораздо выше и выступает за линию стен значительно дальше.

В северо-западной стене такой же длины было три башни, кроме угловых. Они расположены на равных расстояниях. Эта стена была глухой, в ней не видно следов проемов. Угловые башни отличались массивностью, об этом свидетельствует оплывший холм западной башни, верх которого в настоящее время представляет обширную площадку.

В юго-западной стене, имевшей точно такую же длину, был еще один въезд, он находился, как и в северо-восточной стене, между угловой башней и второй, но ближе к углу. Въезд был меньших размеров (это видно по проему). Холмы башен, оборонявших его, не имеют такой массивности, как в северо-восточной стене. Башни в пролетах этой стены не выделяются так четко, как в описанных выше. Их две, и они составляют один очень длинный холм в центральной части стены. Второй неглубокий проем в этой стене близ южного угла образовался, вероятно, за счет выемки земли для постройки неизвестного назначения, следы которой в настоящее время представляют бугор, расположенный внутри городища против проема. Диаметр бугра – 12 м, высота – 1,3–1,4 м. По-видимому, эта постройка была сооружена после запустения городища.

В юго-восточной стороне, идущей вдоль обрыва надпойменной террасы, в пролете было три симметрично расположенных башни. Стена сильно оплыла во внешнюю сторону. Оплыв стены на склоне террасы образовал небольшой карниз. В стене был третий въезд, размещавшийся ближе к восточному углу, западнее первой пролетной башни. Въезд через эти ворота осуществлялся по пандусу, проходившему вдоль обрыва надпойменной террасы.

Почти против въезда внутри укрепления находится большой холм значительных размеров и высоты, достигающей уровня гребня внешних валов.

Кроме этого бугра, являющегося остатками сооружения, других значительных построек в Каирминском городище не было. В за-

падной части отмечается значительное понижение – вероятно, хауз. Для характеристики интенсивности застройки внутреннего пространства сделано два разреза. Они показали, что по линии, проходящей через центр внутреннего холма, культурные наслоения имеют следующую мощность: между холмом и северо-восточной стеной они достигают метровой толщи, а между холмом и юго-западной стеной – от 0,5 до 1 м. В западной части, по линии, проходящей мимо внутреннего холма, культурные наслоения гораздо меньшей мощности. В северо-восточной части они достигают у самой стены 1 м, а ближе к центру снижаются на нет. Весь западный угол до центра городища не возвышается над уровнем окружающей местности. В середине этого участка ясно видна заплывшая западина – вероятно, след хауза, наполнявшегося подпочвенной водой.

По стенам городища и во внутренней его части весьма редко, но все же встречается подъемный материал: фрагменты керамики, шлаки, кричное железо. В юго-западной стене в 80 м от западного угла найдены боковины больших размеров глиняного сосуда – (хума), закопанного на гребне стены.

Для изучения внешней стены городища были произведены раскопки. Для того чтобы выяснить причины и процесс разрушения стен городища, нужно было тщательно исследовать на значительной площади наплывы по обе стороны современных валов, а также сохранившуюся часть стены.

С этой целью мы вначале прорезали стену поперечной траншеей шириной 2 м и длиной 26 м (рис. XI). Это помогло выяснить границы стены, структуру напластований, образовавшихся от разрушений ее верхней части. Все эти данные были коррективами при изучении стены и башни.

Раскоп 1. Для расчистки последних (стены и башни) мы разбили раскоп северо-восточного вала городища погонной длиной 14,5 м, из них 8 м падают на пролет стены, а остальные – на башню. Боковые наплывы на этом отрезке вала с обеих сторон снимались полностью, до дневной поверхности. При такой разбивке получился раскоп площадью 377 м² (14,5 × 26 м).

Профили внешнего наплыва в траншее показывают, что они образовались от медленного разрушения верхней части стены. Нигде не встречено более или менее крупных глыб

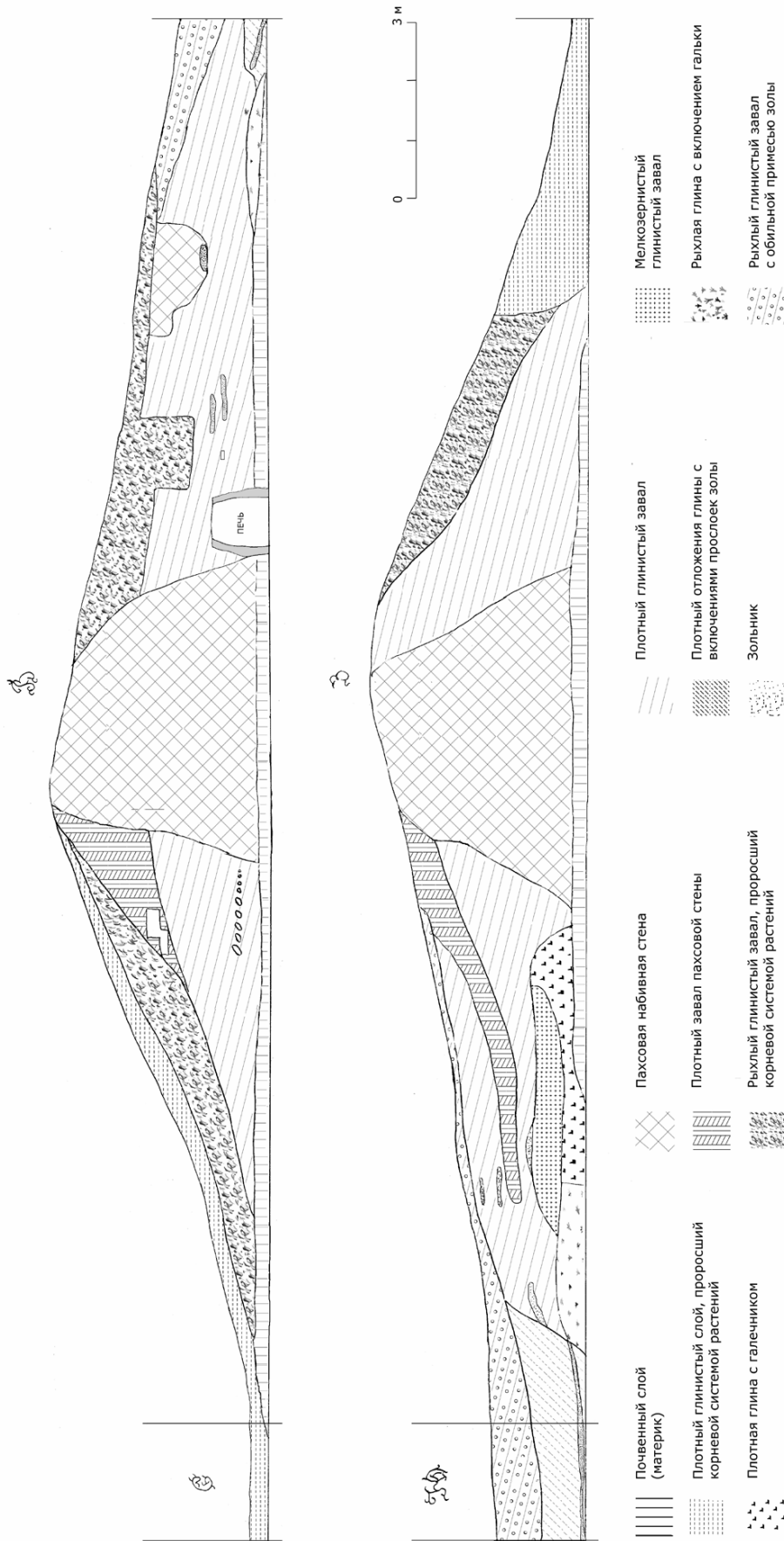

Рис. XI. Городище Каирминское. Разрез северо-восточной стены. Профили раскопа

обвалившейся пахсовой кладки. Всюду мы сталкиваемся с бесструктурными, различной плотности наплывами. Следует отметить, что на глубине 2,5 м от гребня вала в наплыве встречена горизонтальная каменная выкладка площадью $2,5 \times 1,5$ м, выше нее полосой в 5 м вдоль пролета стены наблюдался плотный завал из кусков пахсы толщиной в 0,5 м. Если считать, что он образовался от какого-то разрушения стены, то это было уже не первое ее разрушение, т.к. этот слой лежит на полутораметровом слое заплывов и завалов, образовавшихся ранее. Мощность слоя всего в 0,4–0,5 м и ширина в 0,5 м не свидетельствуют о катастрофическом обвале. Выше этого слоя лежат наплывы, в которых во многих местах и на разных уровнях зарегистрированы зольные прослойки, свидетельствующие о постепенном их нарастании.

Ниже описанного полуметрового слоя до самого основания стены не было отмечено больших скоплений пахсы, которые свидетельствовали бы о катастрофическом разрушении стены в начальный период запустения городища.

Профили внутреннего наплыва в траншее дают нам ту же картину. Ниже верхнего яруса полоса до 7 м вдоль стены состояла из тонких слежавшихся завалов, заплывов, четко отделяющихся друг от друга. Между этими прослойками зарегистрированы зольные пятна, фрагменты керамики, трубчатые кости животных, мелкие фрагменты кричного железа. Ниже снимались глинистые слои с большим количеством гальки. Гальки в пахсовой кладке стены нет, следовательно, она попала сюда из другого места и не с обвалом разрушающейся стены.

Прилегающая к стене площадь имеет культурные наслоения, достигающие 1,5 м и состоящие из золы, перемешанной с глиной. Они густо насыщены вещевым материалом – керамикой, костями животных и, особенно, кричным железом. Так, в самом юго-западном конце траншеи на площади 2×4 м обнаружено 128 кусков кричного железа различной величины.

У самого основания стенки была расположена печь цилиндрической формы с некоторым расширением книзу: диаметр сверху – 0,9 м, внизу – 1,1 м. Высота печки – 1,05 м, толщина стенок – 0,1–0,2 см. Печка типа тандыра; она топилась сверху – других отверстий в ней не было. Внутренняя обмазка и сама стенка печи на значительную глубину прокалилась.

С такими же явлениями, как были отмечены при разрезе стены поперечной траншеей, мы сталкиваемся при снятии оплыва с внешней стороны вала. Мелкие куски пахсы встречаются повсеместно, но нет таких скоплений, которые бы свидетельствовали об одновременном их появлении. Мы особенно тщательно наблюдали за расчисткой основания стен, где при резком одновременном разрушении еще целой стены должны были быть следы этого разрушения. Здесь, наоборот, мы встретились с явными признаками медленного разрушения стен – тонкие слои рыхлых мелких завалов, разделенных тонкими слоями наплывов.

О медленном разрушении расчищенного участка стены говорит ее сохранность, особенно плоскости, обращенной во внешнюю сторону. Сохранившись на высоту более 8 м эта сторона стены на высоту до 1 м от основания имеет штукатурку. Выше ее плоскость местами обвалилась на толщину до 20 см, но есть значительные участки, сохранившиеся полностью. На плоскости стены нет трещин и следов деформации.

Внутренний оплыв стены в верхних слоях на метровую глубину состоял из рыхлых завалов, насыщенных зольными прослойками. В значительных количествах встречается вещевая материя: куски кричного железа с прилипшими к ним древесными угольками, кости животных и фрагменты керамики. Особенно много было зарегистрировано кусков кричного железа в юго-восточном углу (на площади 40 м^2 собрано 258 кусков железа).

С внутренней стороны стена сохранилась гораздо хуже. На всем расчищенном отрезке мы не встретили ни одного сохранившегося участка первоначальной плоскости, это объясняется двумя причинами. Во-первых, тем обстоятельством, что в Джумгальской долине господствуют западные ветры. Наблюдения за большой серией гумбезов XVIII–XIX вв. показали, что у всех сооружений из сырцового кирпича и глинобитных в наиболее разрушенном состоянии оказывались стороны, обращенные к западу. Именно в этих частях начинаются обвалы и часто можно наблюдать, когда западная часть сооружения рухнула, а остальная стоит.

Во-вторых, в разрушении внутренней плоскости стены Каирминского сооружения немаловажную роль сыграла деятельность людей, посещавших брошенное укрепление или временно живших здесь и оставивших

многочисленные следы своей деятельности – в виде печей, очагов, зольников, металлургических шлаков и пр. Некоторые очаги были сделаны в толще стены. Выше был отмечен тандыр, стоявший прямо у плоскости стены.

Охарактеризуем теперь саму стену, насколько это позволяют сделать сохранившиеся от нее остатки. Поперечный разрез стены, контрольные шурфы ниже ее основания и защищенная плоскость с внешней стороны говорят о том, что она сооружалась прямо на расчищенной почве без фундамента или заглубления. На всю ширину возводилась сплошным массивом. Но по высоте кладка производилась отдельными слоями, достигавшими 86–88 см. Эти огромные по толщине и высоте слои, укладывавшиеся одновременно, при высыхании давали массу трещин, иногда значительных по ширине. В разрезе вся толща стены выглядит не как монолит, а как сильно растрескавшаяся масса с трещинами шириной до 0,5 см.

Внешняя восточная плоскость стены внизу на высоту 0,9–1,1 м сохранилась полностью. Здесь она разделана под блоки глубокими и широкими надрезами. Это, вероятно, делалось для того, чтобы поверхностные слои глинобитной массы не давали трещин при высыхании. Но это не были блоки, т.к. поперечный разрез и разрез внешней плоскости дают сплошную массу без каких-либо признаков швов между блоками. Нельзя сказать, были ли такие надрезы в средней полосе стены (до 3 м), а в верхней их, вероятно, не было, т.к. в углу, образованном стеной и башней, часть плоскости сохранилась и надрез на ней не видно. Но, возможно, что надрезы были по всей плоскости, т.к. сохранившаяся площадь небольшая и может являться центром «блока». По высоте блоки имели один размер – 0,85 м, т.к. их ограничивал один горизонтальный прорез, а по длине размеры их колеблются от 0,8 до 1 м.

Техника надрезов глиняной массы стен под блоки как строительный прием была широко распространена в раннем Средневековье [Агеева, Пацевич 1958].

Размеры самой стены: ширина у основания – 5 м, сохранившаяся высота – 3,6 м. Вверху ее ширина была значительно меньше. Об этом свидетельствует сохранившаяся плоскость у самого основания стены, где наклон ее составляет около 6°. Промеры стены в разрезе и объемы боковых наплывов позволяют считать, реконструируя стену, что ее высота была не менее 7–8 м, ширина по верху около 3 м.

Мощность стены значительно увеличилась за счет башен, обеспечивавших фланговую оборону их. Башни были прямоугольные, они выступали за линию стен на 3,85 м, ширина башни 6,2 м. У оснований башни, как и в пролете стены, видны надрезы под блоки, имеющие такие же размеры, как и в пролете.

В северо-восточной стороне башни, на уровне 0,85 м от основания, в теле ее расчищен очаг с остатками золы и древесных углей. Ширина его – 0,7 м, высота – 0,9 м. Этот факт свидетельствует также о постепенном разрушении стен и башен городища.

Перед башней в 1 м к северо-востоку на дневной поверхности была расчищена каменная выкладка размером 3 x 3 м из камней средней величины.

<В ходе выполнения разреза была собрана серия керамики (рис. XII)>.

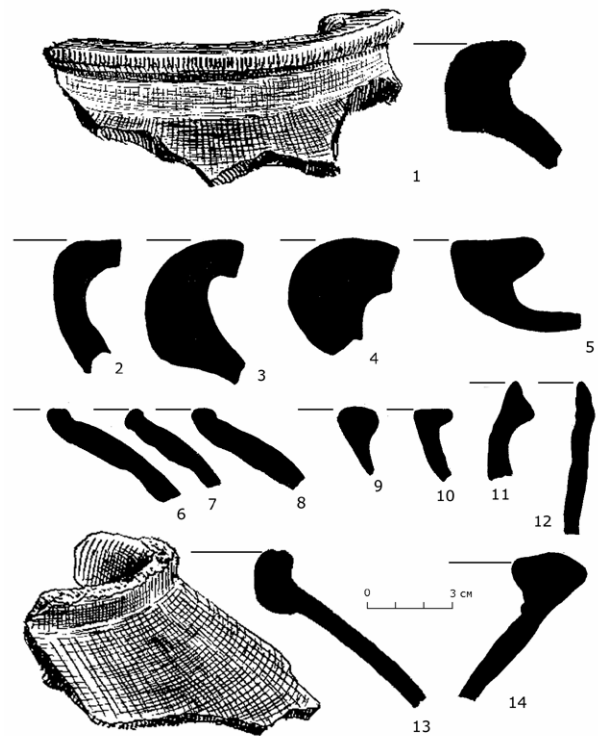

Рис. XII. Городище Каирминское. Разрез северо-восточной стены. Керамика. 4-5, 7-8 – лепная, 1-3, 6, 9-14 – гончарная

Раскоп 2. Начат на внутреннем холме, представляющем оплывшие развалины какой-то постройки. Холм расположен близ юго-восточной стены так, что его оплывы и оплыв стены соединяются, он выступает внутрь городища до 50 м, а вдоль стены простирается до 60 м.

На этом холме в северной части разбит раскоп площадью 6 x 8 м. Место для раскопа выбрано с таким расчетом, чтобы захватить

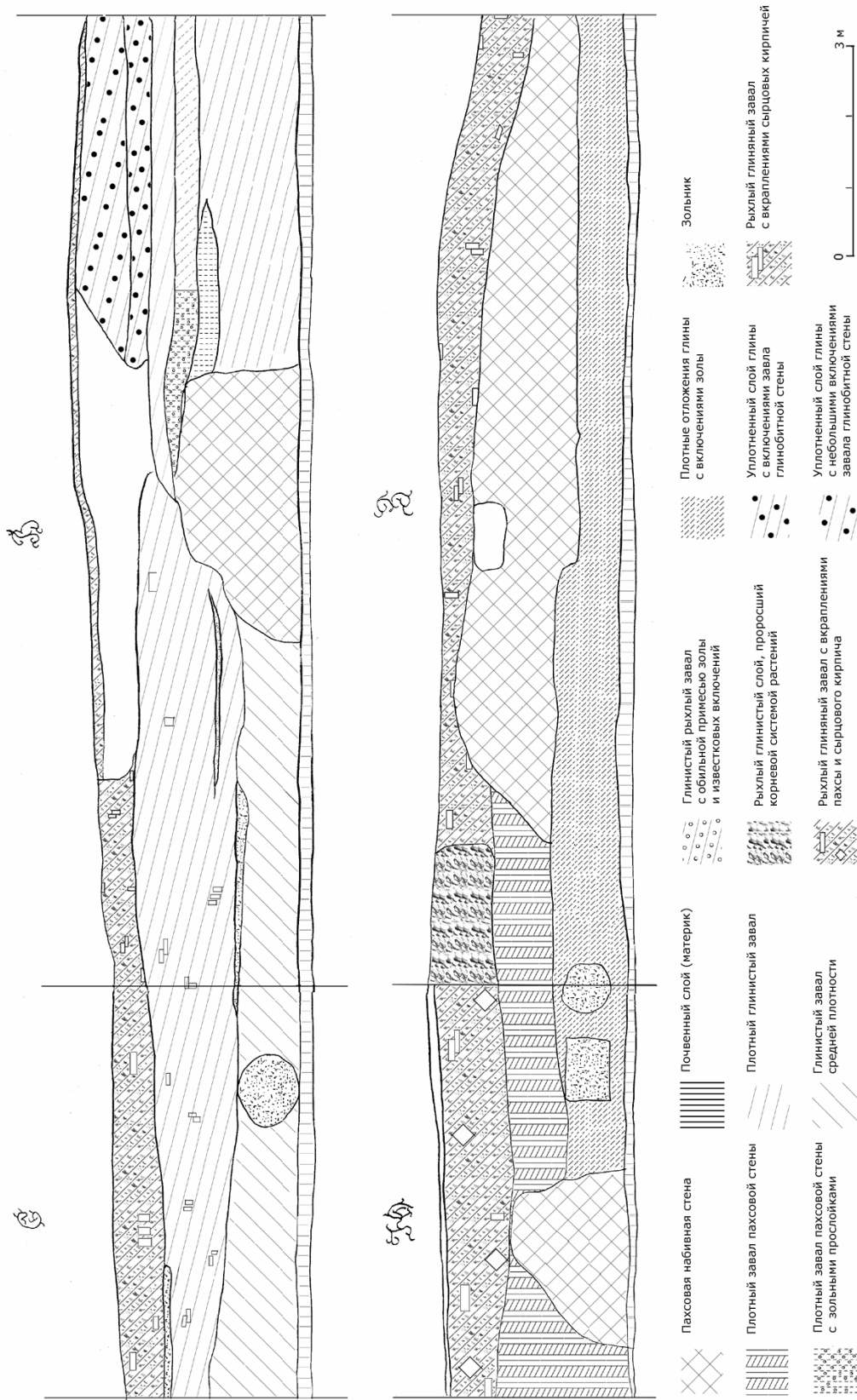

Рис. XIII. Городище Каирминское. Раскол 2. Профили раскопа

внешнюю стену постройки, если такая была, и значительную площадь внутреннего пространства постройки. Поэтому в раскоп включена значительная часть склона холма, а другой его конец доходит почти до центра холма. На площадке раскопа имелась западина до 0,2 м (Рис. XIII).

Первый полуметровый ярус в основном состоял из рыхлой засыпки и завалов мелкобитого сырцового кирпича или пахсы, но в нем обнаружены и погребения, и выкладки из сырцового кирпича, и вымостки из жердей.

В квадратах Е-8, Ж-7, З-8 и З-7 на глубине 0,4–0,5 м в завале мелкобитого кирпича встречены целые экземпляры размерами 42 × 21 × 11 см.

В квадрате З-8 на глубине 0,4 м обнаружен детский костяк, анатомическое положение нарушено, контуры могильной ямы не прослежены.

В этом же квадрате на глубине 0,38 м расчищены два полуистлевших бревна: одно из них, длиной 1,8 м и диаметром 6–10 см, лежало под небольшим углом вдоль северной стенки раскопа, второе, длиной 1,1 м, диаметром 7–12 см, – перпендикулярно к первому.

Под вторым бревном находилась выкладка из сырцового кирпича, имевшая направление то же, что и первое бревно. Она состояла из двух рядов сырцовых кирпичей, лежавших рядом. Один ряд состоял из шести кирпичей общей длиной 1,29 м, а второй – из четырех кирпичей общей длиной 1,05 м. Кирпичи во всю длину не сохранились (наибольшая длина 34 см), а ширина 20–21 см и толщина 8–10 см сохранились у всех.

В квадратах З-7 и З-6 в 1,1 м от восточной стенки раскопа отмечено бревно длиной 1,9 м и диаметром 10–16 см. В квадрате Ж-6 на глубине 0,4 м расчищены еще три бревна, лежавших рядом, их длина – 0,5–1,08 м, диаметр – 5–9 см.

По остальной площади раскопа шла мягкая засыпка с включением керамики и костей животных.

Во втором полуметровом слое в самом его начале (на глубине 0,55–0,65 м) проступила твердая зеленоватого цвета поверхность, напоминающая пол, которая прослеживается на площади 6 квадратов. Толщина пола – 5–8 см.

На глубине 0,5 м в квадратах Е-6 и Е-5 расчищена вымостка из сырцового кирпича размерами 1,8 × 1,2 м. Вымостка не имеет правильных рядов, края одних кирпичей наложены на края других. Кирпичи очень грубой формовки, их размеры: 40–42 × 19–21 × 10–12 см.

В квадрате Е-8 вдоль западной стены проходит траншея размерами 2,8 × 1,1 м, забутованная сырцовым кирпичом. Более или менее правильной кладки проследить не удалось. Размеры кирпича: 34 × 27 × 7 см, 34 × 31 × 7 см, 42 × 22 × 10 см, 40 × 19 × 8 см.

На глубине 0,9 м в квадратах Е-8, Ж-8, З-8 зачистился очень плотный слой. От него вышележащая засыпка отделялась очень четко.

На границе квадратов Ж-7 и Е-7 обозначались контуры могильной ямы овальной формы. Костяк находился на глубине 0,9 м, ориентированный головой на запад, лежит на спине. Ниже костяка яма продолжалась, и стенки ее стали прослеживаться гораздо яснее. На глубине 1,9 м в яме обнаружена печь из сырцового кирпича без раствора; нижние кирпичи положены на засыпку. Высота печи – 0,4 м, ширина – 0,45 м. В печи был 5-сантиметровый слой золы. Ниже печки еще на 1 м шла засыпка из земли с примесью золы, костей животных и фрагментов керамики; на глубине 2,9 м появилось дно ямы. Яма имела овальную форму по всей глубине. Книзу она расширялась – ее размеры поверху 1 × 1,6, а внизу 1,2 × 2 м.

Вернемся к описанию наслоений на остальной площади раскопа. В квадрате Е-7 и Е-6 на глубине 0,8 м оконтурилась яма, заполненная золой. Яма овальной формы – 1,6 × 2, глубиной 0,75 м. На дне ямы лежал костяк, ориентированный головой на запад, на спине, с вытянутыми руками. На границе квадратов Ж-6 и З-6 расположены две могильные ямы овальной формы по линии В-З. В обеих – костяки головой на запад, вытянутые на спине. Рядом с первой могилой найден киргизский серп. В квадрате Е-5 у самой южной стенки овальная могильная яма с таким же труположением. В квадратах Ж-5 и З-5 у южной стенки – еще одна яма с несколько иным труположением: на правом боку, с чуть согнутыми в коленках ногами.

В квадратах З-5 и З-6 зачищена вымостка из восьми хорошо сохранившихся сырцовых кирпичей размером 40 × 20 × 9 см.

В квадрате Е-6 в западной стене раскопа обнаружена часть печи с остатками золы. Печь из сырцового кирпича с прямыми стенками, верх сводчатый, ширина 0,6 м, высота 0,5 м. Часть печи была разрушена могильной ямой с вытянутым на спине костяком, ориентированным головой на запад.

В квадрате Е-5 в южной стенке раскопа обнаружена ниша, в которой расчищены фрагменты хума. Вероятно, хум был зарыт позже.

Третий полуметровый ярус. С началом верхней границы обозначалась стена, которая проходит от юго-западного угла квадрата Е-6 наискось в квадрат Е-5, затем вдоль его северной границы в квадрат Ж-5 до его северо-восточного угла, где поворачивает на север, образуя прямой угол и продолжается до середины квадрата Ж-7. Обе стены уходят ниже границы третьего яруса.

Четвертый полуметровый слой расчищался в указанных квадратах. Стены доходят до его нижней границы и кончаются в начале пятого слоя на глубине 2,1 м. У основания стен в квадрате Ж-6 зачищена вымостка округлой формы, диаметром 1,1 м, из камней размерами от $6 \times 8 \times 8$ см до $6 \times 12 \times 5$ см.

В этом же горизонте в квадратах Ж-8 и З-8 по их южной границе обнаружена часть стены, которая на востоке уходит под обрез раскопа, а на западе обрывается в квадрате Ж-8. Стена глинобитная. В средней ее части сверху донизу проходит щель, сделанная строителями, разрушающая стену до половины ее толщи. Длина стены – 2,4 м, высота – 0,95 м, толщина внизу – 0,7 м, сверху – 0,4 м.

На остальной площади раскопа в четвертом ярусе наслоения состояли из рушенной пахсы, зольников, завалов.

Раскоп был доведен до уровня расчищенных стен на глубине 2,1 м (рис. XIII). При выполнении раскопа было найдено значительное количество кричного железа и керамики (рис. XIV, XV).

Поскольку раскопом квадратов Е-8, Ж-8 и З-8 не удалось обнаружить предполагаемую северную стену монументального сооружения, от которого остался внутренний холм, было решено расширить раскоп к северу с тем, чтобы захватить почти весь северный склон холма и определенно решить вопрос о наличии или отсутствии монументальной внешней стены под холмом. Прирезка обозначена квадратами Е-9, Ж-9 и З-9. При снятии наслоений отмечались наплывы и завалы с включениями костей животных кусков кричного железа, дерева, фрагментов керамики, целых и битых сырцовых кирпичей. В квадрате З-9 на глубине 1,1 м была обнаружена выкладка из сырцового кирпича неопределенной формы, размерами $1,2 \times 1,5$ м. Кирпичи лежали на очень твердой площадке, имеющей площадь $1,2 \times 3$ м и мощность 0,4 м.

Раскоп на этих квадратах доведен до глубины 2 м. Остатков стены не обнаружено.

Раскопом настолько очевидно прорезана вся толща холма, под которой могли находиться

остатки стены, что этот вопрос для обследованного участка можно считать решенным.

Поскольку на снятой части раскопа площадью 60 м^2 не было с достаточной ясностью прослежено, остатком чего является холм (постройка типа цитадели или чего-либо другого), раскоп был увеличен на 4 м к югу в надежде получить дополнительные данные для решения этого вопроса. Эти четыре метра прирезки приходились как раз на центральную часть бугра (квадраты Е-4, Ж-4, З-4 и Е-3, Ж-3, З-3).

Первый полуметровый ярус прирезанной площади так же, как и на снятой площади, состоял из мягкой засыпи, в которой встречались куски сырцового кирпича и фрагменты керамики.

Во втором полуметровом ярусе на глубине 0,6 м в квадратах З-4, Ж-4 и Ж-3 обнажились верхние части стен, состоящие из двух слоев сырцового кирпича. Остальные части стен глинобитные. Направление стены в квадрате З-4 с юго-востока на северо-запад, длина – 2,6 м, ширина сверху – 0,5 м, внизу – 0,6 м, высота – 1,1 м. Стена, расположенная в квадратах Ж-3 и Ж-4, ориентированная с юго-запада на северо-восток. В северной части она на расстоянии 1,1 м разрезана могильной ямой с костяком, ориентированным головой на запад. Общая длина стенки, включая и могильную яму – 4,7 м, ширина стенки сверху – 0,5 м, внизу – 0,6–0,7 м. В северо-западном конце этой стенки зачищены остатки прямоугольной по форме печи, сложенной из сырцового кирпича. Ширина печи – 1,5 м, сохранившаяся длина – 0,8 м, сохранившаяся высота – 0,5 м. Обе стены соприкасаются. Размеры кирпича стен и печи: $41 \times 20 \times 9$ см.

В квадратах Е-3, Ж-3 и З-3 у основания стены расположены две зольные ямы почти круглой формы. Их диаметр – 1,3–1,4 м, глубина – 0,5 м. Обе ямы доверху заполнены золой с небольшой примесью земли.

В квадрате З-4 под стеной в небольшом углублении было найдено 43 бараньих астрагала.

Раскоп на всей площади прирезки был доведен до уровня всего раскопа (до 2 м).

С двухметровой отметки от северного обреза раскопа начали углубляться. Были зачищены до материка квадраты Е-9, Ж-9, З-9 и Е-8, Ж-8 и З-8. В квадрате З-9 была открыта зольная яма круглой формы, диаметром 1 м. Дно ямы на 5 см углублялось в материке. Весь снятый метровый слой в описываемых квадратах состоял из глиняного завала средней плотности.

Рис. XIV. Городище Каирминское. Раскоп 2. Керамика

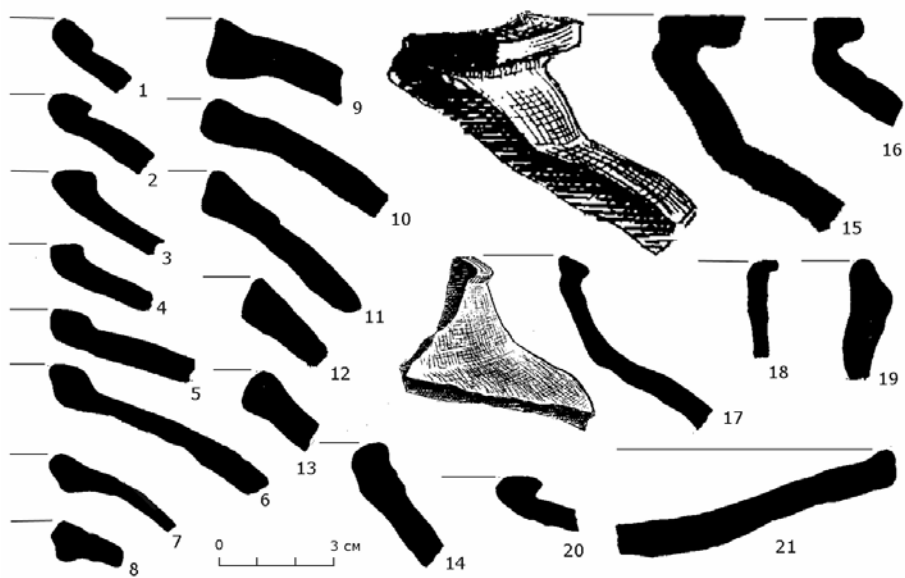

Рис. XV. Городище Каирминское. Раскоп 2. Керамика

При зачистке следующего участка раскопа в квадратах Ж-7, Е-7, Ж-6, З-6 и З-5 были обнаружены глинобитные стены, весьма напоминающие угол строения. Плотность тела стены почти не отличается от плотности ее оплывов. Это объясняется, вероятно, высокой влажностью на этих отметках и долговременным нахождением под вышележащими более поздними наслоениями. В теле стены нет никаких включений, тогда как в оплывах встречаются фрагменты керамики, зольные прослойки и пр. Ширина северного участка стены – 3 м, ширина западного участка – 3,5 м. Сохранившаяся высота – 1,7 м, оба конца (южный и восточный) уходят под обрезы раскопа.

Близ расчищенных стен зарегистрирована серия ям. В квадрате Е-5 зольная яма на глубине 2,5 м, основание ее доходило до материка. Яма круглая, диаметром 0,8 м, заполнена золой, перемешанной с глиной. В квадрате Ж-4 зольная яма размерами 0,5 × 0,7 м и глубиной 0,3 м. В квадрате Е-3 две зольные ямы – одна прямоугольной формы 1 × 0,6 м, другая круглой, диаметром 0,8 м, глубиной 0,5 м. Обе ямы были плотно заполнены золой. В квадрате Ж-3 почти у самой стенки на глубине 2,1 м от поверхности южной стенки раскопа зольная

яма 0,7 × 0,9 м, глубиной 0,4 м, плотно заполненная золой. В квадрате Е-4 две зольные ямы: одна круглая, диаметром 0,7 м, глубиной 0,4 м, другая овальная – 0,6 × 0,3 м, глубиной 0,35 м.

Раскоп на всей площади доведен до материка.

Таким образом, раскоп на холме, расположенном внутри Каирминского городища, показал наличие в нем, по крайней мере, трех строительных горизонтов на отметках 0–0,6; 0,6–1,7; 1,7–3,5 м. Нижний строительный горизонт сохранил следы первоначального внутрикрепостного сооружения монументального характера, стены которого имели толщину от 2,5 до 3 м и сохранились на высоту 1,7 м. Два верхних яруса перекрывали это сооружение, т.е. стояли на его развалинах и, безусловно, относятся к более позднему времени.

Следы построек в двух верхних строительных горизонтах носят иной характер. Так, в среднем горизонте мы видим стенки шириной 0,5–0,6 м, одна часть которых глинобитная, другая – из сырцового кирпича. Такие стенки не были рассчитаны на длительный срок службы, это было рядовое строение. Другие следы построек носят еще более выраженные признаки временных сооружений: вымостки из сырцового кирпича, многочисленные очаги и зольные ямы и пр. Оборонительную роль играли в это время только внешние стены городища.

Монументальность внутренней постройки, существовавшей в первый период жизни городища, а затем непрочные легкие сооружения, множество зольников, очагов, вымосток в слоях, перекрывавших монументальную постройку, а также слабый культурный слой на остальной территории внутри стен свидетельствуют о том, что в крепости никогда не было большого количества постоянных обитателей.

Многочисленные следы очагов, большое количество обломков кричного железа и шлаков, найденных в теле внешней стены городища (с внутренней стороны), а также плохая сохранность этой ее плоскости свидетельствуют о том, что в течение определенного времени городище, утратившее свою роль мощного укрепления, было местом временного пристанища людей, оставивших следы своего пребывания в виде временных легких сооружений верхнего и среднего строительных ярусов.

Около 1 км в северо-западном направлении от Каирминского городища на второй надпойменной террасе, вдоль ее края, зарегистрирован двумя большими отрезками сильно

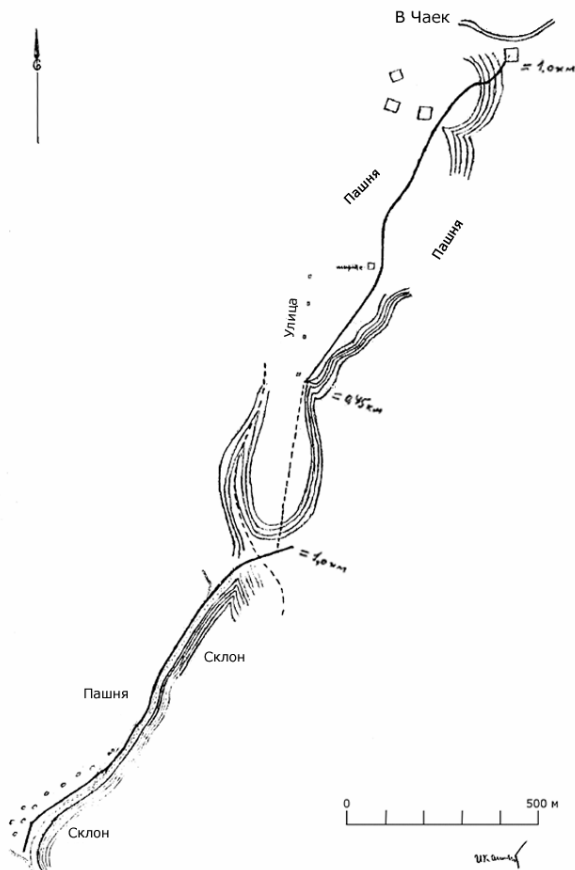

Рис. XVI. План длинной стены у с. Каирма

оплывший вал, идущий с юго-запада на северо-восток (рис. XVI). Его юго-западный конец начинается на мысу упомянутой террасы, образованном в месте соединения пойм р. Джумгал и ее правого притока. Юго-западный отрезок вала длиной 1 км идет вдоль высокого и широкого останца, который стоит на самом краю террасы. Северо-западный конец вала спускается на первую надпойменную террасу и теряется. Далее вдоль второй террасы на расстоянии 450 м вал не виден, затем опять хорошо виден на расстоянии 1 км. На некоторых участках вместо вала видна вымостка фундамента шириной до 1,3 м. Северо-западный конец второго отрезка также спускается на первую подпойменную террасу. От вала к северо-западу, в сторону второй террасы, зарегистрировано несколько торткулей размерами до 50 × 40 м.

На поверхности торткулей встречается маловыразительная керамика, которая более или менее точной датировке не поддается. Если дальнейшее изучение подтвердит синхронность торткулей и Каирминского городища, то возможно допущение существования оседло-земледельческой жизни в Джумгалской долине уже в VIII в., что будет представлять большой интерес для истории Киргизии.

ТУГЕЛЬСАЙСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ

В районе впадения в р. Джумгал его правого притока Тугельсая Тянь-Шаньским археологическим отрядом зарегистрирован интересный комплекс развалин поселений. По общему расположению этих городищ можно сказать, что все они тяготеют к наиболее низкой части долины и вместе с тем к отдельным водным источникам – р. Джумгалу или ее притоку (рис. XVII). Ниже мы приведем все наблюдения над этим комплексом, представляющим значительный научный интерес. До настоящего времени в долине р. Джумгал было известно всего два поселения крепостного характера. Упомянутый комплекс вносит много нового в решение вопроса о распространении оседло-земледельческой жизни в отдаленных от основных оседло-земледельческих центров межгорных долинах. Тщательное изучение такого рода памятников поможет полнее осветить историю Киргизии.

Тугельсайское I городище (рис. XVIII)

Расположено на правом берегу р. Тугельсай в 1–1,2 км от впадения ее в р. Джумгал, на

невысокой, около 1 м, надпойменной террасе. Состоит из двух частей – внутреннего четырехугольника и внешнего многогранника, оконтуренных очень ясно оплывшими стенами.

Внутренний четырехугольник общей ориентировкой сторонами по странам света, имеет неправильную форму: неравные стороны с различными отклонениями некоторых из них от направлений стран света. Правильно ориентированы северная и восточная стороны, западная с небольшим отклонением, а южная – с наибольшим. Размеры сторон 77,5; 68; 88; 70 м соответственно. Внутреннее пространство на большей своей части имеет незначительные культурные напластования (до 1 м). Только вдоль центральной части восточной стены возвышается площадка, размерами 20 × 25 м, почти достигающая гребня валов и являющаяся, по-видимому, оплывшими остатками основного жилого комплекса этой укрепленной части поселения. По внешнему обводу валов прослеживаются западины – следы заплывших рвов.

Вторая часть поселения сохранила свои границы с трех сторон; северной, западной и южной, прослеживаемые по оплывшим стенам. Северная сторона отстояла от центрального четырехугольника на <...> м, западная – на 80 м, южная – на 140 м. Общая длина стены второй части городища с указанных трех сторон достигает 641 м. С востока стена второй части поселения не сохранилась. Её или не было совсем, что маловероятно, или она была смыта, паводками р. Тугельсай, поскольку терраска, на которой стоит городище, невысокая, а русло речки легко перемещается по гравийной пойме. Длина этой стороны городища, если делать промеры по прямой между сохранившимися концами северной и южной стен, достигает несколько более 300 м. Общий периметр второй части, таким образом, достигал протяженности более 950 м. Пространство, окруженное этой стеной, имеет много следов застройки.

К югу от центрального четырехугольника просматривается несколько значительных по размерам холмов; сильно оплывшие холмы видны и к северу от центрального четырехугольника. Более подробных наблюдений за этой частью поселения произвести не удастся из-за густой и высокой растительности (особенно кустов чия).

За пределами второй стены нет таких развалин, которые можно было бы с уверенностью связать в один комплекс с описанными

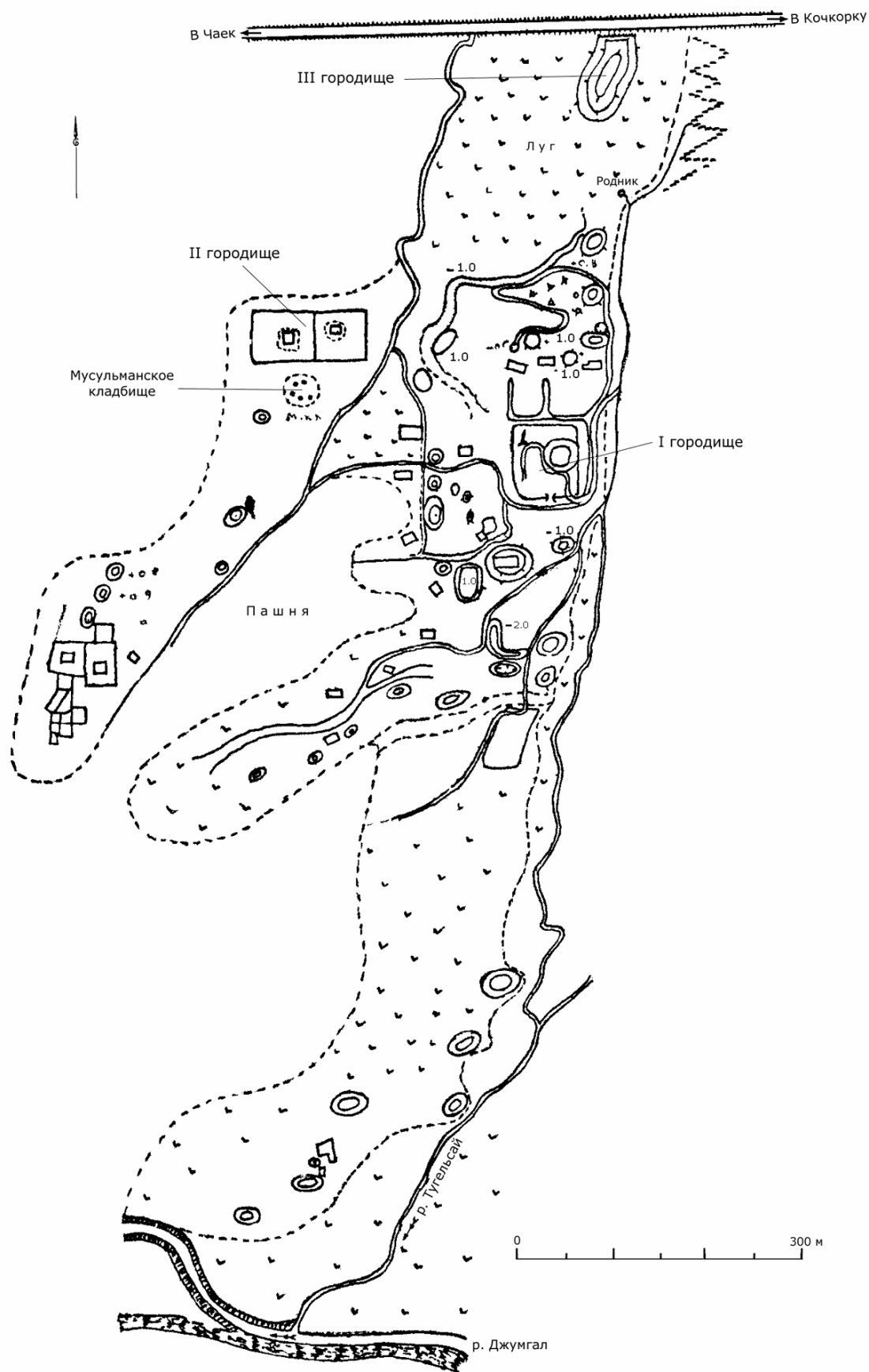

Рис. XVII. Комплекс городищ у с. Тугельсай

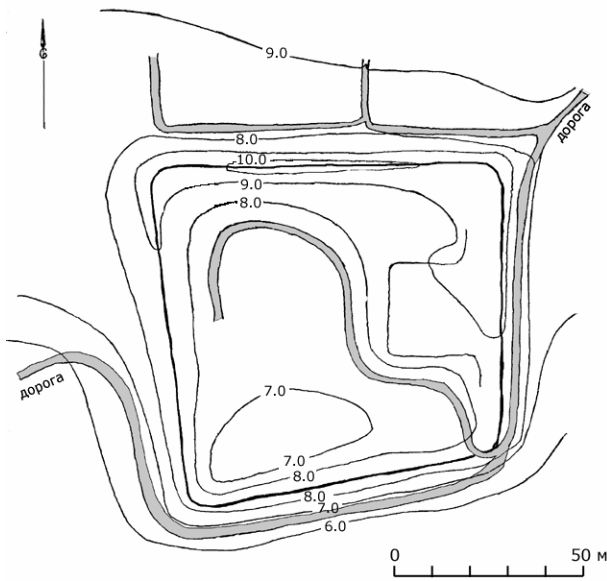

Рис. XVIII. Тугельсайское I городище. План

развалинами. Но к юго-западу на подпойменной террасе, вплоть до р. Джумгал, встречаются холмики, весьма напоминающие остатки одиночных построек. Собрать подъемный материал из-за густого травостоя и хоть в какой-то мере определить время их бытования не представляется возможным.

На Тугельсайском I городище произведены значительные по площади раскопки.

Раскоп 1 (рис. XIX). Вначале он являлся расчисткой силосной ямы, вырытой в 1955 г., а затем ее углублением до материка и прорезкой значительной площади вдоль северного обреза бывшей ямы. Силосная яма была вырыта не на всю глубину культурного слоя, в ширину она имела – 1,3 м, а в длину – 20 м. Вначале были зачищены обвалы стенок и наплывы на дне. Расчистка ямы, а также разборка отвалов, сделанных экскаватором при рытье ямы, дали большое количество керамики, носящей характер подъемного материала. Для того чтобы этот обильный материал был увязан со стратиграфией, было предпринято углубление и расширение траншеи.

Углубление траншеи на значительной площади показало, что культурные наслоения ниже 1,5 м не были нарушены, они продолжались до глубины 5,3 м от высшей точки холма. Оба, снятые при углублении яруса (третий и 30 см четвертого), состояли из мягкой засыпи земли с небольшой примесью золы. По всей площади часто попадались фрагменты керамики и кости животных. Регистрация керамики производилась по полуметровым горизонтам. Зачистка стенок траншеи показала, что в северном обрезе ее были две глинобитные стены какой-то постройки.

Для выяснения характера этих стен была сделана прирезка в северную сторону площадью 10 × 4 м.

По всей прирезной площади первый полуметровый ярус состоял из глины, перемешанной с золой, составляющей около 1/3, и кусков сырцового кирпича. Верхние части глинобитных стен, отмеченных в срезе траншеи в первом полуметровом слое, обнаружены не были.

Второй и третий полуметровые ярусы также состояли из земли с золой, но составляющей уже только около 1/4. Во втором ярусе оконтурились глинобитные стены, упомянутые выше. Они расчищались и в третьем слое.

Четвертый полуметровый горизонт состоял в основном из глинистых заплывов и завалов, но примесь золы все же есть. Такая же структура характерна и для 10–20 см пятого полуметрового яруса.

На всей площади и по всем снятым ярусам прирезки так же, как и при зачистке траншеи, встречалось много фрагментов керамики и костей животных.

После снятия всех культурных наслоений расчищены были до основания обе упоминавшиеся выше глинобитные стены. Обе ориентированы по линии С–Ю. Они сделаны из глины с большим количеством примеси песка. Расстояние между стенами – 3,2 м. Плоскости сильно разрушены; точную форму и размеры их установить не представляется возможным. Сохранившиеся размеры стен: длина восточной стены – 2,5 м, ширина у основания – 1,2 м, вверху – 0,4 м. Длина западной стены – 2,7 м, ширина у основания – 1,3 м, вверху – 0,6 м. Высота стен в южном конце – 1,7 м, в северном – 1,3 м.

Северные концы обеих стен стояли на каменных фундаментах, выполненных из двух слоев окатанного камня. Фундаменты под стеной были прослежены на протяжении <...> м. Далее они продолжают до северного обреза прирезки. Их общее протяжение с южного конца <...м>; на протяжении <...> м глинобитные стены стоят прямо на почвенном слое без фундамента.

Общая длина стены с каменным фундаментом <...> м. Расстояние между описанными стенами 3,2 м.

Как видно из изложенного, о характере и назначении постройки, остатком которой являются расчищенные стены, трудно сказать что-нибудь определенное.

Раскоп доведен по всей площади <66> м² до материкового слоя. Культурные наслоения в нем достигают от 1,5 до 2 м.

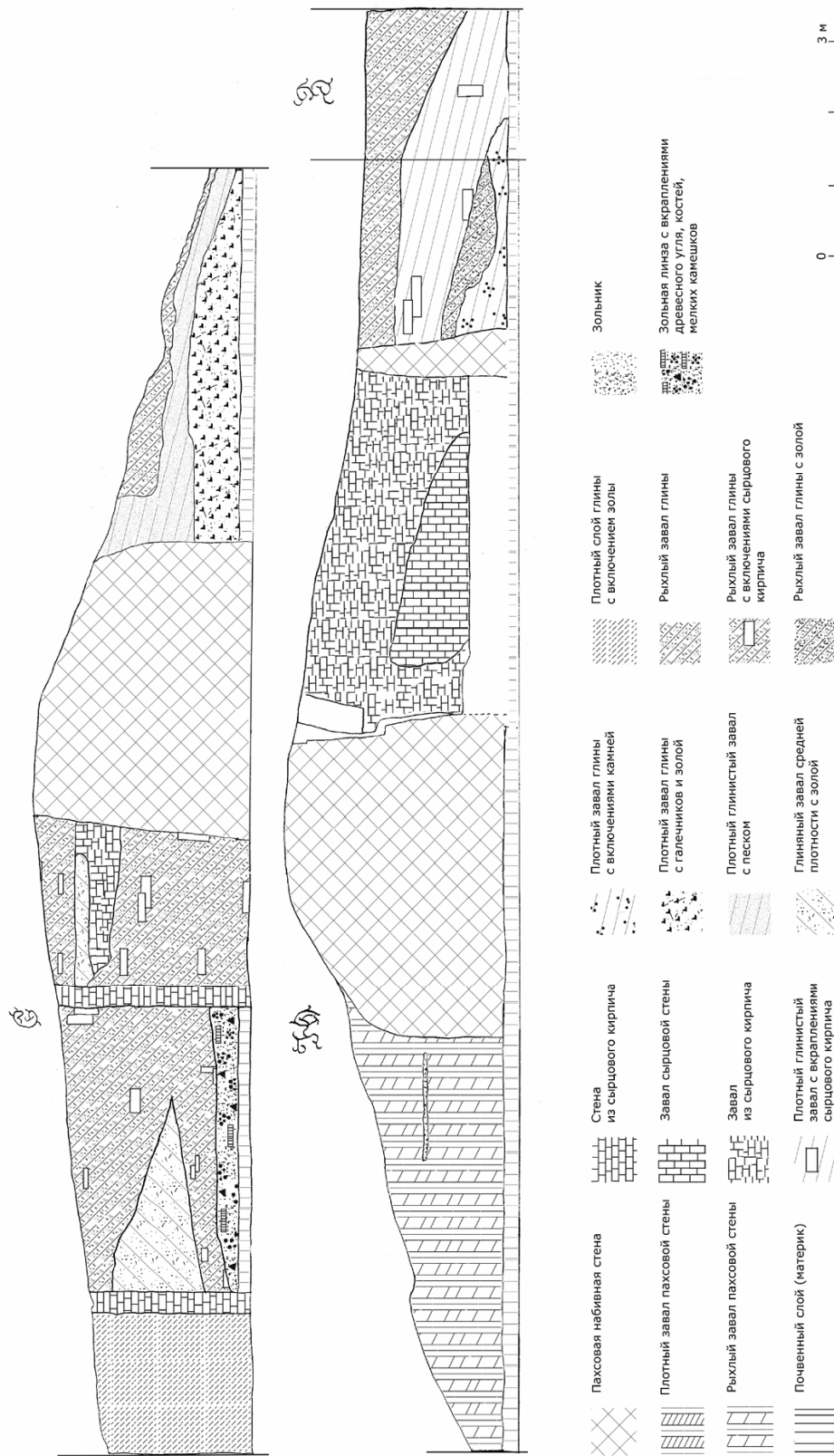

Рис. XIX. Тугельсайское I городище. Раскоп 1. Профили раскопа

В раскопе получено большое количество керамического материала, относящегося к X–XII вв.

Раскоп 2. Заложен во внутренней части центрального четырехугольника на описанной выше площадке (20 × 25 м), которая примыкает к восточной стороне внешней стены укрепления. Разбивка его произведена с расчетом расчистить внутреннюю плоскость стены укрепления и остатки построек в пределах наиболее высокой площадки внутреннего пространства. Размер раскопа вдоль внешней стены – 8 м, а в глубину площадки – 10 м.

После снятия первого штыка в заплывах и засыпи проступили контуры стен построек. Оставляя стенки и расчищая их, продолжали снимать слои по всей площади раскопа. На глубине 0,6 м отмечен очень твердый наплыв, тщательное обследование показало, что мы имеем дело с плотно утрамбованным полом верхнего строительного горизонта. Его составляли многочисленные очень тонкие прослойки глины с обильной примесью песка, вероятно, следы обмазки.

Пол верхнего строительного горизонта во многих местах прорезан зольными ямами. Это свидетельствует о том, что в этот период жизни постройки прежние здания были в какой-то мере восстановлены, т.к. остатков стен другого плана нет. Но эта обжитость носила временный характер. Иначе нет объяснения для большого количества зольных ям прямо на территории жилья. В квадрате Л-8 – зольная яма диаметром 0,8 м, глубиной 0,3 м, заполненная золой, перемешанной с глиной. В квадрате К-7 – яма овальной формы размерами 0,3 × 0,6 м. Заполнение – зола с глиной и фрагменты гончарной керамики. В квадрате И-7 яма диаметром 1,4 м, глубиной 0,8 м, своей северной стороной срезавшая часть стены 3. Яма заполнена золой с небольшим количеством земли и обломков сырцового кирпича, а также фрагментами керамики. В квадрате Ж-7 и Ж-6 – ямы диаметром 0,5–0,6 м, глубиной 0,2–0,3 м, заполнение точно такое же, как и вышеописанной ямы. Эти две ямы располагались у стенки 2 и даже своими краями на 5–7 см входили в нее.

После снятия пола верхнего строительного горизонта производили расчистку стен, уходивших в нижние слои. Никаких прослоек, которые можно было бы считать разделителями этапов жизни в этих строениях, не обнаружено. Мягкая засыпь отмечалась до самого основания стен, контуры которых проявились еще по снятии первого штыка.

В Раскопе 2 были частично расчищены шесть помещений. У них была одна общая стена (3), идущая по линии 3–В (перпендикулярно внешней стене). Она начинается прямо от плоскости внешней стены, продолжается на всей площади раскопа и уходит под западный обрез раскопа. От общей стены к северу и югу идут стены, определяющие западные и восточные границы помещений. Северные и южные границы этих помещений обнаружены не были, они остались под нерасчищенными завалами.

Общая стена (3) расчищенных помещений в квадратах Ж-8 и 3-8 (в комнатах 1 и 2) внизу сложена из пахсовых блоков длиной 82–85 см, высотой 1,1–1,2 м, толщиной – <...> м в один ряд, а выше – из целого и половинок сырцового кирпича. В остальных квадратах эта стена была глинобитной.

Опишем теперь все вскрытые раскопом помещения в порядке их постепенной расчистки, начиная от внешней стены укрепления. Так как общую стену для обоих рядов помещений мы описали, то будем характеризовать стены, идущие по направлению С–Ю.

К о м н а т а 1. Восточная в северном ряду у внешней стены. Так как внешняя стена имела наклонную внутреннюю плоскость, то для получения вертикальной стенки она в верхней части была выровнена специальной подстройкой, из битого сырцового кирпича, сложенного в один ряд. Ее ширина – 0,4 м, высота – 0,5 м, длина – 6 м. Размеры кирпича: 44 × 7 × 9 см и 40 × 19 × 9 см. Это была восточная стена комнаты. Западная стена (на комнату 2) стояла на фундаменте высотой 0,3 м из крупных окантанных камней. Сложена она из сырцового кирпича (целого и половинок) размерами 41 × 21 × 9 см. Высота стены – 2,4 м, ширина – 0,4 м, длина – 38 м. Глинобитный пол комнаты неоднократно смазан глиной, сохранился только в некоторых местах. Размеры комнаты 1: по линии 3–В – 1,8 м, по линии С–Ю до обреза раскопа – 3,6 м. Вдоль стен 2 и 3 проходила суфа высотой 15 см, шириной 0,8–1 м. Напластования ниже пола верхнего строительного горизонта состояли из средней плотности завалов и мягкой засыпки с включением значительного количества керамики.

К о м н а т а 2. Западная стена ее (5) сложена из половинок сырцового кирпича, имевшего, вероятно, такой же размер, как и целый кирпич в стенке 2. Ширина стены – 57 см, сохранившаяся высота – 2,25 м. Пол, как и в комнате 1, был глинобитный. Вдоль стенки 2 шло возвышение, сохранившееся до 15 см. Вероят-

но, это была суфа-лежанка. Ширина ее сохранилась тоже не полностью: от 1,2 до 1,5 м. От суфы и до западной стенки (5) пол имел наклон. Возможно, это произошло в результате неправильной зачистки или от натеков в период запустения. Размер комнаты: 3,5 × 4,2 м.

Картина напластований ниже пола верхнего строительного яруса аналогична напластованиям в комнате 1.

Комната 3. Восточной стенкой, как и в комнате 1, служила внешняя стена, подправленная до вертикальной специальной выкладкой из битого и целого сырцового кирпича. Западная стена комнаты 3, являвшаяся продолжением стены 2, в нижней части глинобитная, а в верхней – сложена из сырцового кирпича, положенного в одном слое плашмя, а в другом – на ребро. С обеих сторон стена была обмазана глиной. Пол в комнате 3 был выложен средней величины окатанными камнями, покрытыми слоем глины, толщиной 5–7 см. Размеры комнаты: 3,5 × 2,2 м.

Комната 4. Ее западная стенка (4) сложена из сырцового кирпича указанных выше размеров, положенного чередующимися слоями – вертикально и горизонтально, как в стене 2. Но здесь кирпичи, поставленные на ребро, расположены наклонно. Она была обмазана слоем глины толщиной 4–5 см. Пол, как и в комнате 3, вымощен камнем, покрытым слоем глины (обмазкой). Размер комнаты: 3,7 × 1,9 м.

Комната 5. Стены, ее образующие (3 и 5), были описаны выше. Две другие стены не были вскрыты, остались за пределами обреза раскопа. В комнате 5 в верхних слоях и ниже пола верхнего строительного яруса культурные напластования состоят из золисто-глинистых слоев, в которых преобладает зола. Часто встречаются фрагменты керамики. В этой комнате встречено наибольшее количество костей животных.

На глинобитном полу комнаты в юго-восточном углу был расчищен тандыр высотой 0,75 м. В сечении он бочонкообразный с наибольшим диаметром – 0,76 м. Верх его не сохранился. Внутренняя поверхность его была разделена на шесть секций, в каждой из которых полоса прорезанного волнистого орнамента. Толщина стенки – 2,5 см. Размер комнаты: 3,5 × 3,2 м.

Комната 6. Последняя (западная) в южном ряду. Стены, ее образующие (3 и 4), охарактеризованы выше. Две другие стены, как и в комнате 5, не были вскрыты. По размерам эта комната была самой большой; она

расчищена на площади 6 × 3,7 м. Пол ее был глинобитный.

Для выяснения структуры тела стены (городища) был сделан ее поперечный разрез. Он показал, что стена была глинобитной и сооружалась из отдельных слоев, толщиной 10–15 см, идущих на всю ее ширину. Монолитное тело, при высыхании не дало трещин. Это, видимо объясняется большой примесью песка в глине. Ширина стены была 4,5 м, в высоту она сохранилась на 3,1 м. Восточная внешняя плоскость была почти вертикальная, западная внутренняя имела небольшой наклон. Реконструкция стены с учетом мощности боковых наплывов, образовавшихся от разрушения верхних слоев, дает возможность считать, что ее высота была не менее 5–6 м.

Состояние стен внутренних построек, сложенных в один кирпич или из битой глины, шириной не более 0,6 м, сохранившихся на высоту 2,5 м и не имеющих заметных деформаций, а также состояние внешней стены укрепления, сохранившейся на высоту более 3 м, свидетельствует о медленном разрушении всех этих сооружений. Нигде мы не видим обвалов, которые являлись бы доказательством катастрофических разрушений.

Тугельсайское II городище (рис. XX)

Расположено в 100 м к северо-западу от первого городища. Оно стоит на третьей подпойменной террасе, которая имеет сильный наклон к югу, в сторону поймы р. Жумгал, и к востоку, в сторону поймы р. Тугельсай.

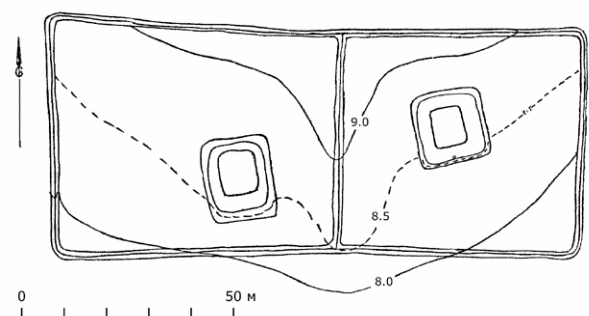

Рис. XX. Тугельсайское II городище. План

Общая форма прямоугольная, ориентированная длинной осью по линии 3–В. Западная сторона несколько шире восточной. Размеры сторон: северной – 75 м, южной – 72 м, восточной – 52,5 м, западной – 56 м. Ограничивающие его валы имеют высоту от 0,5 до 1,2 м с шириной по основанию 8–10 м. Дополнительной поперечной стеной делится на две части, имеющие средние промеры 57 × 51 м (восточная) и 62 × 52 м (западная).

В восточной части, примерно в центре, расположен подквадратный бугор, размерами в основании 17×16 м и высотой 2,2 м. Холм сплошь изрыт современными могилами. Вероятно, этим объясняется то обстоятельство, что он выглядит так, как будто его ориентировка несколько отличается от ориентировки внешних стен. Все остальное внутреннее пространство описываемой части ровное по внешнему виду, не возвышается над окружающей местностью и, вероятно, не имеет сколько-нибудь значительного культурного слоя.

В западной части городища также есть холм, но он стоит не в центре, а почти в самом юго-восточном углу. Подпрямоугольной формы в плане, он также отличается своей ориентировкой от ориентировки внешних стен. Размеры холма по основанию: 19×16 м, высота – около 1,5 м. Холм, как и в восточной части, сплошь покрыт современными могилами. Остальная площадь западной части имеет ровную поверхность, не возвышающуюся заметно над окружающей местностью и также, вероятно, не содержит сплошных культурных напластований.

К югу от Тугельсайского II городища располагается серия подквадратных и прямоугольных холмов, являющихся остатками одиночных построек. Их размеры: 6×6 м, 7×8 м, 8×8 м, 4×6 м, 10×10 м; высота – от 0,5 до 1 м.

На этой же террасе, к югу от описываемого городища, кроме упомянутых холмов, отмечены курганы диаметром 6–18 м, высотой 0,8–1,5 м. Курганы имеют земляную насыпь, некоторые по основанию имеют каменные выкладки. Такого типа курганы расположены в пределах 200–300 м от городища.

Далее на юг и юго-запад от этой группы курганов располагается большое количество курганов с каменной насыпью.

В 600–700 м от Тугельсайского II городища в направлении Ю–З, у колхозной фермы просматриваются сильно оплывшие стены городища. И оплывшие стены, и окруженное ими пространство сильно разрушены густо расположенными современными могилами, поэтому проследить планировку городища не представляется возможным.

Тугельсайское III городище (рис. XXI)

Наиболее удаленное от правого берега р. Джумгал, оно стоит на северо-восточной окраине с. Тугельсай, над краем левого берега широкого (до 300 м), но неглубокого (около 2 м) притока, впадающего в р. Джумгал. В плане представляет подквадратный четырех-

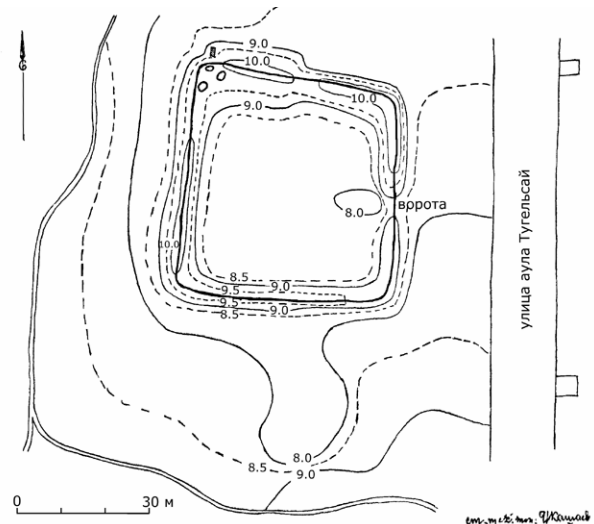

Рис. XXI. Тугельсайское III городище. План

угольник общими размерами 50×50 м, образованный валами высотой 1,7 м, шириной по основанию 10 м. Восточная часть ее несколько сужена. Промеры сторон: северной – 49 м, южной – 55 м, восточной – 52 м, западной – 54 м. Внутреннее пространство его в центре пустое, а вдоль валов в некоторых местах имеет заметные возвышения. Валы высотой от 1,5 до 1,8 м. Стены этого укрепления, вероятно, имели небольшие башни только по четырем углам. Башни не выступали за линию стен, а только возвышались над ними. Проезд был один в восточной стене, ближе к северо-восточному углу.

Жилая постройка этого городища находилась в северо-западном углу. Очень характерно, что северная стена этой постройки выступала за линию стен укрепления на 4 м и приблизительно на такое же расстояние во внутреннюю сторону. Общие размеры плоского подпрямоугольного холма постройки: по линии С–Ю – 16 м, по линии З–В – 22 м, высота его – от 1,7 до 2 м. Следует также отметить, что жилая постройка не доходила до северо-западного угла торткуля-укрепления. Она была как бы вписана в северную стену укрепления ближе к его северо-западному углу. На этом холме стоит сагана, а в восточной части вырыта большая прямоугольная яма. По внешнему краю склонов торткуля проходит арык, который входил через восточный проем и далее внутрь (след его и сейчас виден вдоль валов). По-видимому, внутренняя площадь засеивалась.

К югу, в непосредственной близости от торткуля городища (в 6–8 м), стоит плоский круглый холм, высотой около 1 м, диаметром 20 м, состоящий из отложений, очень рыхлых

в обнажениях и на поверхности. Проходящая по восточной поле холма проселочная дорога даже после нескольких проездов дает золстую пыль. Следует отметить, что этот холм напоминает подобный зольник на Тугельсайском I городище.

К югу от Торткуля по берегу лога видны остатки мелких построек, а в невысоких обрывах отмечены выходы шлаков. Шлаки встречаются во многих местах вплоть до шоссе Кочкорка – Чаек, т.е. на протяжении около 600–800 м. Местные жители рассказывают, что на этом месте много лет тому назад была одна кузница. Но одна или две кузницы не дадут такого количества шлаков. Кроме того, сам характер шлаков говорит не о кузнечном их происхождении, а о металлургическом производстве.

Тугельсайское IV городище (рис. XXII)

Одно из четырех городищ, расположенных вдоль правого берега р. Джумгал. Стоит на восточном конце этой серии (вверх по течению) на первой надпойменной террасе, всего в 100 м от поймы. Ширина поймы против городища достигает 150–200 м. На противоположном берегу сразу же от обрыва поймы намечаются высокие увалы.

Описываемое городище состоит, как и Тугельсайское I городище, из двух частей: внешней и внутренней.

Внешняя часть, имеющая неправильную четырехугольную форму, ограничена валом, полностью сохранившимся только по двум

сторонам: западной и северной; с двух других сторон его сохранность частичная. Южный вал сохранился на 40 м, а западный на 100 м. Так что юго-восточный угол совершенно не прослеживается. Эти отрезки валов имеют высоту до 1,8 м и ширину по основанию 12 м. Предполагаемая длина всего южного вала – 130 м, восточного – 160 м. Северный вал имеет длину 145 м, западный 115 м. Эти валы несколько меньших размеров: высота – 1,3 м, в основании – 10 м. С внешней стороны у основания валов по всему обводу ясно прослеживаются сильно заплывшие широкие рвы. Внутреннее пространство, окруженное внешними валами, не несет следов застройки. Но в центре его (от северной стены на расстоянии 27–35 м, от западной – 20–25 м, южной – 22 м, восточной – 30 м) стоит второй четырехугольник, также несколько неправильной формы, но ориентированный в общем сторонами по странам света. Длина его сторон: северной и восточной – по 60 м, западной – 50 м, южной – 57 м. Валы этого торткуля, как и внешнего, не имеют следов башен. Высота их – 2,2 м, ширина по основанию – 14 м.

Внутреннее пространство на значительной части заполнено культурными наслоениями. Наиболее мощные слои залегают вдоль северной стены на всем ее протяжении; в северо-западном углу они выражены ярче всего. Здесь просматриваются оплывшие <развалины>, вероятно, значительного сооружения, размеры холма которого в современном состоянии достигают 16–20 м, а высота 1,5–1,7 м. В северо-восточном углу слои уменьшаются до 1 м. Центральная часть и юго-восточный угол описываемого торткуля, по всей вероятности, были свободны от застройки.

Въезд явственно проследить нет возможности, но, вероятно, он был в северной стене близ северо-восточного угла, где валы наиболее понижены. С внешней стороны у оснований валов внутреннего торткуля хорошо заметны рвы шириной до 8 м, глубиной до 0,75 м.

В районе несохранившегося юго-восточного угла внешнего вала по линии СВ–ЮЗ проходит останец, напоминающий оплывшую стену. Возможно, наличием останца и объясняется отсутствие этого угла торткуля. Прослеживаемый отрезок останца имеет направление, совпадающее с направлением сохранившейся части восточной стены внешнего торткуля. Если принять это за продолжение стен внешнего четырехугольника, то следует считать, что юго-восточный угол его имел сильно вытянутую форму.

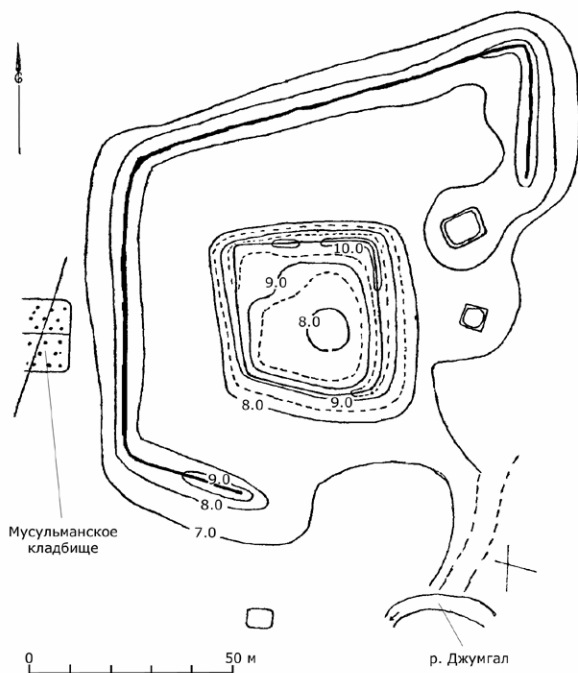

Рис. XXII. Тугельсайское IV городище. План

Восточнее упомянутого останца, через неглубокий ложок, заметны всхолмления, среди которых в нескольких местах отмечены скопления значительных по размерам кусков крупнопористых шлаков и золистых пятен. По строению шлаков их можно отнести к металлургическим. Это еще одно свидетельство наличия в городищах тугельсайского комплекса металлургических производств. Этот немаловажный факт может получить развернутое объяснение после вскрытия мест скопления шлаков и подробного лабораторного анализа их.

Тугельсайское V городище (рис. XXIII)

Стоит над высоким обрывистым берегом р. Джумгал, в 5 км от городищ 1, 2, 3. Состоит из двух частей: основной и пристроенной. Основная часть в плане представляет резко неправильную фигуру округло-овальных очертаний. Общие промеры: по линии С–Ю – 300 м, по линии З–В – 270 м. Южная сторона проходит по краю террасы, имеющему глубокие промоины и выступы. Восточная сторона и часть северной проходят по краю каньонообразной промоины оврага, глубоко врезающегося в террасу. Северо-восточная и восточная стороны проходят по террасе, но и здесь мы не можем уловить тенденции к правильным формам при возведении оборонительных сооружений поселения. Внешние стены городища сохранились только по восточной, северной и частично западной сторонам. С юга стены, вероятно, не было, т.к. обрывистый край террасы сам по себе был трудно преодолимым препятствием. Оплывшие стены имеют высоту от 1,5 до 2,5 м и ширину по основанию от 8 до 10 м. В северном отрезке вала просматриваются выступы, вероятно, остатки оплывших башен. Во внешней стене с достоверностью виден только один воротный проем шириной около 10 м, расположенный в северо-восточном отрезке.

Весьма характерно, что внутри внешней стены отмечаются самостоятельные и значительные по площади и фортификации укрепления. Так, в восточной части ясно проступают контуры подквадратного укрепления, ориентированного сторонами по странам света, у которого хорошо видны восточная и северная стены. Западная стена проходила вдоль глубокой промоины, а южная – по краю террасы, и, видимо, поэтому они не сохранились. Общие размеры этого укрепления: 120–100 м. Особенно мощно выглядит северо-западный угол, на котором находилась больших размеров башня. Внутри этого укрепления расположено два ок-

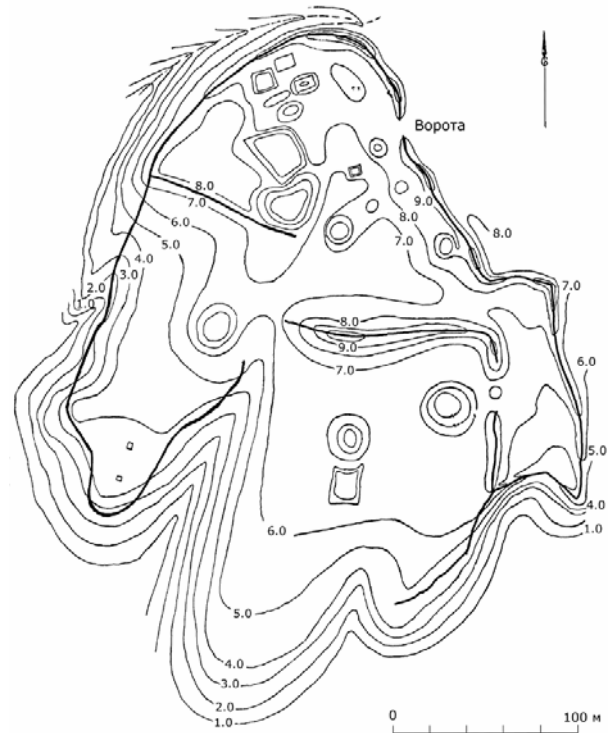

Рис. XXIII. Тугельсайское V городище. План

руглых холма диаметром 23–30 м и высотой 2–2,5 м и один подпрямоугольный холм высотой 2,3 м. Описанное укрепление отстоит от восточного отрезка внешней стены на 30–40 м.

Второе самостоятельное внутреннее укрепление размещается вдоль западного отрезка внешней стены. Не отделяясь от него, оно было, вероятно, пристроено к внешней стене и охватывало весь участок на мысу между двумя промоинами. Его размеры достигали, вероятно, 80 – 150 м. Стены этого укрепления сохранились не по всем сторонам, и размеры, указанные выше, весьма ориентировочны.

Вся северная и северо-восточная части внутри внешней стены несут следы довольно плотной застройки, выраженные многочисленными холмами, достигающими иногда значительной величины, а также ясно выраженными культурными наслоениями.

За пределами описанной части поселения к северо-востоку прослеживается еще значительная площадь со следами застройки. Севернее воротного проема от стены основной части поселения отходит вал. Он идет в начале на протяжении 52 м на восток, а затем меняет направление на северо-восток и тянется на расстояние 214 м. Затем делает трехметровый выступ к востоку и опять тянется к северо-востоку на 12 м, где упирается в овраг (промоину), впадающий в пойму р. Джумгал. Размеры вала: высота – 0,4–0,5 м, ширина по основанию – 3 м. Огражденное этим валом

пространство довольно густо насыщено невысокими торткулями и холмиками, имеющими размеры в основании от 4×4 м до 18×18 м. Здесь встречается подъемный керамический материал, битый и целый обожженный кирпич размерами $25 \times 25 \times 4,5-5$ м.

В 8–10 м от первого изгиба описанного вала начинается второй вал, идущий с запада на восток. Его длина – 90 м, высота – 0,5–0,6 м, ширина по основанию – около 3 м. К нему с обеих сторон (на отдельных отрезках) примыкают остатки прямоугольных построек.

Собранный на городище подъемный керамический материал синхронен материалу из раскопов на Тугельсайском I городище.

Как видим, Тугельсайское V городище представляет остаток весьма значительного поселения. Характер его застройки и отмеченные, правда без раскопок, культурные наслоения свидетельствуют о том, что оно было постоянно обжито. Не очень мощные фортификационные сооружения указывают на то, что оно не играло значительной военно-оборонительной роли.

Следовательно, можно считать, в порядке предположения, что это было обычное оседлое поселение.

КЫЗЫЛТУЙСКИЙ КОМПЛЕКС ГОРОДИЩ

Дальнейшее обследование долины р. Джумгал показало, что описанный выше комплекс тугельсайских городищ не исчерпывает всей полноты картины оседло-земледельческой жизни изучаемого района. В действительности географическое распределение подобных поселений носило гораздо более широкие масштабы. Об этом свидетельствуют уже зарегистрированные городища близ колхоза Кызыл-туу, а также опросные сведения о наличии остатков поселений вверх по течению р. Джумгал.

Так, члены колхоза Кызыл-туу Абдухакимов Ахматбек, Садыгалиев Нарунбек и Кунтуганов Откулбек сообщили, что на правом берегу р. Джумгал около школы колхоза Кызыл-туу есть три городища-торткуля. На том же берегу р. Джумгал в 2 км от колхоза Кызыл-туу в местности Бедалго есть четыре торткуля-городища. На левом берегу Джумгала в местности Карой есть два торткуля.

Тянь-Шаньским отрядом при обследовании бассейна р. Джумгал зарегистрировано три городища, расположенных выше тугельсайского комплекса остатков поселений. Но они расположены на левом берегу реки.

Кызылтуйское I городище

Расположено в 1–1,2 км к востоку (вверх по течению) от Тугельсайского городища 4, но на левом берегу Джумгала. Стоит над краем обрывистой надпойменной террасы. Квадратное в плане со стороной 70 м, ориентированное сторонами по странам света. Высота валов – от 1,2 до 2 м, ширина по основанию – 12–14 м. Валы густо поросли чием, и трудно проследить с уверенностью, были ли стены усилены башнями, но, вероятнее всего, их не было. Въезд в укрепление был в южной стене в 25 м от юго-западного угла. Вдоль всего обвода оплывших стен городища четко прослеживаются остатки рвов шириной до 10 м и глубиной до 0,8 м.

Внутреннее пространство городища не на всей площади имеет культурные наслоения, доступные определению без нивелировки. Но значительные наслоения ясно прослеживаются полосой в 16–20 м вдоль всей северной стены. Особенно заполнен северо-западный угол, где наслоения захватывают часть западной стены.

Несмотря на сплошной и очень густой растительный покров, на городище собран подъемный керамический материал, синхронный керамике Тугельсайского городища 1.

Кызылтуйское II городище

Находится в 0,8–1 км от первого городища. На его месте расположена животноводческая ферма, <при возведении которой были выполнены> планировочные работы механизмами. Это привело к тому, что рельеф развалин очень сильно сгладился и планировку городища в какой-либо мере проследить не представляется возможным. Но о наличии на этом месте значительного поселения свидетельствуют выходы культурных слоев во многих местах и подъемный керамический материал на весьма значительной территории. Над самым же краем террасы просматриваются остатки укрепления. У него была неправильная форма, обусловленная контурами террасы.

Кызылтуйское III городище

Находится еще выше по течению р. Джумгал, в 0,7–1 км от Кызылтуйского II городища. Оно также стоит над краем очень высокой и обрывистой надпойменной террасы. Имеет резко неправильный план, обусловленный контурами края террасы и направлением глубокого обрывистого оврага, ограничивающего городище с востока и запада, впадающего в пойму Джумгала.

Южная сторона, обращенная в сторону террасы, – прямая, ориентированная <по ли-

нии> 70–290°; ее длина – 130 м. В восточной половине виден след башни, около которой слабо заметный въезд. Более или менее правильные формы имеет западная сторона, ориентированная <по линии> 15–195°; она имеет общую длину 105 м. В северной части 30-метровый отрезок уклоняется еще на 5°. Северная сторона, как и южная, идет по <линии> 70–290° и также имеет форму прямой линии. В центре ее – холм башни или цитадели диаметром 12 м. Возможно, что здесь был второй въезд, проходивший по пандусу, след которого слабо заметен по краю террасы. Общая длина северной стороны – 82 м. Восточная сторона имеет резко неправильные очертания, следующие обрывистому берегу глубокого оврага. Длина этой стороны городища по прямой – 110 м.

Вдоль южной и западной стен, с внешней стороны, хорошо видны заплывшие рвы.

Внутреннее пространство городища сплошь заполнено культурными напластованиями, достигающими мощности не менее 1,5 м. Поверхность без заметных членений, только в центре подпрямоугольное возвыше-

ние размерами по <по линии> С–Ю – 30 м, по <по линии> З–В – 25 м.

Собранная подъемная керамика состоит в большинстве из фрагментов станковой посуды X–XII вв.

Кызылтуйское III городище, как видим, представляет собой остатки плотно обжитого и просуществовавшего значительный промежуток времени оседлого поселения.

Примечания

1. Публикуется по машинописному архивному документу, подписанному П.Н. Кожемяко 15 апреля 1959 г. Хранится в РФ ЦМХК НАН КР, инв. №4097. – *ред.*

2. В сохранившейся документации все рисунки выполнены на отдельных листах по 1 – 5 изображений. На листах указаны название городища, раскоп, глубина залегания по штыкам (?) и техника изготовления. Сведения в таблицы осуществлены нами при подготовке к изданию – *ред.*

3. Здесь и далее в ряде мест архивного документа числовые значения отсутствуют. – *ред.*

4. В рукописи размеры помещений усадьбы 3 пропущены. Числовые значения приводятся по замерам с чертежа. – *ред.*

Abstract

REPORT ON THE ARCHAEOLOGICAL WORKS OF TIAN-SHAN ARCHAEOLOGICAL GROUP IN 1958

P.N. Kojemiako

The publication is a Report on the works of Tian-Shan archaeological group, which took place in Tian-Shan, headed by P.N. Kojemjako. The graphical part of the documentation is not complete. In 1958 Susamyr site in Susamyr valley has been excavated. As result of this reserch author points out about the cultural development at the Tian-Shan and is of opinion that it was not so intensive, on the base of ceramics.

The present paper is a report on the excavation of middle age settlements in Tyan-Shan in 1958, which is kept in the archives of National Academy of sciences of Kyrgyzstan. The excavation took place in mountain valleys Susamyr and Djumgal. In Susamyr valley one settlement Susamyrsкое (Tunuk) was studied. The area outside the central part settlement's walls is built. In Djumgal valley it was registrated nine small settlements. Five of them form the so called Tugelsay group. At the many settlements of the valley was found the remains of iron molten and as result was concluded about the specialization of the settlements of Djumgal valley on iron industry.

Литература

- Агеева, Пацевич 1958 – *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5. – Алма-Ата, 1958.
- Бернштам 1947 – *Бернштам А.Н.* К истории фергано-тяньшаньских культурных отношений (Из итогов археологических работ 1945 г.) // Изв. КиргФАН СССР. Вып. 4–5. – Фрунзе, 1947.
- Бернштам 1952 – *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л., 1952. – (МИА, № 26).
- Кибиров 1955 – *Кибиров А.К.* О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра // ТИИ АН КиргССР. Вып. 1. – Фрунзе, 1955.

ПАМЯТИ ОДНОКУРСНИКА
(о Борисе Дмитриевиче Кочнев)

В.Д. Горячева*

Борис Дмитриевич Кочнев (1940–2002) – доктор исторических наук, нумизмат, археолог, историк, выдающийся ученый – вспоминается мне просто Борей Кочневым – молодым, веселым, остроумным (хотя говорил он мало) и всегда насвистывающим или мурлыкающим что-нибудь из Моцарта, Равеля или еще кого-нибудь из классиков, если собеседник был ему неинтересен. Я это часто испытывала на себе, так как историей не увлекалась и, более того, не любила, а на кафедру археологии (тогда еще САГУ) перешла с факультета журналистики только потому, что обучение на русском языке в тот 1959 г. было только у проф. М.Е. Массона. Поэтому сначала и отношение ко мне было как к случайному на кафедре человеку, и со стороны однокурсников, и со стороны преподавателей. Только к четвертому курсу я подтянулась в учебе и стала хоть что-то понимать в предмете своей будущей профессии.

Ох, как трудно мне было учиться на археолога! Борис помогал мне в нумизматике и эпиграфике, Бахтул Абдулгазиева «тянула» в персидском, но эти «науки» мне так и не дались. Борис шефствовал надо мной и на раскопочной площадке в Старом Мерве, где я копала (для дипломной работы) средневековый «богатый жилой дом», а он – загородную мечеть – намазгох (почти полностью утраченную, а планировку ее Борис восстанавливал по белым солевым остаткам былых стен). Он прекрасно читал культурные слои, возможно, потому, что еще мальчишкой в археологическом кружке у известного в Киргизии народного учителя Николая Дмитриевича Черкасова (СШ № 10, г. Фрунзе) уже кое-что усвоил и в археологию шел по убеждению. Однако полевиком он не стал, а серьезно увлекся нумизматикой, в чем весьма преуспел и чем еще

при жизни так гордился наш учитель Михаил Евгеньевич Массон. Это был удивительный педагог, который искренне радовался успехам своих учеников, с чувством удовлетворения отмечал их открытия в науке, даже если они шли вразрез с гипотезами и идеями самого учителя (Растут ученики! Крепнет школа!).

Подобное произошло и со мной в 1970 г. Тогда, в связи с реставрацией минарета Бурана и «благоустройством» территории вокруг него, проводились археологические работы отрядом под руководством Д.Ф. Винника. В результате раскопок на городище были открыты остатки двух монументальных мавзолеев и гуристана XI–XIV вв. В последующие годы Д.Ф. Винник раскопал третий мавзолей и оконтурил так называемый мавзолей №4 в северо-западной части центрального четырехугольника [Винник 1975: 551]. Но все это было потом, а уже в 1970 г. я была уверена, что Бурана – это остатки Баласагуна. Поделилась своими мыслями с Петром Никитовичем Кожемяко, моим научным руководителем по теме кандидатской диссертации, – он не поддержал, сказал: «Докажите!». Д.Ф. Винник отреагировал в свойственной ему манере – плюнул в сторону и ушел от меня подальше вразвалочку, по-матросски (Вот, наглая! – говорил весь его вид тогда). Михаил Евгеньевич тоже сначала не поверил, отписал серьезное письмо-назидание – «не торопиться с выводами». Сам он считал Бурану «купеческим городом Невакет» из-за обилия монетных и христианских находок.

А вот Борис, работавший тогда в Государственном историческом музее Киргизской ССР, поддержал не только словом, но и советом. Он быстро отреагировал статьей в «Литературном Киргизстане» [Кочнев 1970-а] (она приведена под номером 1 в научной библиографии его книги [Кочнев 2006]) и ввел новый, подтверждающий отождествление, нумизматический и эпиграфический материал по Буранинскому городищу.

* Горячева Валентина Дмитриевна – канд. ист. наук, Кыргызско-Российский Славянский университет. Кыргызстан, г. Бишкек.

Не произвело впечатления на ученых и мое выступление посвящено стратиграфии городища Бурана и отождествлению его с Баласагуном [Горячева, 1970], на проходившем в ноябре 1970 г. Всесоюзном совещании в г. Фрунзе «Средневековые города Казахстана и Средней Азии». Тем более что на нем же О. Караев выступил с обстоятельным докладом «О местонахождении города Баласагун», под которым он подразумевал, как и многие предшествующие ученые, в том числе В.В. Бартольд, городище Ак-Бешим, и считал «район башни Бурана предместьем этого крупного политического центра, что соответствует исторической действительности» [Караев 1970: 60]. Кстати заметить, что в последней своей монографии О. Караев повторил это же заключение о локализации Баласагуна, но ... поменял топонимы местами: «на наш взгляд, Баласагун находился в районе башни Бурана, а развалины Ак-Бешима – его предместье» [Караев 1983: 226].

Кстати, именно Борис подсказал мне тогда идею – для уточнения топографии двух городищ – пройти пешком по саю Бурана. И я пришла на городище Ак-Бешим.

Все свои соображения по локализации Баласагуна и истории развития города от Орду (Ак-Бешима) до Куз-Орду (Бурана), вверх по течению речки Буранинки, ближе к горам – в связи с принятием тюрками-караханидами ислама в сер. X в., я изложила в отчете о полевых исследованиях за 1970 г. В нем обосновывалось, что именно на месте Бураны сформировался мусульманский центр Северного Притяньшанья, где и появились вскоре мечеть с минаретом, ханака и мавзолей рядом с дворцовым комплексом. По завершении написания и утверждения этого отчета мне казалось, что Д.Ф. Винник, руководитель археологической части проекта по реставрации объектов архитектуры на городище Бурана (выражаясь современной терминологией), согласился со мной. По настоянию Петра Никитовича, чтобы «застолбить» открытие, я опубликовала в еженедельнике «Кыргызстан Маданияты» статью об этом и опрометчиво, руководствуясь нормами научной этики, рядом со своей поставила фамилию руководителя отряда Д.Ф. Винника, тем самым разделив с ним авторство [Горячева, Винник 1971]. Однако оказалось, что он был с этим категорически не согласен, что и привело к нашему разрыву.

Серьезным оппонентом моей локализации Баласагуна выступил маститый российский ученый Л.Р. Кызласов – профессор кафедры археологии истфака МГУ им. М.В. Ло-

моносова. Произошло это во время развернувшейся дискуссии по теме моего выступления на Всесоюзной научной конференции, посвященной тридцатилетию Пенджикентской археологической экспедиции «Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана». И снова прозвучали нелестные слова в мой адрес: «наглая молодежь пошла», «не признает никакие авторитеты» и т.д. Борис, выступавший на этой конференции с докладом «Нумизматические материалы к истории Шаша» [Кочнев 1977], поддержал меня морально и в кулуарах убеждал Л.Р. Кызласова в том, что тот ошибается. Помню, как защищали меня тогда перед строгим профессором В.А. Лившиц, ныне покойные К.А. Акишев и Г.А. Федоров-Давыдов (председательствующий в тот день на заседании секции). С.Г. Агаджанов тоже не был со мной согласен, хотя являлся первым официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации (первая глава которой и была посвящена археологическим объектам городища Бурана, проблеме отождествления Баласагуна). Много лет спорила я и с казахским профессором У.Х. Шалекеновым, который считал Баласагуном Степнинское городище на р. Аксу в среднем течении р. Чу. Свообразной поддержкой мне послужила публикация К.М. Байпакова (тогда мы еще не были знакомы) «О древних городах Суяб и Баласагун» [Байпаков 1976].

Более надежные доказательства отождествления, предложенного мною, дали монеты караханидского чекана Куз-Орду и Баласагуна, опубликованные Борисом [Кочнев 1983; 1989], М.Н. Федоровым [Федоров 1975], а также открытие на городище Бурана надмогильных кайраков с эпитафиями, прочтенных, прокомментированных и изданных В.Н. Настичем в тематическом сборнике «Киргизия при караханидах» под редакцией Е.А. Давидович [Настич 1983]. М.Е. Массон предложил издать книжку по истории изучения городища Бурана за 100 лет с кон. XIX в. до 1980-х годов XX в. с подробным изложением находок [Массон, Горячева 1985].

Сомневающимся как будто уже не осталось – о Буране-Баласагуне говорят теперь как о хрестоматийной истине. И иногда передают в искаженной форме по-кыргызски – «Баласагын», в котором жил и творил «земляк» «Жусуп Баласагын»... Уверена, что Борису тоже не понравилось бы это – имя дается человеку одно – оно сакрально! А кыргызы в тот век проживали еще на Енисее, Алтае, частью в Турфанском оазисе.

Другой уникальный памятник Кыргызстана, изучение которого также связано с именем Бориса Кочнева, – это мавзолей Мухамада ибн Насра в Сафед-Булоне. Именно он совместно с В.Н. Настичем доказал это, прочитав часть имени и титулы в надписи в интерьере мавзолея, дотоле известного под названием «Шах Фазил». Борис дал интересный разбор местной легенды о «шахе» Фазиле и связал местные предания с распространением и строительством первых среднеазиатских мавзалла. Великолепно зная нумизматический материал, он сумел по обрывкам титулов и прозвищ караханидских правителей, содержащихся в монетных легендах и надписях в Сафед-Булоне установить имена погребенного в мавзолее удельного князя Ферганы сер. XI в. Илека Мухаммада б. Насра и строителя этой усыпальницы – его сына Му'изз ад-давла Аббаса-Малика [Настич, Кочнев 1988: 68-77].

На примере этого памятника Борис показал важность привлечения фольклорного материала (в современном понимании – устной истории) как метода в историко-культурном или краеведческом исследовании. Нас этому учили еще в вузе, и сам Михаил Евгеньевич

не на одном примере демонстрировал использование этого метода. Борис очень умело сочетал устную историю с этнографией, этнонимикой, что, впрочем, «неизбежно» для нумизмата.

Вообще, он обладал удивительной интуицией, помноженной на талант, эрудицию и прекрасное знание первоисточников – в какой бы области он ни работал.

Борис был совершенно нетерпим ко лжи, всякого рода фальсификациям и допущениям, идущим вразрез с фактами. Поэтому многим коллегам доставалось от него не на шутку. Он мог откровенно высмеять невежду от науки, но никогда не смел бить слабого. Всегда был готов поддержать начинающего в науке, указать ему путь.

Всегда в дороге: с рюкзаком в горы или к друзьям в поле. Таким он предстал предомной на Красной Речке перед отъездом в Израиль, будучи уже больным.

Человек, преданный науке, лишенный всяких политических и карьерных амбиций, он еще так много мог бы сделать для нее. Светлая память о Борисе Кочневе – человеку и ученом – останется навсегда.

Литература

- Байпаков 1976 – *Байпаков К.М.* О древних городах Суяб и Баласагун // Вестник АН КазССР. – 1976. – № 1.
 Винник 1975 – *Винник Д.Ф.* Четвертый сезон работы на Буранинском городище // АО 1974 года. – М., 1975.
 Горячева 1970 – *Горячева В.Д.* Новые археологические данные по стратиграфии Буранинского городища // Средневековые города Средней Азии и Казахстана: Тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 24–29 ноября 1970 г. – Л., 1970.
 Горячева 1975 – *Горячева В.Д.* О локализации города Баласагун // Страницы истории и материальной Культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.
 Горячева, Винник 1971 – *Горячева В.Д., Винник Д.Ф.* Баласагун жөнүндө маселеге карата // Кыргызстан маданияты. – 1971. – № 24.
 Караев 1970 – *Караев О.* О местонахождении города Баласагун // Средневековые города Средней Азии и Казахстана: Тезисы к совещанию в г. Фрунзе, 24–29 ноября 1970 г. – Л., 1970.
 Караев 1983 – *Караев О.* История Караханидского каганата. – Фрунзе, 1983.
 Кочнев 1970-а – *Кочнев Б.Д.* Где же стоял Баласагун // Литературный Киргизстан. – 1970. – № 1.
 Кочнев 1970-б – *Кочнев Б.Д.* Сказка ложь, да в ней намек // Литературный Киргизстан. – 1970. – № 3.
 Кочнев 1977 – *Кочнев Б.Д.* Нумизматические материалы к истории Шаша // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана: Тезисы всесоюзной научной конференции в г. Пенджикент Таджикской ССР, 26–31 августа 1977 г. – Душанбе, 1977.
 Кочнев 1989 – *Кочнев Б.Д.* Монетный чекан Куз-Орду-Баласагуна (XI в.) // Красная речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. – Фрунзе, 1989.
 Кочнев 2006 – *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч. 1. Источниковедческое исследование. – М., 2006.
 Массон, Горячева 1985 – *Массон М.Е., Горячева В.Д.* Бурана. История изучения городища и его памятников. – Фрунзе, 1985.
 Настич 1983 – *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при караханидах. – Фрунзе, 1983.
 Настич, Кочнев 1988 – *Настич В.Н., Кочнев Б.Д.* К атрибуции мавзолея Шах-Фазил (эпиграфические и нумизматические данные) // ЭВ. – Вып. 24. – 1988.
 Федоров 1975 – *Федоров М.Н.* Баласагун при караханидах (по данным нумизматики) // ИАН КиргССР. – 1975. – № 2.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редколлегия продолжающегося издания «Материалы и исследования по археологии Кыргызстана» публикует статьи, сообщения, рецензии по археологии и приглашает авторов к сотрудничеству.

Языки

Статьи публикуются на русском, а также английском и немецком языках. Авторы, предоставившие материалы на английском и немецком языках, ответственны за их языковое и грамматическое качество.

Форма рукописи

К изданию принимаются только законченные работы. Их объем не должен превышать одного авторского листа текста (40 тыс. знаков) и 10 графических единиц.

Материалы принимаются в электронном виде: расширение ... *.doc* (текстовый редактор MS Word для Windows), Times New Roman, кегль 12, интервал 1,5, размер бумаги А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Вверху, по центру, печатается название статьи (прописные буквы, полужирный шрифт, не более двух строк); ниже через один пробел строчными буквами – инициалы и фамилия автора (-ов); еще через одну строку строчными буквами с наклоном – ключевые слова.

Ключевые слова должны отражать географическое положение, вид и датировку объекта, его культурную принадлежность. Максимальное количество – до 10 слов. Они представляются на русском и английском языках.

Сведения об авторе (-ах) – фамилия, имя и отчество (полностью), ученые звания и степень, место работы и занимаемая должность, город и страна, e-mail – указываются в сноске от фамилии автора (-ов) внизу первой страницы.

Текст статьи должен быть набран последовательно, без переносов, без разрядки слов, без блоков предложений; редколлегия оставляет за собой право изменять авторское шрифтовое форматирование текста (напр.: курсив, полужирное выделение, подчеркивание и т.д.) в целях его унификации.

Иллюстрации – фотографии, рисунки и чертежи – предоставляются в электронном виде (отдельными файлами в формате ... *.tiff* каждая иллюстрация с величиной разрешения 300 dpi; ширина размера изображения – 10 или 20 см); в качестве исключения могут быть предоставлены оригиналы фотографий (10 × 15 см и более) и выполненные тушью рисунки и чертежи (формат не более А3). Все графические материалы должны быть снабжены масштабной линейкой и иметь сквозную нумерацию римскими цифрами, напр.: (рис. I., рис. II). Рисунки иллюстраций, содержащие несколько элементов (таблицы), обозначаются арабскими цифрами, напр.: (рис. I. 1,3,5-7).

Подрисуночные подписи приводятся в конце статьи после списка литературы. Они должны содержать данные об объекте, его датировку, культурную принадлежность и другие характеристики.

К рукописи прилагается резюме, объем которого не должен превышать одной страницы формата А4. Резюме должно быть представлено на двух языках – русском и английском; при этом публикуется английская версия для русскоязычных работ и русская – для англо-, немецкоязычных.

Цитирование и ссылки

Редколлегия считает, что все цитаты должны быть тщательно выверены авторами, которые несут ответственность за их правильность.

В представленных к публикации рукописях ссылки должны быть внутритекстовые – в квадратных скобках с указанием фамилии (-ий) автора (или начальные слова названия для коллективных монографий), года издания, страницы, напр.: [Табалдиев 1996: 17] или [История ... 1984: 276].

При отсылке к нескольким работам они разделяются точкой с запятой, напр.: [Горячева 2003: 27; Бернштам 1997: 331].

При отсылке к нескольким работам одного автора указывается его фамилия для каждой работы, напр.: [Ташбаева 1999: 74; Ташбаева 2000: 36]. Если это работы одного года, то после года пуб-

ликации проставляется строчная литера -а, -б и т.д. в соответствии с алфавитным порядком названия статей, напр.: [Кошевар 2005-а; Кошевар 2005-б].

При отсылке к работам авторов, имеющих одинаковые фамилии, указываются инициалы, напр.: [Кызласов Л. 1960; Кызласов И. 1994].

При отсылке к работе, имеющей двух авторов, их фамилии указываются через запятую, напр.: [Воеводский, Грязнов 1938: 165–166]. Если работа имеет более двух авторов, то в ссылке указывается фамилия первого с добавлением «и др.», напр.: [Деревянко и др. 2001: 98].

При ссылке на рукописные и архивные документы указываются название документа, год его составления (если имеется) и цитируемые листы, напр.: [Итоги и перспективы ... : л. 20].

При ссылках на Интернет-ресурсы указывается фамилия автора публикации, при ее отсутствии – начальные слова названия работы или начальные слова названия Интернет-ресурса и через запятую – начальные слова раздела, на котором размещена информация; в конце ссылки после запятой добавляется слово «Интернет», напр.: [Перегудова, Интернет] или [Алвиан, Китай №21, Интернет].

При ссылке на рисунки и (/или) таблицы они обозначаются сокращениями рис. и табл. соответственно и отделяются от номеров страниц и между собой запятыми, напр.: [Бубнова 1963: рис. 8, табл. 2].

При ссылке на таблицы, содержащие ряд отдельных рисунков, они перечисляются после точки через запятую, напр.: [Худяков, Табалдиев 1999: рис. 1. 1-3,5,7, рис. 2. 1,4,14-15] или [Бернштам 1950: табл. XXXI. 3,4].

Полное библиографическое описание цитированных источников (Литература и источники) приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации.

Библиографическое описание

Список литературы и источников состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице (если имеются). Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года, в описании после него через дефис проставляются литеры -а, -б, -в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений.

При описании каждого источника должны соблюдаться следующие требования. Вначале указывается фамилия автора и год издания, т.е. так, как они приведены в ссылке. Затем, после тире, приводится фамилия автора и его инициалы; при наличии двух и более авторов фамилии и инициалы приводятся через запятую. Далее указывается название работы. Затем, если дается описание монографии, приводятся место издания и год. Если работа опубликована в сборнике статей или периодическом издании, то после двух слешей (наклонных черт) приводится название издания и далее – при описании статьи в периодическом издании указываются год и номер, а при описании статьи в продолжающемся издании – том, выпуск, место издания, год. При описании сериального издания или статьи, размещенной в нем, название серии указывается через тире в круглых скобках после года издания.

Особенность библиографического описания электронных ресурсов состоит в том, что после фамилии автора и названия работы после двух слешей указывается название Интернет-сайта, после точки – название раздела (разделов); затем, после знака «точка-тире» в квадратных скобках пишется «Электронный ресурс»; затем, после знака «точка-тире» – «Режим доступа: ...» и приводится полный электронный адрес размещения ресурса; если полный адрес защищен кодировкой, то указывается адрес начальной страницы ресурса.

Названия статей, изданных на европейских языках (латиницей), оформляются по тем же правилам. Названия статей, изданных на восточных языках (арабский, китайский и т.д.), приводятся в переводе на русский (английский) язык или в транслитерации на кириллицу (латиницу) с указанием языка оригинала.

Примеры библиографических описаний

Монография

Кожемяко 1959 – *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.

Многотомное издание

История ... 1984 – История Киргизской ССР: В 5 т. Т. 1. – Фрунзе, 1984.

Сериальные издания

Чуйская долина 1950 – Чуйская долина: Труды Семиреченской археологической экспедиции. – М.; Л., 1950. – (МИА № 14).

Заднепровский 1985 – *Заднепровский Ю.А.* Фергана. Эйлтанская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – (Археология СССР).

Статья в сборнике статей

Ведутова 2003 – *Ведутова Л.М.* Эмблема Шивы из Кыргызстана // Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии: Материалы МК. – Бишкек, 2003.

Статья в продолжающемся издании

Абетеков 1978 – *Абетеков А.К.* О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. Вып. 154. – М., 1978.

Статья в периодическом издании

Горячева, Перегудова 1996 – *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. – 1996. – № 2.

Статья, размещенная в Интернете

Худяков, Интернет – *Худяков Ю.С.* Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Источники и исследования по истории и культуре Центральной Азии. Перекрестки культур. Вып. 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://siteistok.host.net.kg/CC/vol_1/1_Hudiakov.htm

Архивный документ

Грязнов, Воеводский – *Грязнов М.П., Воеводский М.В.* Принципы построения палеоэтнологического отдела [музея]. – РФ ЦМХК НАН КР, инв. № 110.

Материалы, предоставленные без соблюдения указанных требований, к публикации не принимаются. При подготовке предоставленных статей к печати редколлегия оставляет за собой право сокращать их или вносить изменения, согласовав таковые с авторами.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Дополнительную информацию об издании, статьи для публикации присылать по электронному адресу: archak@gmail.com и archak@gmail.ru с обязательным указанием темы МИАК.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук.
АКД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.
АН КиргССР – Академия наук Киргизской ССР. – Фрунзе.
АН СССР – Академия наук СССР. – М.
АО – Археологические открытия. – М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.
ВДИ – Вестник древней истории. – М.
ВИИСИД – Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.
ВИИСИД – Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. – М.
ВНК – Всесоюзная нумизматическая конференция.
ГИМ КР – Государственный исторический музей Кыргызской Республики. – Бишкек.
ИАН – Известия Академии наук.
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент – Самарканд.
КГПУ им. И. Арабаева. – Кыргызский государственный педагогический университет им. И. Арабаева. – Бишкек.
КНУ им. Ж. Баласагына – Кыргызский государственный университет им. Жусупа Баласагына. – Бишкек.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. – М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Л.; М.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек.
МИИТ – Материалы по истории туркмен и Туркменистана. – М.; Л.
МНК – Международная научная конференция.
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. – М.
ОНУз – Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент.
РА – Российская археология. – М.
СА – Советская археология. – М.
СНВ – Страны и народы Востока. – М.
ТАЭ – Таджикская археологическая экспедиция.
ТД – Тезисы докладов
ТДС – Тезисы докладов и сообщений
ТИИ – Труды института истории. – Фрунзе.
ТИИАЭ АН КазССР – Труды института истории, археологии и этнографии. Академия наук Казахской ССР. – Алма-Ата.
ТИМК – Труды института мировой культуры. – Бишкек – Лейпциг.
ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. – М.
ТКПИ – Труды Киргизского государственного педагогического института. – Фрунзе.
ТКУ – Труды Киргизского государственного университета. – Фрунзе.
ТОВЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Л.
ТСГУ – Труды Среднеазиатского государственного университета им. В.И. Ленина. – Ташкент.
ТФИ – Труды Фрунзенского политехнического института. – Фрунзе.
УЗИВ – Ученые записки Института востоковедения – М.
УСА – Успехи среднеазиатской археологии. – Л.
ЭВ – Эпиграфика Востока. – М.
- ONS – Oriental Numismatic Society
SRAA – Silk Road art and archaeology. – Kamakura

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА		MATERIALS ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN	
<i>Чаргынов Т.Т.</i> 3	Многослойный стратифицированный палеолитический памятник Юташ-Сай	<i>T.T. Chargynov</i> 3	Multi-layer stratificated paleolithic site Utash-Say
<i>Торгоев А.И.</i> 15	Аварийные работы на могильнике Кароол-Дёбё в 2001–2002 гг.	<i>A.I. Torgoev</i> 15	The archaeological excavation on the burial mound Karool-Dëbë in 2001–2002
<i>Кольченко В.А., Ротт Ф.Г.</i> 21	Аварийные работы на могильнике Кароол-Дёбё в 2003 г.	<i>V.A. Kolchenko, Ph. G. Rott</i> 21	The archaeological excavation on the burial mound Karool-Dëbë in 2003
<i>Сулайманова А.Т.</i> 35	Данные из поминальных оградок древних тюрок Кочкорской долины	<i>A.T. Sulaimanova</i> 35	The data on ritual sites of old turks of Kochkor valley
<i>Торгоев А.И.</i> 42	Некрополь городища Садыр-Курган. (аварийные исследования 2001 г.)	<i>A.I. Torgoev</i> 42	Necropolis the Sadyr-Kurgan ancient site (emergency researches of 2001)
<i>Кольченко В.А.</i> 45	Новое об оссуариях Чуйской долины	<i>V.A. Kolchenko</i> 45	New data on ossuaries of Chuy valley
<i>Кошевар В.Г.</i> 51	Новые находки китайских монет VII–XI вв. в Иссък-Кульской котловине	<i>V.G. Koshevar</i> 51	New finds of chinese coins of the seven-eleven cen- tury ad from Issyk-Kul hollow
<i>Ротт Ф.Г., Кошевар В.Г.</i> 53	Неизвестный караханидский фальс с городища Новопокровское II	<i>Ph.G. Rott, V.G. Koshevar</i> 53	Unknown qarākhānid fals from the Novopokrovskoe II settlement
<i>Москалев М.И.</i> 55	Материалы к археологической карте Ак-Талинского района	<i>M.I. Moskalev</i> 55	The data on archaeological map of Ak-Tal district
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА		RESEARCHES ON ARCHEOLOGY OF KYRGYZSTAN	
<i>Иванов С.С.</i> 64	К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел	<i>S.S. Ivanov</i> 64	To the question of clipped bronze arrowheads
<i>Кошевар В.Г.</i> 71	О денежном обращении в Чуйской долине в VIII–X вв.	<i>V.G. Koshevar</i> 71	About monetary circulation in Chu valley in 8–10-th A.D.
ИСТОРИОГРАФИЯ, АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ		HISTORIOGRAPHY AND ARCHIVE FILES	
<i>Кожемяко П.Н.</i> 84	Отчет о полевых работах Тянь-шаньского археологического отряда в 1958 году	<i>P.N. Kojemiako</i> 84	Report on the archaeological works of Tian-shan archaeological group in 1958
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ МЕМУАРИСТИКА		ARCHAEOLOGICAL MEMOIRS	
<i>Горячева В.Д.</i> 118	Памяти однокурсника (о Борисе Дмитриевиче)	<i>V.D. Goryacheva</i> 118	In memoriam comrade (about Boris Dmitrievich Kochnev)
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 121		TO DATA OF AUTHORS 121	
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ 124		THE LIST OF THE ACCEPTED REDUCTIONS 124	

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КЫРГЫЗСТАНА**
Выпуск 2

Редактор издательства И.В. Верченко
Технический редактор О.А. Матвеева
Компьютерная верстка М.Р. Зайнулиной

Подписано к печати 13.04.2007

Формат 60 x 84^{1/8}

Гарнитура Sylfaen

Объем 15,75 п.л.

Тираж 150 экз.

Издательство «Илим»
720071, Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 265-А